

Диляра Усманова

**МУСУЛЬМАНСКАЯ ФРАКЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ
“СВОБОДЫ СОВЕСТИ” В ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДУМЕ РОССИИ (1906–1917)**

КАЗАНЬ – 1999

УДК 947.083 + 342.731
ББК 63.3(2)522/524 + 86.38
У75

Научный редактор: д.и.н., профессор, академик АН Татарстана **И.Р.Тагиров** (Казанский государственный университет)

Научный рецензент: к.и.н., доцент **Н.А.Федорова** (Казанский государственный университет)

У115 Усманова Д. М. Мусульманская фракция и проблемы "свободы совести" в Государственной Думе России (1906–1917). – Казань: Издательство "Мастер Лайн", 1999, 164 с.

Монография посвящена истории образования и деятельности мусульманской фракции Государственной Думы России (1906-1917). Особое внимание уделено анализу позиции депутатов-мусульман при разработке религиозного законодательства. Отношение к религиозным законопроектам депутатов-мусульман и татарской общественности прослежено на основе разнообразных источников, в том числе с привлечением татарской периодики того времени.

Исследование снабжено фотографиями и приложением, содержащим полный список депутатов-мусульман с биографическими данными и сведениями об их участии в думских фракциях и комиссиях.

Книга рассчитана как на специалистов историков, так и на достаточно широкий круг читателей, интересующихся историей России и татарского народа в начале XX в.

© Д. М. Усманова, 1999, текст

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Обзор источников и литературы.	6
Глава II. Деятельность мусульманской фракции Государственной Думы и ее значение в формировании политической культуры мусульманских народов России (1906-1917).	31
§ 1. Этапы организационного объединения мусульман в I-IV Государственных Думах.	
§ 2. Социально-политический облик депутатов-мусульман.	
§ 3. Законотворческая деятельность и работа депутатов- мусульман в думских комиссиях.	
Глава III. Проблема "свободы совести" и участие депутатов- мусульман в разработке вероисповедного законодательства в Государственной Думе (1906-1914).	81
§ 1. Вопросы "свободы совести" в I Государственной Думе.	
§ 2. II Государственная Дума и министерские религиозные законопроекты.	
§ 3. Деятельность вероисповедной комиссии в III Государственной Думе.	
§ 4. Вклад IV Думы в разработку вероисповедного законодательства.	
§ 5. Проекты реформирования органов религиозного управления мусульман России.	
Заключение.	123
Приложение.	128
Таблица № 2. Общий список депутатов-мусульман.	
Таблицы № 3-6. Занятость депутатов-мусульман в комиссиях и фракциях в I-IV Государственных Думах.	
Полное название комиссий, в работе которых принимали участие депутаты-мусульмане.	
Список использованных источников и литературы	149

Введение

Одним из безусловно положительных итогов Российской революции 1905–1907 гг. является зарождение и становление новой политической традиции – российского парламентаризма. Именно революционные выступления российского общества весной-осенью 1905 г. вынудили самодержавие издать Манифест 17 Октября, означавший по сути конец в России абсолютной монархии и переход к монархии парламентской. Переход этот был длительным, болезненным, со стороны царизма неохотным и вынужденным, однако неотвратимым.

В итоге на российском политическом небосклоне появился новый орган – Государственная Дума. На всем протяжении своего существования – с 1906 по весну 1917 г. – она выполняла функции, определенные ей законом. Но кроме того, Государственная Дума стала трибуной, с которой российская общественность могла легально и публично высказывать свои желания, взгляды, устремления, выражать свою позицию по различным вопросам. Государственная Дума не была едина и неизменна на протяжении всего периода своего существования, она менялась и трансформировалась (не всегда в лучшую сторону) в зависимости от требований, предъявляемых к ней, с одной стороны, самодержавием, а с другой – российской общественностью. Возможно, она отличалась от парламента классического западно-европейского образца. Государственная Дума являлась своего рода слепком российского общества того времени. Поэтому изучение многих проблем того периода, особенно связанных с формированием политической культуры российского общества, невозможно без тщательного изучения истории Государственной Думы.

Как и любой “живой организм”, Государственная Дума состояла из различных частей: фракций, блоков, течений, групп; комиссий и комитетов, деятельность которых во многом определяла облик Думы. Значительной среди них была и мусульманская фракция, в которой были собраны большинство депутатов-мусульман, избранных и работавших в Думе.

Мусульманская фракция российского парламента отличалась от других фракций и групп как по своим целям и задачам, так и по составу. Прежде всего, она была образована по конфессиональному признаку, в то время как большинство других по партийному (фракция кадетов, октябристов, социал-демократов, трудовиков и пр.), реже по национальному (Польское Коло) или по национально-территориальному (Белорусско-Литовско-Польская группа) признакам. Именно религиозно-духовные проблемы стали тем стержнем, вокруг которых происходило объединение мусульманских народов в единое общественно-политическое движение в стенах российского парламента и в стране в целом.

Мусульманская фракция играла особую роль в Государственной Думе. Особое место она занимала и в общественно-политической жизни мусульманских народов империи. Ее история интересна тем, что позволяет проследить процесс зарождения и формирования политической культуры отдельных мусульманских народов как неотъемлемой, но своеобразной части, с одной стороны, общемусульманской, а с другой – общероссийской парламентской традиции.

История образования и деятельности мусульманской фракции, позиция депутатов-мусульман по различным вопросам и прежде всего при разработке религиозного законодательства, и, наконец, отношение к этим проблемам татарской общественности – все это и составляет предмет данного исследования.

Хотелось бы высказать слова признательности всем друзьям и коллегам, оказавшим мне большую поддержку в работе над данной монографией: докторам Михаэлю Кемперу и Анке фон Кюгельген, профессору Штефану Райхмуту (Бохум), заместителю директора НА РТ Сулейману Рахимову, заместителю директора ИИ АН РТ Рамилю Хайрутдинову, председателю Совета по делам религий, профессору Ринату Набиеву, доцентам Елене Вишленковой и Завдату Миннуллину (Казань).

Особо хочу поблагодарить мою коллегу по кафедре современной отечественной истории доцента Наталью Федорову (Казань) и доктора Пола Верта (Лас-Вегас) за высказанные в ходе работы ценные замечания.

Монография подготовлена при финансовой поддержке ИНТА-Са (проекты 94-4641 и YSF-98-61).

ГЛАВА I ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники на русском языке. История Государственной Думы очень богата источниками.

I. Прежде всего это разнообразные архивные документы: дела, связанные с выборами в Думу (подготовительный материал, результаты проверок итогов и правильного хода избирательной кампании и пр.)¹, рабочий материал (прежде всего, журналы заседаний и черновые бумаги) отдельных групп и комиссий, личные дела членов II–III–IV Государственных Дум², запросы и прошения от населения, поступавшие в Думу в адрес фракций или отдельных депутатов³. Законотворческая деятельность министерств и депутатов также отражена в архивных материалах.⁴ Не менее многочисленные архивные дела дают богатый материал для анализа религиозной политики властей, министерских законопроектов о “свободе совести” и деятельности вероисповедной комиссии Думы.⁵ Некоторые из этих дел опубликованы (например, журналы заседаний отдельных думских комиссий), однако сравнительный анализ односторонних опубликованных и неопубликованных источников позволяет лучше проследить ход и характер обсуждения этих проблем на различных этапах, определить важнейшие этапы их эволюции.

В силу вполне понятных причин, основной массив архивных документов сохранился в столице империи – Санкт-Петербурге. Однако и местные, региональные архивы также представляют материал по данной проблеме, достойный внимания исследователей. В частности, в НА РТ в фонде Казанского губернатора (Ф. 1), Казанского Губернского Жандармского Управления (Ф. 199) отложилось значительное число материалов, связанных с выборами в Думу, полицейские донесения (известно, что по распоряжению МВД депутаты Думы автоматически попадали под надзор полиции и все их действия, вплоть до передвижений во время пребывания на каникулах, были под постоянным контролем властей), обзоры и анализ материалов прессы, касающейся Думской деятельности и пр.

II. Опубликованные источники столь многообразны и многочисленны, что их можно поделить на несколько основных групп.

1. Опубликованные законы и законодательные акты, касающиеся статуса Государственной Думы, в т. ч. структуры, функций, прав и обязанностей Думы и пр.⁶

2. Опубликованные законопроекты, как министерские, так и являющиеся думской инициативой, а также их анализ, сделанный представителями различных думских объединений.⁷

3. Стенографические отчеты общих заседаний Думы. Они содержат богатейший материал, освещающий публичную сторону работы Думы.⁸ Некоторые, наиболее яркие выступления депутатов-мусульман, в последнее время были переизданы или же готовятся к печати.⁹

4. Литература, содержащая сведения о депутатах биографического плана. Практически все эти издания были опубликованы в период с 1906 по 1913 г. и оказали, наряду с данными из личных дел депутатов, неоценимую услугу при составлении сводной таблицы по членам мусульманской фракции.¹⁰

5. Литература справочного характера, изданная структурами, входящими в состав Думы или близкими к ней. Это прежде всего справочники о работе Думы, составе ее комиссий, отделов, составе и функционировании канцелярии и пр.¹¹; обзоры деятельности комиссий и отделов Думы¹²; запросы по отдельным вопросам или депутатские работы по различным проблемам и пр. Особенно богата на нее III и начальный (довоенный) период IV Дум.

6. Библиографические указатели, позволяющие лучше ориентироваться в море многочисленной и разнообразной литературы, вышедшей в начале века.¹³

Все перечисленные источники имеют одно общее свойство – они, как правило, содержат определенную, конкретную, вполне объективную информацию о деятельности Думы в целом или отдельных ее субъектов (комиссий и комитетов, фракций или отдельных депутатов).

Но есть еще три группы источников, отличающихся прежде всего своей субъективностью, что составляет впрочем их особую ценность. Это периодическая печать того времени, общественно-политическая и мемуарная литература.

Многочисленные газетные и журнальные публикации кроме содержащихся в них информационного материала помогают воссоздать атмосферу того времени, представляют собой арену столкновения различных мнений, являются трибуной для многочисленных, подчас заочных дискуссий и споров. Именно периодическая печать является выразительницей общественного мнения, а потому без нее невозможно изучение многих проблем и явлений общественно-политической жизни того времени. Да и остающаяся часто скрытой “закулисная” сторона деятельности депутатов и Думы более всего отражена в полемических газетно-журнальных статьях.

Труды общественно-политического плана выходили часто из-под пера или же депутатов (нередко бывших) Государственной Думы, или же царских сановников, сталкивавшихся с ними по долгу службы. Как правило, подобная литература кроме субъективной позиции автора отражает и партийную, фракционную точку зрения на то или иное событие. Их ценность еще и в том, что они написаны почти сразу же вслед за событиями, о которых идет речь, т. е., “по горячим следам”, и таким образом отражают настроения и мысли, преобладавшие именно в это время (с учетом естественно цензурных ограничений и объективных умолчаний).¹⁴

Мемуарная литература также представляет почти весь спектр общественных настроений, оценок характера и деятельности Думы, воссоздает, пусть и субъективно, картину принятия многих решений, что часто оставалось скрытым от взора широкой общественности. Она была опубликована как в период революций 1917 г., т. е. в условиях бесцензурной России¹⁵ или же гораздо позднее, уже в эмиграции.¹⁶ Надо сказать, что и многие бывшие члены Государственной Думы, оказавшиеся в эмиграции, посчитали своим долгом оставить воспоминания о прожитых годах, среди которых парламентский период занимал весьма значительное место: кадеты Н.А.-Бородин (I Дума), С.Н.Булгаков (II), И.В.Гессен (II), А.А.Кизеветтер (II), В.А.Маклаков (II–III–IV) и П.Н.Милоков (III–IV), октябристы А.И.Гучков (III) и С.И.Шидловский (III–IV), умеренно-правый (позднее националист) еп. Евлогий (II–III) и националист А.А.Ознобишин (IV).¹⁷

Из дореволюционной русскоязычной мемуарной литературы, принадлежащей перу мусульман, можно назвать статью Алихана Букейханова, в сборнике, опубликованном к десятилетнему юбилею

первой Думы.¹⁸ После революции в эмиграции оказалось не так много бывших депутатов-мусульман (А.Топчибашев, С.Максуди¹⁹) и, скорее всего, они не оставили воспоминаний, не говоря уже о специальных, посвященных преимущественно думскому периоду их деятельности.

В контексте обозначенной проблемы, данного рода источники представляют ценность прежде всего для создания общей картины исторических событий, так как в них практически нет или очень мало сведений о депутатах-мусульманах. Чем это объясняется? Видимо, рядом причин: отсутствием постоянных, имеющих принципиальный и долговременный характер, контактов между членами мусульманской или прочих фракций; незнанием или нередко игнорированием интересов и проблем мусульманского населения; “уходом” в собственные проблемы (что характерно для Польского Кола); и наконец, незначительностью роли мусульманской фракции в жизни и судьбе Думы в целом.

Не меняющими общую картину исключениями являются две публикации журнала “Русская мысль”: очень подробная и глубокая работа Г.Алисова²⁰ и статья, опубликованная в том же журнале спустя три года, в 1912 г. под псевдонимом “Наблюдатель”.²¹

В первой, кроме анализа истоков и характера нарождающегося мусульманского движения, достаточно большое внимание уделено деятельности мусульманской фракции. Сильной стороной автора является его хорошее знание мусульманской прессы и, видимо, достаточно близкие отношения с представителями анализируемой общности. Поэтому в целом невысокая оценка результатов деятельности депутатов-мусульман сопровождается рядом весьма любопытных характеристик и показательных фактов, что делает данную публикацию ценным источником. Но что более важно, названная статья очень хорошо показывает стремление прогрессивной российской общественности сделать шаг навстречу мусульманским народам.

Вторая статья подробно разбирает национальные и националистические течения в третьей Думе, поскольку их изучение представляет не только теоретическое, сколько практическое значение: “эти течения в Думе вполне соответствуют течениям среди различных народностей России и в русском обществе”. Тюрки-мусульмане, которым уделена небольшая часть (1/14 общего объема) публикации, по мнению автора, являются “типом национальности зарож-

дающейся”, а потому при подобной молодости национального движения “самые основы национального объединения еще не выкристаллизовались”, о чем свидетельствует и то, что даже думская группа объединена религиозным признаком.²²

Другой крупный орган российских либералов – журнал “Вестник Европы” – за семь лет (т. е. с 1906 по 1912 гг.) опубликовал всего лишь **одну** статью, непосредственно посвященную проблемам мусульманских народов России.²³

Косвенным же подтверждением тезиса о слабой осведомленности даже прогрессивной общественности, не говоря уже о консервативной ее части, о внутренней жизни мусульманских народов, являются две значительные публикации того времени: “Турецкий сборник. К событиям на Ближнем Востоке” (СПб., 1909, 263 с.) и “Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия и Германия.” (СПб., 1910, 821 с.). В первом сборнике со статьей “Кризис мусульманской жизнеспособности” с анализом мусульманских проблем и попыткой ответа на вечно мучающий европейцев вопрос о совместимости ислама и культуры выступил М.Шахтагинский, которого никак нельзя считать выразителем взглядов прогрессивных мусульман и отношение к которому мусульманской прессы было крайне отрицательным.²⁴ Второй сборник представляет собой фундаментальное собрание статей, написанных в основном в 1907 г. и охвативших национальное движение большинства “недержавных” наций трех стран. Причем статьи написаны преимущественно представителями самих описываемых народностей. Однако, составители сборника не привлекли к этой весьма важной работе мусульманских авторов. Исключением является лишь статья А.Букейханова о казахах с обилием статистических сведений, но кратким обзором общественной жизни. Кавказские и поволжские тюрки, так же как и среднеазиатские мусульманские народы не удостоились даже такого беглого внимания. Ссылки на татарское национальное движение, как наиболее выразительное в мусульманском мире, имеются лишь в статье под названием “Иногородцы. Общий обзор.” Это невольное игнорирование общественного движения мусульманских народов империи было отмечено и современниками.²⁵

Взгляды крайне-правого крыла российской общественной мысли изложены в многочисленных брошюрах русских националистов,

активизировавшихся после 1907 г. и особенно в 1910–1912 гг. В национальном вопросе и по отношению к религиозному реформаторству представители правого крыла занимали консервативно-охранительную позицию, чаще апеллировали к национальным инстинктам и традиционным особым правам православия. В системе **мораль-право** для них, безусловно, наибольшую ценность представляли нравственные, моральные ценности. В России христианскую религиозную мораль как “максимум моральных норм”, как некий нравственный идеал представляла, по их глубокому убеждению, исключительно Православная Церковь. Отсюда они выводили тезис о необходимости сохранения господствующего положения Православия и о вреде религиозных преобразований.²⁶ Проводившиеся же в 1905–1906 гг. реформы, по мнению ряда консервативных публицистов, не привели к обновлению, а наоборот ввели “в государственную жизнь элементы расстройств и одряхления” (Л.Тихомиров).

Неприятие к проводимым преобразованиям и стремление сохранить исконные преимущественные права господствующей народности и церкви часто базировались на психологии “завоевателя-победителя”. Отсюда полное нежелание прислушаться к голосу самих “инородцев” и обременять свои постулаты строгой научной аргументацией.

Не останавливаясь на подобных взглядах подробно, можно лишь в качестве наиболее красноречивого примера привести работу проф. П.И.Ковалевского “Кавказ” (СПб. – Пг., 2 тома, 1914–1915 гг.). Второй том данного исследования посвящен истории покорения Кавказа и деятельности первых наместников в XIX в. и заканчивается непосредственным обращением автора к современным событиям. Сделав исторический экскурс, П.И.Ковалевский недвусмысленно формулирует базовые принципы идеологии “державников-победителей”: поскольку Кавказ был завоеван Россией бескорыстно и **исключительно** для защиты интересов единоверцев-христиан и там было “слишком много пролито крови русской”, этот регион стал “органической и неотъемлемой частью России во веки веков”. Державный народ не должен терпеть дерзких выходок и обвинений со стороны инородцев и их “жалких представителей” в Думе: “До настоящего времени представители соподчиненных наций в Государственной Думе не являются выразителями нужд и потребностей своих народностей, а всеми мерами считают необходимым наносить

оскорбления державной нации и мешать правильному ходу (выделено мною – Д.У.) законодательного учреждения. Если поведение этих представителей будет также продолжаться и дальше, то державная нация, не усматривая никакой пользы для дела от их представительства, должна будет выключить их из присутствия в Государственной Думе и о нуждах кавказских народностей будет судить по собственному усмотрению.”²⁷ Таким образом, по убеждению П.И.Ковалевского, только лишь некоторые “культурные” народы могут заявлять о своих национальных правах, да и то только в той степени, насколько их стремления не противоречат интересам русской нации, действия же остальных расценивались как дерзкие и неприличные выходки невежественных инородцев, а присутствие “неудачных” (выделено мною – Д.У.) депутатов в Думе может неблагоприятно отразиться на интересах самих инородцев.

Не скрывая своей позиции завоевателя, П.И.Ковалевский и его думские единомышленники абсолютно не были склонны учитывать требования и права нерусских национальностей. Они даже не желали о них слышать и были согласны на благосклонность лишь при “хорошем” поведении инородцев. Естественно, в таких условиях диалог культур между такими крайними полюсами – русскими державниками-националистами с одной и мусульманами с другой стороны – был практически невозможен. Представители этого правонационалистического крыла российской общественности более откровенно высказывали те взгляды, которые разделяли, но не всегда озвучивали их единомышленники из правительственных сфер. Последние были более осторожны. Однако многочисленные косвенные данные и всесторонняя помощь, которую правительство оказывало им, свидетельствует о близости позиций. А потому, обращение к высказываниям и публикациям представителей крайне правого крыла общественного движения помогает лучше понять мотивы поступков правительственных чиновников, причину “саботирования” ими реформаторских начинаний и природу противоречий многих законопроектов.

Отдельную самостоятельную и весьма многочисленную группу составляют сочинения известных в дореволюционной России правоведов и публицистов, писавших о государственной религиозной политике и дававших существующему и вводимому религиозному законодательству оценку с позиции юристов-конституционалистов.

Их перу принадлежит большинство теоретических работ по проблеме “свободы совести”, раскрывающих суть и тенденции религиозных взаимоотношений государства и общества во всем его поликонфессиональном разнообразии. Из целой плеяды талантливых правоведов и публицистов (религиоведов) начала века следует прежде всего выделить таких бесспорных авторитетов, как К.К.Арсеньев²⁸, А.Ф.Кони²⁹, С.П.Мельгунов³⁰, А.А.Жижиленко³¹, М.А.Рейснер³² и др.³³ Обзор русской литературы по теоретическим аспектам проблемы веротерпимости и свободы совести, созданной во второй половине XIX- начале XX в., имеется в работе П.С.Троицкого.³⁴ Следует отметить, что российская литература о религиозной свободе начала XX века создавалась под сильным влиянием ряда европейских исследований и прежде всего сочинения Франческо Руффины “Религиозная свобода. История идеи.” (СПб., 1914). Эта книга была написана в конце XIX в., первоначально использовалась в итальянском оригинале (К.К.Арсеньевым, М.А.Рейснером и пр.) и лишь в 1914 г. был опубликован ее русский перевод. Современники признавали, что “исполинский труд” Ф.Руффины “занимает совершенно исключительное место в безбрежной и пестрой литературе предмета”, носит строго научный характер. Выводы автора и определения, данные понятиям веротерпимость и религиозная свобода, лежат в основе сочинений многих российских исследователей той эпохи.

Кроме работ теоретического плана, есть несколько публикаций, написанных непосредственно по следам обсуждения религиозных законопроектов в Думе с оценкой перспектив и результативности итогов сделанного. Две брошюры с почти идентичным названием вышли с разницей в три года.³⁵ Первая принадлежит перу депутата, председателя вероисповедной комиссии П.Каменскому, вторая – И.(И.) Никанорову, который также как и предшественник, не будучи депутатом, видимо разделял взгляды октябристов. Поэтому общий тон двух работ и их оценка действий фракций в религиозном законодательстве достаточно близки, но в то же время есть некоторые различия в освещении вопроса и поставленных акцентах. Прежде всего, по объему вторая работа значительно (в два раза) уступает первой. Различия в названии также не случайны и отражают приоритетность внимания: будучи председателем вероисповедной комиссии, П.Каменский подробно рассмотрел большинство религи-

озных проектов, прошедших через обсуждение в комиссиях и общем собрании Думы к 1909 г. И. Никанорова, видимо, в большей степени интересовала судьба Православной Церкви. Не случайно и в названии работы автор вынес эту часть вопроса на первое место, и большая часть его брошюры была посвящена именно этой проблеме. Кроме того, он излагал исключительно только позицию октябристов, ни обмолвившись практически ни словом о взглядах представителей иных фракций. Несмотря на то, что брошюра И. Никанорова появилась позднее работы П. Каменского на три года и уже после завершения работы третьей Думы, она более поверхностна и лаконична, более доступна по изложению и в целом менее интересна.

Позиция представителя мусульманской фракции и оценка сделанного Думой в вероисповедном вопросе изложена в брошюре М. Ш. Тукаева, вышедшей на двух языках в том же 1912 г.³⁶

Далеко не все указанные архивные материалы и опубликованные источники использовались в данной работе одинаково полно. Из архивных в наибольшей степени были привлечены личные дела депутатов-мусульман, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве РФ (фонд № 1278, оп. 1, 9), а также документы, связанные с выборами в Думу по Казанской губернии, полицейские донесения, обзоры материалов прессы о парламентской деятельности (НА РГ, фонды №№ 1 и 199).

Из опубликованных источников оказались недоступными ряд мемуаров, не представленных в российских книгохранилищах, а также часть современной зарубежной и региональной российской литературы, что связано с определенной дезинтеграцией последних лет. Надеюсь, что в дальнейшей работе круг привлекаемых архивных материалов, опубликованных источников и исследовательской литературы будет расширен.

Дореволюционная литература и источники на татарском языке не столь обширны и многообразны, и количественно и качественно уступают русскоязычной.

Прежде всего следует отметить периодическую печать, являвшуюся хоть и ограниченной цензурой, но все же практически единственной легальной широкой трибуной для татарской общественности. Почти все татарские издания освещали работу Думы в целом и особенно деятельность мусульманской фракции. Одна из газет – “Нур”

– даже имела свое постоянное место в зале заседания Думы – в “Верхней ложе”.³⁷ При всей субъективности данного типа источника, ограниченности и неравномерности помещаемых в прессе сведений, периодическая печать не только содержит конкретную ценную информацию о том или ином событии, но и позволяет понять отношение к ним различных слоев и групп татарской общественности.

Из всего многообразия татарской прессы исследуемого периода необходимо особо выделить два издания – газеты “Дума” и “Милләт” – поскольку они неофициально, но фактически являлись периодическими органами мусульманской фракции или ее части.

Газета “Дума”, издателем-редактором которой был один из активнейших организаторов во II Думе “мусульманской трудовой группы” Калимулла Хасанов, выходила недолго – с 21 апреля по 30 мая 1907 г. – и после шестого номера была запрещена столичными властями. В качестве печатного органа “мусульманской трудовой группы”, газета пропагандировала идеи трудовиков среди мусульманского населения страны и одновременно освещала деятельность мусульманских трудовиков в Думе. Однако ее судьба, так же как и II Думы в целом, была недолговечной.

Газета “Милләт” официально также считалась частным изданием (издателями были бывший и нынешний соответственно депутаты – Селим-Гирей Джантюрин и Ибниямин Ахтямов, а редактором Исмагил Леманов), однако на деле являлась печатным органом мусульманской фракции IV Думы (газета выходила с 28 декабря 1913 по 7 февраля 1915 г. и всего вышло 19 номеров).³⁸ В отличие от первой, вторая газета была двуязычной: издатели, расширяя аудиторию, намеревались пропагандировать свою деятельность не только среди мусульманского населения, но в том числе и в среде российской общественности. Поэтому, в зависимости от содержания и адресата, часть статей публиковалась на обоих языках (русском и татарском), часть же только на одном из двух указанных языков.

Из немногочисленных татароязычных публикаций дореволюционного периода прежде всего следует выделить брошюры Фуада Туктарова и Шакира Тукаева.

Практически единственной работой с обзором биографических данных и деятельности депутатов-мусульман была знаменитая книга Ф. Туктарова, наделавшая в свое время много шума.³⁹ Опубликованная под псевдонимом М.-Ф. Усал, она была издана в январе-фев-

рале 1909 г.⁴⁰ Написанная в обычной для этого публициста манере, очень едко и критично, она вызвала самые разные отклики. И хотя в устах одних она получила презрительное прозвище “гайбѣтнамѣ” (“книга сплетен”), были и более благожелательные мнения. Но без сомнения, она не осталась незамеченной. По словам Сагита Рамеева, чья большая положительная рецензия была помещена в газете “Бѣянепхак”, в руках почти всех татар-казанцев можно увидеть эту книгу: “ее держат даже те, кто давно забыл само понятие татарская книга”.⁴¹

Работа Фуада Туктарова состоит как бы из двух частей. В первой дана краткая предыстория становления в России парламентаризма и описана недолгая судьба первых двух Дум и начальный период работы III Думы. Во второй части помещены биографические заметки (с фотографиями) почти всех депутатов-мусульман, избранных в первые три Думы. Фуад Туктаров, неудачно баллотировавшийся в первую, был близок ко II Думе: состоял секретарем мусульманской фракции и одним из организаторов “мусульманской трудовой группы”. Поэтому он достаточно хорошо знал многих депутатов лично, мог судить о них не по чужим словам и оценкам. Именно эти биографические очерки, в которых проявляется весь острый, критичный ум Ф.Туктарова, порой очень плохо скрываемое личное отношение автора к конкретной личности, представляют наибольший интерес при чтении. Они превращают депутатов в живых людей с их взглядами, достоинствами и недостатками, достижениями и промахами. При всей субъективности, эта книга, по словам Сагита Рамеева, является своего рода беспощадным зеркалом, отражающим часто нелюбезный, но в целом истинный облик депутатов-мусульман как органичной части мусульманского мира России.

Написанная почти 90 лет назад, книга Фуада Туктарова является одной из немногих работ подобного рода (и не только на татарском языке), где в центре внимания были бы исключительно депутаты-мусульмане.

Брошюра Шакира Тукаева носит несколько иной характер. Прежде всего, ее автор состоял депутатом II и III Дум и поэтому данная книга была задумана и выполнена как отчет о его деятельности в вероисповедной комиссии. Несмотря на свой небольшой объем и вполне легальную проблематику, появление этой брошюры наде-

лало немало шуму среди местных властей, которые даже приостановили ее распространение до особого разрешения специального цензора ГУП В.Д.Смирнова.⁴²

Для нас данная работа интересна прежде всего как оценка итогов деятельности вероисповедной комиссии с позиции представителей мусульманской части депутатского корпуса. Однако, не случайно, она одновременно появилась на двух языках – русском и татарском. Возможно, таково было условие цензоров?

Брошюра М.-Ш.Тукаева не единственный пример обращения мусульман к русскоязычной аудитории. Наряду с писавшими на родном, т.е. одном из тюркских наречий, были и двуязычные публицисты, а некоторые и вовсе пользовались преимущественно русским языком. К последним можно отнести достаточно известного мусульманского журналиста из осетин Ахмед-бека Цаликова, жившего по большей части в С.-Петербурге. В частности, в 1913 г. им был выпущен сборник статей, написанных в разные годы (в основном (1908–1910 гг.), и частично уже опубликованных в русскоязычной прессе ранее.⁴³ Из одиннадцати тематически разнообразных статей особое внимание привлекают две: “Религиозно-культурные нужды горцев” и “О мусульманских духовных учреждениях”. Красочно описывая совершенно неудовлетворительное состояние религиозно-культурной жизни горцев, которые будучи формально отнесены к ОДС, а на деле были “бесхозны”, Ахмед-бек Цаликов излагал позицию мусульман в вопросе о желательном направлении реформирования этой сферы духовной жизни мусульман России и пытался донести ее до русскоязычной аудитории.

Обращение к последней диктовалось тем, что было важно не только познать и понимать собственное положение, но и быть правильно понятым. Поэтому подобная литература имеет отчасти пропагандистский характер.

В еще большей степени аналогичный характер присущ, видимо, брошюре с изложением программы мусульманской фракции во II Думе.⁴⁴

Советская, постсоветская и зарубежная историография истории мусульманской фракции Государственной Думы.

Неверно было бы утверждать, что литература о депутатах-мусульманах отсутствует полностью. Более того, в последнее время наблюдается всплеск интереса историков и политологов разного уровня (как региональных, так и столичных) к этой проблеме, которая даже превратилась одну из самых “модных” исследовательских проблем. Но она эпизодична и в целом однообразна. Прежде всего практически отсутствуют исследования, охватывавшие бы деятельность всех депутатов-мусульман и мусульманской фракции в целом. Также и количественно работы аналитического плана явно уступают работам, носящим описательный характер.

Имеющиеся исследования⁴⁵ можно условно поделить на несколько групп. Во-первых, это работы, ориентированные на освещение деятельности мусульманских депутатов, исходя, если так можно выразиться, из национального или же территориального признаков⁴⁶. Так одни работы посвящены только депутатам-казахам⁴⁷, другие – крымским татарам⁴⁸, азербайджанцам⁴⁹ или поволжским татарам⁵⁰. Как правило, в этих работах присутствует характеристика отдельных национальных депутатов с несколькими общими словами о представителях других мусульманских национальностей. Кроме того, за исключением специальной, но небольшой по объему и довольно поверхностной статьи Г.Ахмедова, указанные работы были посвящены общим вопросам истории этих народов, а потому зачастую носят обзорный характер. Указанная же проблема – характеристика мусульманской фракции или депутатов-мусульман – имеет для авторов второстепенное значение и освещается достаточно бегло.

Вторую группу составляют исследования, которые посвящены отдельным аспектам парламентской деятельности: аграрный, национальный, школьный, вероисповедный и пр. вопросы в деятельности отдельных парламентских фракций и Думы в целом. Такая постановка позволяет авторам более детально и углубленно изучить позицию различных депутатских объединений, выявить в их взглядах общее и особенности, рассмотреть их контакты и взаимоотношения, наконец, оценить результативность деятельности Думы в целом. Из работ подобного плана прежде всего следует выделить исследование Р.Зальцмана по школьному вопросу в Думе.⁵¹ Автор

рассматривает позицию практически всех значительных парламентских объединений, среди которых отдельная глава посвящена мусульманской группе (вместе с другими национальными депутатами).⁵² Однако более показательным диссертационное исследование М.Хагена, посвященное национальным вопросам в 3-й Думе.⁵³ Автор основное свое внимание сосредоточивает на национальных проблемах в западных окраинах империи (польская проблема, финское законодательство, еврейский вопрос, немцы и пр.), уделив меньшее внимание положению Кавказских народов и оставив совсем без внимания мусульманские (инородческие в целом) народы “внутренней” России. Аналогичные по постановке проблемы работы В.А.Козбаненко по аграрному вопросу⁵⁴ или же М.Вольтерс по внешнеполитическому курсу⁵⁵ также практически полностью игнорируют депутатов-мусульман. Это “невнимание” может быть объяснено, во-первых, незначительной ролью последних в Думе при решении данных вопросов, а во-вторых, также отсутствием у названных авторов доступа к иным источникам, нежели стенографические отчеты (прежде всего вследствие незнания ими тюркских языков).

Достаточно объемная статья московского историка С.Исхакова, посвященная истории “Иттифак эль-муслимин”, содержит также информацию (местами противоречивую и ошибочную) о парламентской стороне деятельности мусульманского союза.⁵⁶ В подобном же ключе написана статья казанского исследователя Р.А.Циунчука.⁵⁷ Явно постановочный характер носят небольшие по объему публикации А.Хабутдинова и М.К.Мухарямова.⁵⁸

Третья группа состоит из работ, посвященных отдельным историческим личностям из числа тех мусульман, что сыграли значительную роль в Думе и общественной жизни мусульманского мира в целом: С.-Г.Алкину⁵⁹, С.Максуди⁶⁰, К.Хасанову⁶¹, Г.Сыртланову, С.Джантюрину⁶² и пр. Безусловно, эти работы неравнозначны. Их сложно сравнивать не только по объему, но и по полноте и оригинальности привлеченного материала. Нередко они носят скорее популярный, нежели научный характер, что отчасти снижает их научную ценность. Эти работы роднит то, что проблемы, интересовавшие мусульманскую общественность в целом, освещены через призму взглядов и деятельности отдельных депутатов. И это весьма ценно.

Особняком стоит работ современного немецкого ученого Андреаса Каппелера “Россия – многонациональная империя”.⁶³ Пожалуй впервые в современной историографии дана сравнительная характеристика депутатского состава по этническому (а не партийному) признаку, с определением соотношения наиболее значительных сил, удельного веса и влияния нерусских депутатов в Думе в целом.⁶⁴ В плане постановки и широты охвата проблемы книга немецкого ученого не имеет аналогов в отечественной историографии, которая в целом имеет несколько принципиальных отличительных черт.

Для российской историографии советского периода характерно преимущественное освещение классового состава Думы и непримиримой классовой борьбы в стенах парламента, а также выявление истоков неизбежного краха царизма.⁶⁵ Для зарубежной – анализ расклада партийных сил в Думе⁶⁶ и поиск ответа на вопрос о конституционности и жизнеспособности российского режима 1905–1916 гг.⁶⁷ В этом плане зарубежная историография идет по стопам дореволюционной кадетской публицистики, для которой характер и судьба российского конституционализма были наверно первостепенными в то время и являлись красной нитью всех их рассуждений и идей.

В целом же для думской историографии, наработанной в мире за последние 50–55 лет, характерно незначительное внимание к депутатским объединениям на религиозной, национальной или сословной основе (например, украинской, казачьей группам, мусульманской фракции и пр.). Российские и особенно зарубежные исследователи, как правило, ограничивались простым перечислением численности депутатов-мусульман (В.Уольш, Б.Шпулер⁶⁸, А.Левин и др.), лишь изредка обращаясь к сравнительному анализу образовательного уровня, социальных, профессиональных и прочих характеристик (С.Смит и др.). И сегодня ситуация принципиально не изменилась. В этом плане показательным интересным исследованием В.Демидова⁶⁹, вышедшее в новейшее время, в котором о депутатах-мусульманах сказано всего лишь дважды, да и то бегло. Не являются исключением и другие новейшие исследования (например В.А.Козбаненко и пр.), не говоря уже о более ранней литературе, ориентированной на другие цели.

В то же время, в последнее время появляются работы, носящие принципиально новый характер. Хочется остановиться на нескольких, таких различных по характеру и направлению, но каждой по своему очень интересных исследованиях, появление которых является приметой времени. Во-первых, это уже упомянутая работа В.Демидова, в которой впервые в советской историографии раскрывается механизм функционирования российского парламента в соответствии с законодательством и в сравнении с европейской практикой, также впервые дан столь подробный анализ внутренней организации Думы (руководящие органы, комиссии и комитеты, думские объединения, процедуры и пр.). Ценность данного исследования в его справочном характере.

Второй, принципиально новой работой является коллективное исследование под названием “Власть и реформы. От самодержавной к советской России.”, представляющее собой книгу “о природе власти в России, ее эволюции на протяжении более чем пяти столетий, ее реформаторских возможностях”.⁷⁰ Принципиально новой для советско-российской историографии стала не только сама постановка проблемы – реформы или революция, насколько возможна была такая альтернатива состоявшемуся историческому развитию страны – но и обращение к не реализованным по той или иной причине проектам, среди которых безусловно значатся и религиозные замыслы начала XX в.

Третья работа под названием “Становление Российского парламентаризма начала XX века.”⁷¹ вышла в числе “десяти новых учебников по историческим дисциплинам” и, что примечательно, в том же 1996 г. Несмотря на вполне общее, традиционное заглавие, работа носит оригинальный характер как по структуре, так и по постановке многих вопросов. Прежде всего оригинален избранный авторами ракурс исследования истории парламентаризма в России – “источниковедческо-методологический”. Авторы использовали как традиционные методы анализа комплекса архивных и опубликованных источников, так и новые, оригинальные методики, появление которых стало возможным с развитием и применением компьютерных технологий (в частности, формирование баз данных). Правда, в одном данная работа не “оригинальна”, что роднит ее со многими упомянутыми более ранними исследованиями – о депута-

тах-мусульманах речь идет очень редко и в связи с другими проблемами. Впрочем, сама цель исследования не предполагает иного.

В отличие от деятельности российского парламента в целом и отдельных его объединений в частности, проблемы веротерпимости, свободы совести и эволюции религиозного законодательства в начале XX в. в контексте деятельности мусульманской фракции в новейшей литературе освещены еще слабее. Единственная статья, темой которой непосредственно является обозначенная проблема, принадлежит перу уфимской исследовательницы Л.А. Ямаевой⁷². Но небольшой объем статьи позволил автору лишь обозначить проблему, ограничившись общими словами. Несколько больше работ о деятельности в Думе представителей православного и католического духовенства.⁷³

Такова в целом немногочисленная отечественная и зарубежная литература, так или иначе освещающая деятельность в дореволюционной Думе депутатов-мусульман и свидетельствующая об отсутствии специальных исследований, как по истории мусульманской фракции в целом, так и ее деятельности по отдельным вопросам российского законодательства, в том числе и религиозного. Поэтому данная работа является одним из первых общих обзоров истории образования и деятельности мусульманской фракции. Целью представляемого исследования является определение основных тенденций развития мусульманского парламентаризма в 1906–1917 гг. Наиболее подробно будет затронут один из аспектов – участие мусульман в разработке Думой религиозного законодательства.⁷⁴

Примечания

1. ЦГИА РФ (Центральный государственный исторический архив Российской Федерации), Ф.1327 – Особое делопроизводство по выборам в Государственную Думу и Государственный Совет. 1905–1915. 2 описи; Там же, Ф. 1278 – Государственная Дума (4-х созывов), 10 описей (в т. ч. оп. 8 – Дела по выборам членов Государственной Думы по городам, губерниям).

2. ЦГИА РФ, Ф. 1278, оп. 1, 9 – архив Канцелярии Государственной Думы с личными делами депутатов.

3. ЦГИА РФ, Ф. 1278, оп. 5, 8.

4. ЦГИА РФ, Ф. 1278, оп. 2 (Государственная Дума 3-го созыва, 1907–1912), оп. 4 (в т. ч. журналы заседаний III Думы), оп. 5 (журналы заседаний IV Думы и Совещаний при ней, дела постоянных и временных комитетов и пр.), оп. 7 (о рассмотрении законопроектов ведомств по всем вопросам государственного управления. 1915–1917)

5. ЦГИА РФ, Ф. 1278, оп. 2. Дела по законопроектам, законодательным предположениям и запросам членов Государственной Думы..., 1907–1912; там же, оп. 7. Дела о рассмотрении законопроектов ведомств по всем вопросам государственного управления; Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий ведомства Министерства Внутренних дел (МВД, до 1917 г.).

6. Государственная Дума. Указонения 6 августа 1905 г., СПб., 1905, 71 с.; Законодательные акты переходного периода. 1904–1908 гг., СПб., 1909, 1018 с.; Сборник законоположений и постановлений, относящихся к Государственной Думе и установлений при ней состоящих. СПб., 1912. Некоторые из них проанализированы: *Демин В.А.* Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996, 216 с.

7. *Астров Н., Кокошкин Ф., Муромцев С., Новгородцев П. и Шаховский Д.* (ред.) Законодательные проекты и предположения партии народной свободы 1905–1907 гг. СПб., 1907; *Брянчанинов А.* Междудумье. СПб., 1907; Государственная дума. Созыв II. Законодательные заявления, внесенные на основании статьи 55 Учреждения Государственной думы. СПб., 1907; Государственная Дума: II созыв. Законопроекты, внесенные Министерством внутренних дел. СПб., 1909; Законодательные проекты и предположения партии Народной свободы 1905–1907 гг. СПб., 1907; *Набоков В.Д.* Законопроекты партии народной свободы и их критика // *Право*, 1906, № 47, 48, 49, 50; *Неманов Л.* Законодательная инициатива в 3-й Думе // *Право*, 7. II. 1910; *Неманов Л.* Право запросов в III Думе. // *Право*, 1910. №№ 1–3; Проекты законов, одобренные Государственной думой. Четвертый созыв. Сессия первая. 1912–1913 гг. СПб., 1913, 787 с.; Сессия вторая, Пг., 1914; Проекты законов, принятых Государственной Думой. СПб., 1907–1916; Систематический список докладов не рассмотренных Думою. Петроград, 1917; Справка об отношении церковного законодательства к государственному. (Составлена законодательным отделом канцелярии Гос. Думы). СПб., 1914; *Шингарев А.* Законодательная инициатива членов Государственной Думы и Государственного Совета // *Русская мысль*, 1912, № 9, 10; *Штильман Г.* Внепарламентское законодательство в конституционной России (ст. 87 основн. госуд. зак.) 1908, 31 с.

8. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв 1–4, СПб., 1906–1917 гг.

9. В частности, в настоящее время уфимскими учеными готовится к изданию сборник документов и материалов “Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг.”, основу которого должны составить именно выступления представителей мусульман в Думе, взятые из стенографических отчетов. См.: *Ямаева Л.* К вопросу об истоках мусульманского либерализма в России начала XX в. и источниках по его изучению (в связи с публикацией документов мусульманской фракции Государственной думы России 1906–1917 гг.). / Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе России. Сб. статей. М., 1998, с. 102–113.

10. *Боювич М.М.* Члены Государственной Думы. Портреты и биографии. Созыв 1–4, М., 1906–1913; *Обнинский В.* Члены Государственной Думы первого, второго и третьего созыва // Приложение к Энциклопедическому словарю Граната, т. 17, 12-е изд., с. 1–73; Первая Государственная Дума. Алфавитный список и подробные биографии и характеристики членов Государственной Думы. М., 1906, 158 с.;

Первая Российская Государственная Дума. Литературно-художественное издание под ред. Н.Пружанского. СПб., 1906, 156 с.; Четвертый созыв Государственной Думы. Портреты. Биографии. 1912–1917. Альбом. Издание Н.Ольшанского, СПб., 1913, 240 с.; Члены 2-й Государственной Думы. СПб., 1907, 124 с.; Общий список членов Государственной Думы I, II, III, IV созывов. // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. В 12 томах: т. 6. М., 1997. – Приложение № 3, с. 821–862.; *Герасимов П.* Личный состав Государственной Думы. / Ежегодник газеты Речь на 1912 год. СПб., 1912, с. 118–131; *Усал М.-Ф.* Беренче, икенче вә өченче Думада мөселман депутатлар һәм аларның кылган эшләре. Казан, 1909, 240 с.

11 Государственная Дума. Справочник. Под ред. В.Н.Карташевского. СПб., 1909–1914 гг. (7 выпусков); Памятная книжка Первой Государственной Думы. Вып. 1–3, СПб., 3 т.; Справочный листок Государственной Думы., СПб., 1909–1916 гг.

12 Российская Государственная дума. Созыв 2-й. Обзор деятельности комиссий и отделов. СПб., 1907, 613 с.; Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. 1907–1912 гг. Части 1–3 (Часть первая. Общие сведения; Часть вторая. Законодательная деятельность), 3 тома. СПб., 1912 г.; Обзор деятельности комиссий и отделов. 3-й созыв. Сессия 1–5. СПб., 1908–1912 гг.; Обзор деятельности комиссий и отделов. 4-й созыв. Сессия 1–2. СПб.-Пг., 1912–1915.

13 *Брусянин В.В.* Указатель книг и статей о Государственной Думе. М., 1913, 48 с.; *Деев А.С.* Указатель книг и брошюр о Государственной Думе. Опыт библиографии (с 1905 по 1 июля 1912 г.). СПб., 1913 г.; Каталог газет, журналов и периодических изданий, получаемых Библиотекой Государственной Думы. СПб., 4 Вып., 1911–1914 гг.; Каталог книг Библиотеки Государственной Думы. Том 1, СПб., 1914 г.

14 *Алексеев В.П.* О Государственной думе. СПб., 1906; *Алферьев П.П.* Первый дебют русского парламента М., 1907; *Брянчанинов А.Н.* Роспуск Государственной Думы. Причины, последствия. Псков, 1906; *Варшавский С.* Жизнь и труды 1-й Государственной Думы. М., 1907; *Васильев Н.П.* Вторая Дума. СПб, 1907; *Винавер М.Н.* Конфликты в первой Думе. СПб., 1907, 184 с.; *Герье В.И.* Первая русская государственная Дума. Политические воззрения и тактика ее членов. 2-е изд., М., 1906, 119 с.; *Герье В.И.* Первые шаги бывшей государственной Думы. М., 1907, 124 с.; *Герье В.И.* Вторая Государственная Дума. М., 1907, 379 с.; *Герье В.И.* Значение 3-й Гос. Думы в истории России. СПб., 1912; *Герье В.И.* Из истории третьей Гос. Думы. М., 1910; *Гессен В.* Тактика партий в первой Государственной Думе // Русская мысль, 1907, № 2, февраль, с. 124–152; *Голубев В.С.* Вторая Государственная Дума, СПб., 1907, 32 с.; *Голубев В.С.* Первые шаги Государственной Думы. Что сказали народные представители в Государственной Думе в первые дни. Ростов-на-Дону, б/г., 32 с.; *Езерский Н.А.* Государственная дума первого созыва. Пенза, 1907; *Ефремов И.А.* Образование и группировка партий в первой Думе. СПб., 1907; *Изгоев А.С.* Конституционные силы России // Русская мысль, 1907, № 11, ноябрь, с. 132–155; *Изгоев А.С.* Партии во второй Государственной думе. СПб., 1907; *Изгоев А.С.* Общественное движение в России (заметки публициста) // Русская мысль, 1907, № 3, март, с. 167–184, № 4, апрель, с. 200–209, № 5, май, с. 129–149; *Иоллос Г.* Гос. Дума в отзывах иностранной печати // Право, 1905, № 33; *Каминка А., Набоков В.Д.* Вторая Государственная Дума. СПб., 1907; *Кетриц Б.Э.* Первая Государственная дума. СПб., 1907; *Кизеветтер А.А.* Вторая Дума // Русская мысль, 1907, № 7, с. 146–158; *Кизеветтер А.А.* Письма из Таврического дворца // Русская мысль, 1907, № 3, с.

158–166; № 4, с. 190–199; *Классон В.Н.* (ред.) Депутаты 1-й Думы под судом. СПб., 1908, 2-е изд.; *Кузьмин С.* Вторая дума. СПб., 1907; *Липранди А.П.* Нужен ли России парламентаризм. Харьков, 1910, 72 с.; *Лодыгин А.* Националисты и другие партии, СПб., 1912; *Локоть Т.В.* Первая Дума. М., 1906; *Локоть Т.В.* Политические партии и группы в Государственной Думе. Характер и причины политического бессилия 1-й Думы. Возможный характер и задачи 2-й Думы. М., 1907, 317 с.; *Микетов Я.* Что сделало народное представительство 3-го созыва? СПб., 1912; *Милюков П.Н.* Вторая Дума. Публицистическая хроника 1907. СПб., 1908; *Милюков П.Н.* Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб., 1907, 550 с.; *Милюков П.Н.* Политические партии в Государственной Думе за пять лет // Ежегодник газеты Речь на 1912 год. СПб., 1912, с. 77–96; *Милюков П.Н.* Третья Государственная Дума и деятельность в ней фракции народной свободы. СПб., 1909, 38 с.; *Могиланский М.* Первая Государственная дума. СПб., 1907; *Мускатблит Ф.* Первый русский парламент (избирательная компания и ее итоги). – Одесса, 1906; *Муханов А., Набоков В.Д.,* Первая Государственная Дума. СПб., 1907 (в трех томах); *Муханов А., Набоков В.Д.,* Политические партии и группы в Государственной Думе. СПб., 1907; *Набоков В.Д.* Десятилетие Гос. Думы // Право, 1916, с. 1011–1018; *Неманов Л.* Итоги деятельности третьей Г. Думы // Ежегодник газеты Речь на 1912 год. СПб., 1912, с. 97–117; *Неманов Л.* Эволюция партийных отношений в третьей Государственной Думе // Русская мысль, 1910, № 8, с. 153–178; *Никонович Ф.* Из дневника члена Государственной Думы от Витебской губернии. Витебск, 1912; *Попов И.И.* Дума народных надежд. М., 1907; *Сементковский Р.* Современная Россия. Наш парламент. СПб., 1912; *Семенов П.П.* Первая государственная дума, ее жизнь и смерть. СПб., 1907; *Цитрон А.* 72 дня первого русского парламента. СПб., 1906; *Цитрон А.* 103 дня Второй Думы. СПб., 1907; *Щечков Г.А.* Очевидные недостатки Государственной Думы 3-го созыва и неотложность их устранения. Краков, 1912; *Шингарев А.* Новая Дума и старые думы. (Впечатления и размышления депутата) // Русская мысль, 1908, № 2, с. 134–154; *Эстер* Вторая Государственная дума. Вильна, 1907; *Юрский Г.* Правые в 3-й Гос. Думе. Харьков, 1912, 254 с. и др.

15 *Винавер М.Н.* Недавнее (Воспоминания и характеристики), Пг., 1917, 300 с.; *Винавер М.Н.* История Выборгского воззвания. Воспоминания. Пг., 1917 г., 48 с.; *Кизеветтер А.А.* Сергей Андреевич Муромцев – председатель Первой Государственной Думы. М., 1918, 15 с.; *Таганцев Н.С.* Пережитое. Учреждение Гос. Думы в 1905–1906 гг. Пг., 1919; *Шилов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918, 592 с. и др.

16 *Коковцев В.Н.* Из моего прошлого: Воспоминания. 1903–1919. М., 1992. (1-е изд.: Париж, 1933); *Крыжановский С.Е.* Воспоминания (из бумаг С.Крыжановского, последнего Государственного Секретаря Российской Империи). Берлин, 1925; *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники. Париж, 1964, 2 тома; *Наумов А.Н.* Из увлеченных воспоминаний (1868–1917). В 2-х томах. Нью-Йорк, 1954–1955; *Нольде Б.Э.* Далекое и близкое. Исторические очерки. Париж, 1930 и др.

17 *Бородин Н.А.* Идеалы и действительность. 40 лет жизни и работы рядового русского интеллигента (1879–1919). Берлин-Париж, 1930; *Булгаков С.Н.* Автобиографические заметки. Париж, 1946; *Винавер* и русская общественность начала XX века. Сборник статей. Париж, 1937; *Гучков А.И.* Александр Иванович Гучков рассказывает...: Воспоминания..., М., 1993, 142 с.; *Евлогий* (Митрополит) Путь моей

жизни. Париж, 1947; *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий (Воспоминания 1881–1914). Прага, 1929. (2-е изд., 1974); *Маклаков В.А.* Власть и общественность на западе старой России (Воспоминания современника). В 3-х т. Париж, 1936; *Маклаков В.А.* Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954; *Маклаков В.А.* Первая Государственная Дума. Париж, 1939; *Маклаков В.А.* Вторая Государственная Дума (Воспоминания современника). Париж, 1948; *Милоков П.Н.* Три попытки. Из истории русского лжеконституционализма. Париж, 1921; *Ознобишин А.А.* Воспоминания члена IV Государственной Думы. Париж, 1927; *Шидловский С.И.* Воспоминания. В 2-х томах, Берлин, 1923; *Шульгин В.В.* Дни (1905–1917). (Белград, 1925.) Л. 1925, 228 с. и др.

18 К десятилетию 1-й Гос. Думы. Сборник статей первоудмурцев. Петроград, 1916.

19 Еще в российский период жизни Садри Максуди, им были написаны и опубликованы воспоминания (записки) о поездке парламентской делегации в Англию, в составе которой был и представитель мусульманской фракции. См.: *С. Максуди* Англиягә сәяхәт. – Казан, “Өмид” тип., 1914. Это произведение было недавно переиздано частично на русском языке и полностью на языке оригинала: *Максуди С.* Пятый день в Лондоне. // Гасырлар авазы – Эхо веков, май 1995, с. 148–153; *Максуди С.*, Англиягә сәяхәт. // Казан утлары. 1995, № 11, с. 149–185, № 12, с. 107–156.

20 *Алисов Г.*, Мусульманский вопрос в России // Русская мысль, 1909, № 7, июль, с. 28–61.

21 *Наблюдатель.* Националистические и национальные течения в третьей Думе // Русская мысль, 1912, № 8, с. 11–37.

22 *Наблюдатель.* Националистические и национальные течения..., с. 32–33.

23 *Милица* О мусульманском движении. // Вестник Европы, 1912, № 8, с. 356–371.

24 Милләт хадиме Шахтактинский // Бәянеһәк, 1907, № 204, 9 августа и № 207, 14 августа. В русскоязычной прессе встречаются различные, подчас диаметрально противоположные, оценки статьи М.Шахтактинского. Некто Г.Вильямс, постоянный обозреватель в журнале “Русская мысль” материалов по мусульманским проблемам, полагал, что привлечение в качестве практически единственного автора по данной проблеме консервативного М.Шахтактинского является явным недостатком сборника. См.: Русская мысль, 1910, № 1, с. 18–19. Другой рецензент – Н.М-ч – наоборот, держался мнения, что автор блестяще справился со своей задачей и рекомендовал бы эту статью всем желающим ознакомиться с жизнью мусульманских народов. См.: Отгиск журн. “Живая старина”, 1909, сентябрь, с. 1–3.

25 Русская мысль, 1910, № 7, Библиографический отдел, с. 219–221.

26 *Тихомиров Л.* К реформе обновленной России. (Статьи 1909, 1910, 1911 гг.) М., 1912, 343 с. (Бесплатное приложение к “Московским Ведомостям”)

27 Цит. по: *Ковалевский П.И.* Кавказ. Том II. История завоевания Кавказа. Пг., 1915, с. 269–270.

28 *Арсеньев К.К.* Свобода совести и веротерпимость. Сб. ст. СПб., 1905, 292 с.

29 *Кони А.Ф.* Веротерпимость // Новый энциклопедический словарь, т. 12, с. 198–202; На жизненном пути. СПб., 1912, том II, 794 с.

30 *Мельгунов С.П.* Церковь и государство в России. (К вопросу о свободе совести). Сб. ст. 1907–1909. 2 т.

31 *Жижиленко А.А.* Закон 14 марта 1906 г. о введении в действие нового уголовного уложения для преступлений религиозных // Право, 1906, № 15, с. 1341–1345, № 16, с. 1435–1442.

32 *Рейснер М.А.* Государство и верующая личность. Сб. ст., СПб., 1905, 423 с. В сборнике собраны статьи, написанные преимущественно в 1899–1902 гг., и которые должны были стать, но в силу ряда причин так и не стали, диссертацией автора по вопросу об отношении государства к церкви и верующей личности.

33 *Езерский Н.* Религия и политика // Русская мысль, 1907, № 1, с. 106–126; *Тарновский Е.* Четыре свободы. СПб., 1908, 76 с.; *Тимашев Н.С.* Основания наказуемости религиозных преступлений // Право, 1915, № 26, 21 июня, с. 1814–1819; *Шурьев В.* Свобода совести // Энциклопедический словарь Граната. Изд. 7(12), т. 37, с. 505–515. (1933 г. издания по матрицам 1917) и др.

34 *Троицкий П.С.* Церковь и государство в России (Отношение государства к церкви по воззрениям наиболее видных деятелей наших писателей и общественных деятелей). М., 1909, 199 с. (обзор основных воззрений на проблему свободы совести и перечень соответствующей литературы на с. 64–79).

35 *Каменский П.В.* Вероисповедные и церковные вопросы в Государственной Думе 3 созыва и отношение к ним “Союза 17 Октября”. М., 1909, 106 с.; *Никаноров Г.* Церковные и вероисповедные вопросы в третьей Государственной Думе. СПб., 1912, 56 с.

36 *Тукаев М.-Ш.Х.* Отчет члена комиссии по вероисповедным делам ..., Уфа, 1912, 16 с.

37 Государственная Дума. Справочник. Под редакцией В.Н. Карташевского. СПб., Вып. 1, 1909 г., с. 160. (Далее – ГД. Справочник, вып.)

38 Подробнее см.: *Usmanova D.* Die Tatarische Presse 1905–1918: Quellen, Entwicklungsetappen und Quantitative Analyse / Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Islamkundliche Untersuchungen. Band 200. Klaus Schwarz Verlag. Berlin. 1996. S. 260, 262.

39 *Усал М.-Ф.* Беренче, икенче вә оченче Думада мөселман депутатлар һәм аларның кылган эшләре. Казан, 1909, 240 б.

40 См. анонс в газете “Бәянеһәк”, 1909, № 432, 17 февраля. Некоторые исследователи указывают неверную дату издания, видимо, из-за отсутствия ее на самой брошюре. См.: *Гаффарова Ф.* “Мин милләтнең баласымын.” (Олуг милләтпәрвәребез Садри Максудиның сәяси-ижтимагый эшчәнлеге). Казан, 1997, с. 23, 31 и др.

41 Бәянеһәк, 1909, № 448, 29 марта.

42 ЦГИА РФ, Ф. 776, оп. 21, ч. II, 1912 г., д. 250, 22 л. О брошюре на татарском языке “Дин комиссиясенән отчет” (Отчет о вероисповедной комиссии во 2-й и 3-й Думе) М-Ш.Тукаева.

43 *Цаликов Ах.* Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. М., 1913, 189 с.

44 Программа мусульманской группы во II Государственной думе. СПб., 1907.

45 Речь пойдет как о работах, непосредственно посвященных истории мусульманской фракции и религиозному законодательству Думы, так и коснется исследований, которые не ставя перед собой именно подобную цель, так или иначе затрагивали обозначенные проблемы.

46 *Анохина З.Н.* Уральские депутаты-мусульмане в I и II Государственных думах // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 1. Челябинск, 1995, с. 153–155.

47 *Olcott Martha Brill*, The Kazakhs. Hoover Institution Press, Stanford, California, 338 p. (с. 113–115); *Ахмедов Галым*, Русия Думасындагы казак депутаттар // Жулдыз, 1994, № 171, с. 169–173; *Kendirbay Gulnar*, The national liberation movement of the Kazakh intelligentsia at the beginning of the 20th century // Central Asian Survey (1997), 16 (4), pp. 487–515 (о думской деятельности – с. 496–497); *Кенжетайев Б.А.* Казанские учебные заведения и процесс формирования казахской интеллигенции в середине XIX- начале XX вв. Казань, 1998, 88 с. (о депутатской деятельности А.Беремжанова – с. 68–70).

48 *Fisher Alan W.* The Crimean Tatars. Stanford: Hoover Institution Press, 1987.

49 *Altstadt Audrey L.* The Azerbaijani Turks. Power and Identity under Russian Rule. Hoover Institutions Press. Stanford, California. 1992, 331 p. (о думской деятельности – с. 68–71).

50 *Rorlich Azade-Ayşe*: The Volga Tatars. A Profile in National Resilience. Stanford. 1986 (о думской деятельности татар – p. 117–122.).

51 *Salzmann Rainer*, Die Schulpolitischen vorstellungen der Parteien in der dritten Reichsduma. Bonn, 1972, 447+150 s.

52 *Salzmann R.*, Die Schulpolitischen..., с. 415–432.

53 *Hagen M.*, Das Nationalitaetenproblem Russlands in den Verhandlungen der III. Duma 1907 bis 1911 (vom Zusammentritt der Duma bis zum Tode Stolypins). Diss phil., Goettingen, 1967.

54 *Козбаненко В.А.* Партийные фракции в I и II Государственных думах России: 1906–1907. М., 1996, 240 с.

55 *Wolters Margarete*, Aussenpolitische Fragen vor der vierten Duma. Hamburg, 1969

56 *Исхаков С.М.* Общероссийская партия мусульман / История национальных политических партий России: материалы конференции. М., 1997, с. 214–239.

57 *Цуунчук Р.А.* Развитие политической жизни мусульманских народов Российской империи и деятельность мусульманской фракции в Государственной Думе 1916–1917 гг. / Имперский строй России в региональном измерении (XIX- начало XX века). Сборник научных статей. Отв. редактор – проф. П.И.Савельев. М., 1997, с. 176–223.

58 *Мухарямов М.К.* О пересмотре оценки роли партии “Иттифак” и мусульманской фракции Государственной Думы // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции в 3-х томах. Июнь 9–13, 1992, г. Казань. М., 1997, том 3, с. 69–71; *Хабутдинов А.Ю.* Деятельность мусульманской фракции по защите татарской культуры в 3-ей и 4-ой Российской Государственных Думах. // Там же, с. 89–91; *Хабутдинов А.Ю.* Национальная политика конституционно-демократической партии и татары // Идель, 1994, с. 73–75.

59 *Усманова Д.М.* Из рода Алкиных // Татарстан, 1993, № 12, с. 35–42.

60 *Айда Адиле*, Садри Максуди Арсал. Пер. с тур. – М., 1996, 360 с.; *Гаффарова Ф.* “Мин милләтнең баласымын”...

61 *Султанбәк Булат*, Патша һәм Сталин корбаны // Татарстан, 1997, № 9, 31–38 бб.

62 *Султанбеков Б.Ф.* История в лицах. Казань, 1997, 128 с.

63 *Andreas Kappeler*, Russland als vielvoelkerreich. Entstehung. Geschichte. Zerfall. Muenchen, 1993, S. 277–283. На русском языке – *Каннелер А.*, Россия – многонациональная империя. Москва, 1996, 380с.

64 *Каннелер А.*, Россия – многонациональная империя..., с. 280–287.

65 *Аврех А.Я.* Царизм и третьиюньская система, М., 1966; *Аврех А.Я.* Столпы и Третья дума. М., 1968; *Аврех А.Я.* Царизм и 4-я Дума. 1912–1914, М., 1981; *Аврех А.Я.* Распад третьиюньской системы. М., 1985; *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения, М., 1989; *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. СПб., 1991; *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы 1 мировой войны (1914–1917). Л., 1967; *Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьиюньской системы, Л., 1988. *Сидельников С.М.* Образование и деятельность I Государственной Думы. М., 1962; *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977; *Тютюкин С.В.* Июльский политический кризис 1906 г. в России, М., 1991.

66 *Levin A.*, The Second Duma. New Haven. 1940; *Levin A.*, The Third Duma: Election and Profile. Archon Books, 1973; *Pints'uk B.*, The Octobrists in the Third Duma, 1907–1912. Seattle, 1974; *Smith, C. Jay*, The Russian Third State Duma: an Analytical Profile // The Russian Review, 1958, 3, s. 201–210; *Walsh, W.B.*, The Composition of the Dumas // Russian Review, t. 8 (1949), pp. 203–209; *Walsh W. B.* Political Parties in the Russian Duma // Journal of Modern History, XXII (June, 1950), pp. 144–150;

67 *Hosking Geoffrey A.*, The Russian Constitutional Experiment; Government und Duma, 1907–1914, Cambridge, 1973; *Mendel Arthur*, On Interpreting the Fate of Imperial Russia / Russia under the Last Tsar. University of Minnesota Press, 1969, pp. 13–41; *Szeftel Marc*, The Russian Constitution of April 23, 1906. Political institutions of the Duma Monarchy. Bruxelles, 1976, 517 p.; *Weissman N. B.*, Reform in tsarist Russia: The State bureaucracy and local government. 1900–1914. New Bruswick, 1981.

68 *Spuler B.*, Idel-Ural Voelker und Staaten zwischen Wolga und Ural. 1942, S. 87–88.

69 *Демин В.А.* Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996, 216 с.

70 Власть и реформы. От самодержавной к советской России. Под ред. Б.В.Ананьича. СПб., 1997, 802 с.

71 *Селунская Н.Б., Бородкин Л.И., Григорьева Ю.Г., Петров А.Н.*, Становление Российского парламентаризма начала XX века. Под ред. Н.Б.Селунской. М., 1996, 284 с.

72 *Ямаева Л.А.* Вопросы свободы вероисповедания в постановке мусульманской фракции Государственной думы (1906–1917 гг.) / Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 1. Челябинск, 1995, с. 150–153.

73 *Денисова Е.В.* Раскол среди священников-депутатов в I и II Государственных Думах (1906–1907 гг.) / Русское православие и атеизм в отечественной истории. Л., 1988, с. 19–33; *Замахова Е.Д.* Депутаты от православного духовенства в третьей государственной Думе. Дисс. ... к.и.н. М., 1993; *Останина О.В.* Обновленчество и реформаторство в русской православной церкви в начале XX в.: Автореф. дис. ...

канд. философ. наук. Л., 1991, 17 с.; Рожков В. О реформаторстве церковного прихода в Государственной Думе // Журнал Московской патриархии. М., 1992, № 5, с. 27–32.; Сидоренко Н.С. Указ о введении начал веротерпимости и общественно-политическое движение на Урале (1905–1907 гг.) / Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч.1. Челябинск, 1995, с. 165–168; Фалькович С. Проблемы католической церкви и католической веры в Государственной Думе после революции 1905–1907 гг. в России / Католицизм в России и Православие в Польше (XI–XX), Wydawnca: Urowszechnianie Nauki – Oswiata “UN-O”, 1997, с. 277–285; Фоминых Е.В. Попытки проведения церковной реформы в России в 1905–1917 гг. / Актуальные проблемы исторической науки. Ярославль, 1990, с. 82–83.

74 Некоторые положения этой работы были мною уже частично опубликованы. См.: 1. *Usmanova D.*, The activity of the Muslim faction of the State Duma and its significance in the formation of a political culture among the muslim peopls of Russia (1906–1917) / Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Vol.2: Inter-Regional and Inter-Etnic Relations. Edited by Anke von Kuegelgen, Michael Kemper, Allen J. Frank. Islamkundliche Untersuchungen. Band 216. Klaus Schwarz Verlag. Berlin. 1998. P. 417–455; 2. L'Assemblée Spirituelle musulmane au debut du XX-e siecle. Les projets de reforme face au pouvoir politique russe / L'Islam de Russie. Conscience communautaire et autonomie politique chez les Tatars de la Volga et de l'Oural, depuis le XVIII-e siecle. Actes du colloque international de Qazan, 29 avril – 1-er mai 1996. Edite sous la direction de Stefane A.Dudoignon, Damir Is'haqov et Rafiq Mohammatshin. – Paris: Maisonneuve et Larose, 1997, p. 175–191; 3. Деятельность мусульманских фракций I–IV Государственных Дум / “Интеллигенция Татарстана в период реформ и революций первой трети XX в.” Материалы Республиканской научной конференции, посвященной 100-летию Галимджана Шарафа. 3–4 декабря 1996 г. Казань, 1997, с. 30–31; 4. Проблема “свободы совести” в деятельности Государственной Думы (1906–1914) / Религия в современном обществе: история, проблемы, тенденции. Тезисы и доклады международной, научно-практической конференции 2–3 октября 1997 г. – Казань, 1998, с. 187–190.

ГЛАВА II ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУСУЛЬМАНСКОЙ ФРАКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МУСУЛЬМАНСКИХ НАРОДОВ РОССИИ (1906–1917 ГГ.)

§ 1. Этапы организационного объединения мусульман в I–IV Государственных Думах

Государственная Дума 1-го созыва (27 апреля – 8 июля 1906 г.) за недолгий срок успела провести всего 39 заседаний. По закону в Думу предполагалось избрать 524 депутата, однако фактически было избрано и прибыло в Петербург к открытию Думы всего 478 человек, что связано с неравномерностью проведения выборов по стране. К концу работы количество депутатов достигло 499.¹ Наибольших успехов в выборах в первую Думу достигла партия кадетов, представленная 161 делегатом, которые под влиянием революционных событий были достаточно радикальны в своих требованиях. Будучи самой крупной фракцией, кадеты избрали и руководящие органы: председателем стал С.А.Муромцев, товарищи (заместители) председателя – П.Д.Долгоруков, Н.А.Гредескул; секретарь – Д.И.Шаховский. Все – кадеты.²

В течении 2-х месяцев работы I Дума практически не успела принять какие-либо законопроекты.³ Ее деятельность в основном сосредотачивалась на критике правительственной политики и отдельных членов правительства, избрания комиссий и составления ответной речи царю. Центральным вопросом первого российского парламента был безусловно аграрный.⁴

Уже в мае месяце среди думцев стали распространяться сведения о намерении правительства распустить Думу “в случае нагнетания напряженности вокруг аграрного вопроса”. И оно воспользовалось этим поводом: Манифестом от 9 июля роспуск Думы обосновывал-

ся тем, что “выборные от населения вместо работы строительства законодательного, уклонились в непринадлежащую им область”.⁵

Так как Дума была распущена, а доступ в Таврический дворец был перекрыт, 9–10 июля большая группа депутатов собралась в г. Выборге (на территории Финляндии), провела совещание и приняла обращение “Народу от народных представителей” (известное больше как “Выборгское воззвание”).

Воззвание призывало “граждан всей России” до созыва Думы не давать “ни копейки в казну, ни одного солдата в армию”. Призыв к пассивному сопротивлению имел целью предотвратить возможный революционный взрыв, вызванный роспуском Думы, направить возмущение масс в “конституционное русло”. Правда, особого успеха эта акция не имела. Один из активнейших участников составления воззвания, член кадетской фракции М. Винавер так описывал настроения тех дней: “не только столица – вся страна уже знала о роспуске. И ни откуда живого отклика: народ хранил гробовое молчание. ...Перед нами была нагая, безотрадная действительность”.⁶

Еще при обсуждении этого воззвания и позднее не раз поднимался вопрос о целесообразности или же ошибочности подобных действий. Тем более, что прибывшие в Выборг представители Польского кола демонстративно отказались присоединиться к этой акции, прежде всего учитывая “целесообразность” и возможные негативные последствия.⁷ Но практически все деятели, даже признававшие “ошибочность” (С. Муромцев, И. И. Петрункевич, Ф. Ф. Кокошкин) и не верившие в действенность этого воззвания, тем не менее говорили о своем нравственном долге перед страной. “Должны – вот слово, определявшее в то время трагедию многих. Зная, что воззвание – “ошибка”, признавая торжество реакции, они все же *должны* были это сделать, потому что они были одной из тех жертв, которых Молох истории закалывает на алтаре русской свободы” – писал один из кадетских публицистов.⁸ И действительно, моральная победа оказалась на стороне “выборжцев”.

Текст воззвания был отпечатан 10 июля в Финляндии в виде листовки на финском и русском языках тиражом 10 тысяч экземпляров, а затем перепечатан за рубежом. По некоторым сведениям, “Выборгское воззвание” подписало около 180 депутатов, затем к нему присоединилось еще 52 человека.⁹

16 июля 1906 г. против подписавших было возбуждено уголовное дело “за распространение в пределах России по предварительному между собой уговору воззвания, призывающего население к противодействию закону и законным распоряжениям правительства”. 12–18 декабря 1907 г. состоялся т. н. Выборгский процесс и “Особое присутствие Петербургской Судебной палаты” приговорило 167 бывших депутатов Думы к 3-м месяцам тюремного заключения (по 129 статье, лишившей их избирательных прав при выборах в Думу и другие общественные выборные должности).¹⁰ Ведущие правоведы, преимущественно представители оппозиционной кадетской партии, доказывали как на суде, так и в многочисленных публикациях неправомерность привлечения “выборжцев” по ст. 129 и 132 угол. улож., убедительно показывая, что за выбором этих статей скрывается желание властей “обезглавить” кадетскую партию, не допустить виднейших ее представителей в последующие Думы.¹¹ Не случайно, что по данной статье еще до суда все обвиняемые были отстранены от предвыборной кампании во вторую Думу. Таким образом, цвет русской интеллигенции, несмотря на “мягкость”, по мнению консервативной и правой прессы, приговора, был обречен на “пожизненную политическую смерть”.¹²

К “Выборгскому воззванию” присоединилось шесть депутатов-мусульман (см. табл. № 2). Примечательно, что Алихан Букейханов приехал в Петербург только накануне роспуска Думы, разыскал своих товарищей и вместе с ними напрямик поехал в Выборг, где принял активное участие в обсуждении этого документа. На этом по сути его депутатская деятельность ограничилась.

Один из подписавших воззвание мусульман – Абусугуд Ахтямов – был оправдан (“по странной случайности”¹³). Тем не менее он¹⁴, как и двое других присяжных поверенных – Саид-Гирей Алкин и Исмагил Зиадханов были отстранены на некоторое время от адвокатской практики, пятеро (кроме А. Ахтямова) отсидели весь срок в тюрьме.¹⁵ Кроме того, они были отстранены от участия в общественной жизни (например, по указанию казанского губернатора, С.-Г. Алкин не допускался на заседания городской управы, членом которой состоял¹⁶). Но самое негативное последствие этого события заключалось в том, что практически все они были лишены возможности дальнейшего участия в работе Думы в качестве народных избран-

ников. Безусловно, это качественно обеднило и очень ослабило последующие мусульманские фракции, как и Думу в целом.

Интересная и весьма показательная история произошла с депутатом от Казанской Губернии Гарифом Бадамшиным, который в момент разгона Думы находился далеко за пределами Петрограда, будучи занят по торговым делам на ярмарке.¹⁷ Впрочем, его отсутствие в столице не помешало для вынесения полицейскими, надзиравшими за настроением мусульман, столь же парадоксального, сколь и нелепого заключения. Основываясь на агентурных сведениях, Начальник Казанского губернского Жандармского Управления писал в донесении на имя Казанского Губернатора, что будучи человеком очень осторожным и “чтобы не показать своей причастности к составлению Выборгского Воззвания, Гариф Бадамшин **вернулся в г. Чистополь несколько ранее роспуска** (выделено мною – Д.У.) Думы...”.¹⁸ Таким образом, согласно этому донесению, рядовой депутат-мусульманин, в общем не слишком хорошо знавший русский язык и довольно слабо разбиравшийся в политических хитросплетениях, был гораздо лучше осведомлен о планах правительства по роспуску Думы, чем даже опытные кадетские лидеры. Более того, еще до роспуска Думы Бадамшин знал то, о чем и не подозревали остальные депутаты – о планируемом собрании в Выборге. Поистине, получается перед нами не торговец, волей обстоятельств оказавшийся в парламенте, а прямо какой-то ясновидящий... В итоге, Бадамшин сначала оказался под неусыпным полицейским надзором, а вскоре и вовсе попал в тюрьму по обвинению в “противоправительственной” пропаганде и распространении революционного воззвания.

Что же из себя представляли **депутаты-мусульмане** и каковы были их действия в I Госдуме кроме участия в последнем протесте перводумцев?

Всего в первую Государственную Думу было избрано 25 депутатов-мусульман, представлявших основные “мусульманские” регионы страны: Поволжье и Приуралье, Кавказ, Семиречье и Туркестан (см. приложение, табл. № 2). Так как на Кавказе, в Туркестане и Степном крае выборы немного запоздали, то при открытии заседания присутствовали в основном депутаты-татары из Казанской, Уфимской, Оренбургской и Вятской губерний. Еще до разгона Думы

успели подъехать часть депутатов-казахов и представители Кавказа.

Позднее, когда уже работала третья Дума, участник предыдущих двух, кадет А.Шингарев вспоминал о той “смеси одежд и лиц, племен и наречий”, которая была характерна для первого российского парламента и отражала всю сложность состава и настоящий облик империи: “... пестрой, разноязычной толпой выделялись представители иных народностей и племен. И кого только не было среди них. ... мелькали татарские черные или узорчатые шапочки-ермолки, чалмы мусульманских мулл, полосатые халаты далекого Туркестана; останавливали на себе внимание стройные и легкие фигуры кавказцев, типично-монгольские добродушные лица киргизов, калмык, сарт.”¹⁹

Идея создания собственной мусульманской фракции возникла видимо почти сразу, но для этого понадобилось некоторое время. Фуад Туктаров писал о безрезультатной попытке Саид-Гирея Алкина через несколько дней после начала работы Думы объединить мусульман во фракцию.²⁰ Какова была причина неудачи – отсутствие программы у депутатов, несогласованность действий или же недостаточная авторитетность Саид-Гирея Алкина? Однозначно ответить сложно. Однако первоначально депутаты-мусульмане один за другим записывались во фракцию кадетов. Не случайно, что в материалах I Государственной Думы не отражено существования мусульманской фракции, тогда как представители западных национальных окраин (Литва, Польша) создают собственные объединения практически в первые же дни. Поэтому, во многих публикациях о I Думе о депутатах-мусульманах даны в числе членов кадетской фракции.²¹ Среди кадетов были и шесть депутатов-мусульман, проходившие по Выборгскому процессу.²²

Ситуация стала меняться лишь с приездом в Санкт-Петербург депутатов с Кавказа, особенно Али-Мардана Топчибашева. Фактически он первым сумел собрать всех депутатов-мусульман вместе. Цель создаваемой фракции была в предварительном обсуждении вопросов, стоявших на повестке, в подготовке ораторов, согласовании позиций всех депутатов-мусульман, составлении запросов о незаконных действиях властей. То есть, перед фракцией стояли чисто координационные задачи. Кроме того, намечался и широкий план агитационно-разъяснительной деятельности: встречи и

собеседования с мусульманами Петербурга, “объезды мусульманских местностей депутатами с целью ознакомить население с работой Думы, издание на татарском языке отчетов о думской деятельности и мусульманской газеты в Петербурге”²³ и пр.

Кроме того, некоторые мусульмане посещали заседания кадетской фракции и союза автономистов. С трибуны выступило шесть-семь депутатов-мусульман по различным вопросам: Абусугуд Ахтямов, Ахмед Беремжанов, Исмагил Зиадханов, Шахшариф Мутинов, Шах-Айдар Сыртланов, Али-Мардан Топчибашев.

Однако кратковременность работы I Государственной Думы не позволили даже завершить этот организационный процесс, поэтому на данном этапе фракция не была оформлена и не успела официально зарегистрироваться.

Выборы в Государственную Думу 2-го созыва (20 февраля – 2 июня 1907 г.) прошли в конце 1906 г. В ее работе приняло участие 518 депутатов; в течение одной единственной сессии было проведено 53 заседания. Председатель – Ф.А.Головин (кадет). Заместители (товарищи) председателя: Н.Н.Познанский (беспартийный левый), М.Е.Березин (трудовик). Секретарь – М.В.Челноков (кадет).

По сравнению с предыдущей, эта Дума по своему составу была более разнородной, а по характеру деятельности еще более радикальной, левой. Центр оказался размыт за счет усиления флангов, особенно левого. Кадеты, потерпевшие поражение (их численность сократилась со 161 до 98 депутата), выдвинули лозунг “бережения Думы”, сняли ряд своих наиболее радикальных требований и пытались создать большинство в союзе справа с национальными группами, а слева с трудовиками, которые насчитывали в своих рядах более 100 человек. Кадеты отказались от лозунга “ответственного правительства”. Дума сняла с повестки требование политической амнистии, отмены смертной казни, не стала давать политической оценки деятельности правительства и пр. Центральным вопросом оставался аграрный вопрос. И в этом вопросе кадеты смягчили свои позиции. Но несмотря на это было ясно, что Столыпинская аграрная программа не пройдет. Поэтому правительство было настроено решительно против Думы и 3-го июня 1907 г. опубликовало указ о её роспуске и Манифест, в котором Дума обвинялась в затягивании рассмотрения законопроектов и государственной росписи доходов и расходов, а также в том, что ряд ее членов (социал-демокра-

ты) участвовал в заговоре против государства. Одновременно был опубликован новый Избирательный закон, ограничивавший доступ в Думу некоторых категорий населения, в том числе и по территориально-этническому принципу (в тех “окраинах, где население не достигло достаточного развития гражданственности”). Именно с разгоном II Думы принято отсчитывать конец революции и начало политической реакции.

Отношение властей и оппозиционной общественности к этому событию – т. е. разгону Думы – было различно настолько, насколько расходились их представления о происходивших в стране переменах и судьбе конституции. Еще в первые дни работы второй Думы монархисты и правые (в лице “Московских Ведомостей”) призывали к роспуску Думы с одновременным изменением избирательного права, так как именно избирательные законы от 6-го августа и 11-го декабря 1905 г. являлись единственной причиной сокрушительной победы оппозиции, а потому сохранение действующих законов было бы “невероятной глупостью”. Поэтому после 3-го июня правые вполне законно ликовали и “пили шампанское”. Организаторы переворота, одушевленные спокойным, более того равнодушным, отношением народа к роспуску Думы и изменению избирательного закона, уже подумывали о дальнейшей ревизии конституционных уступок (к чему призывал, например, один из идеологов охранительного крыла кн. Мещерский). Сторонники конституционного развития страны сожалели не столько о самой второй Думе, которая “восприняла недостатки первой, не обнаруживая ее достоинств”²⁴ – “она была неудачной и по составу и по своему исключительно низкому культурному уровню; в этом отношении из всех четырех русских Дум она побил рекорд. Для той грандиозной задачи, которая была перед нею поставлена, она была мало пригодна”²⁵ – печально то, что ее роспуск прервал тот здоровый процесс формирования гражданского общества, который был только что начат.

Чем же была вторая Дума для мусульман и что из себя представляли последние? Для мусульман II Дума стала самой благоприятной в количественном и весьма своеобразной в качественном отношении. Во вторую Думу всего было избрано 37 депутатов-мусульман, которые организовали две фракции и послали одного своего представителя в руководящие органы – Садри Максуди был избран одним из пяти заместителей Секретаря Государственной Думы.²⁶ О

настроениях, господствовавших в этой Думе, весьма красноречиво свидетельствует следующий факт – большинство Думы весьма благосклонно восприняло предложение Шахбала Сейфетдинова и, учитывая религиозные потребности депутатов-мусульман, заседания по пятницам постановило начинать с двух часов дня.²⁷ Факт – беспрецедентный в истории российского парламентаризма.

Как уже было отмечено, бурные политические события в стране, поляризация российского общества привели к тому, что неустойчивое единство депутатов-мусульман было нарушено: практически сразу же они поделились на две группы, вокруг каждой из которых объединились единомышленники.

– Большинство (28 человек на 13 апреля²⁸, к концу работы Думы их число превысило 30) организовалось в мусульманскую фракцию под председательством Али-Мардана Топчибашева (формально не являвшегося депутатом, но жившего в тот период времени в Санкт-Петербурге и оказывавшего сильное влияние на деятельность фракции и депутатов-мусульман в целом).

– Шесть человек составили отдельный блок под названием “мусульманская трудовая группа”, которая официально присоединилась к фракции трудовиков.²⁹

Мусульманская фракция приняла программу “Мусульманского Союза” (“Мөселман иттифагы”)³⁰, а “мусульманская трудовая группа” – “омусульманила” программу трудовиков. Обе фракции провели несколько совместных заседаний.

“Мусульманская трудовая группа” состояла из трех мулл, одного купца, одного учителя и одного рабочего.³¹ Ее деятельность подробно описана Фуадом Туктаровым, который в это время находился в Санкт-Петербурге и фактически был одним из ее создателей и руководителей.³² Несмотря на непосредственное отношение к ее созданию, Фуад Туктаров дает невысокую оценку ее деятельности. По его словам, по своему уровню, способностям и подготовленности члены этой группы не были способны не только к законотворческой деятельности, но порой к простому прочтению и осмыслению предлагаемых законопроектов и прочих документов. “Они бы рады работать, желание есть, но возможности, способности – увь...”³³ Кроме того, эта группа не была в строгом смысле слова самостоятельной фракцией, так как не имела собственной программы. Единственной целью ее создания было, по словам того же Ф. Тукта-

рова, намерение пропагандировать идеи трудовиков среди мусульманского населения. Поэтому члены группы активно обсуждали вопросы, являвшиеся для трудовиков наиболее важными – аграрный вопрос, вопрос о положении рабочих и пр. Для распространения этих сведений члены группы начали издавать еженедельную газету “Дума”.³⁴ Однако после выхода 6 номера газета была запрещена специальным постановлением Санкт-Петербургского градоначальника. “Дума” издавалась на личные средства членов группы, но из них лишь один – Калимулла Хасанов – был способен что-либо написать по существу проблемы, тогда как остальные сами нуждались в предварительных лекциях-разъяснениях. По свидетельству Фуада Туктарова: “из шести депутатов трое не знают русского языка; один ни русского, ни татарского; все шестеро не способны написать по-русски ни строчки, а четверо полностью не понимают содержания выступления ораторов. Более того, большинство из них с трудом читают издаваемую ими же самими газету”.³⁵ Таким образом, единственным результатом деятельности членов этой группы стало кратковременное издание газеты и перевод на татарский язык некоторых брошюр, изданных русскими трудовиками. Правда и они практически сразу же были конфискованы властями, не получив таким образом широкого распространения.³⁶

Члены группы присоединились к объединению федералистов.³⁷

“Мусульманская фракция” оформилась и начала более-менее функционировать в дни работы II Думы. Ее члены избрали председателя и 2-х секретарей, сняли квартиру и наметили время заседаний на каждую пятницу. При фракции было образовано несколько комиссий для рассмотрения законопроектов, касающихся вопросов образования и положения мусульманского населения империи. Однако в ее работе сказывались ряд неблагоприятных факторов: отсутствие единого лидера (эту роль фактически выполнял недепутат Али-Мардан Топчибашев), нехватка или даже отсутствие работоспособных членов фракции (оба законопроекта были результатом деятельности опять-таки недепутатов – Али-Мардана Топчибашева и Саид-Гирея Алкина); несогласованность в действиях депутатов-мусульман (наличие местных, групповых интересов); финансовая недисциплинированность членов фракции (членский взнос, составлявший 10 рублей в месяц, сдавался крайне нерегулярно, практически фракция жила на средства частных пожертвований). Показательно и то, что

совещания фракции обычно велись на русском языке, что являлось результатом объединения хоть и родственных, но все же разноязычных депутатов.³⁸

Фракция подготовила три законопроекта. Благодаря Фуаду Туктарову известны названия и содержания двух проектов: “Об изменениях правил 31 марта 1906 г. о начальных училищах для инородцев” (подписан 31 депутатом) и “О превращении пятницы в выходной день”.³⁹ Третий, возможно, касался переселенческой политики властей (вероятный автор проекта – Султан-Вахид Каратаев). Однако, вследствие недолгой работы второй Думы, они даже не были вынесены на общее рассмотрение⁴⁰. Например, проект “об отмене правил 31 марта 1906 г.” был внесен в середине мая. Затем он должен был быть напечатан и разослан министрам. Только через месяц проект мог быть поставлен на обсуждение Думы по вопросу о желательности, а затем его надлежало передать в комиссию по народному образованию.⁴¹

Кроме того, мусульмане инициировали три запроса (15 и 18 мая). Первый – “о событиях в Терской области и насилии над мирными жителями” – был подписан 30 депутатами, в том числе 18 мусульманами.⁴² Второй – “об обыске 4 мая в доме члена Г. Думы А.Кардашева” – как не срочный, был передан в комиссию по запросам и там, видимо пролежал до разгона Думы.⁴³ И третий, адресованный на имя председателя Совета Министров, за подписью 34 депутатов, “о неправомерности взыскания штрафа с мусульманского населения г. Елисаветополя”, был рассмотрен 24 мая и принят Думой. Докладчиками по данному запросу были кавказские депутаты Халил-бек Хас-Мамедов и Фатали Хан-Хойский.⁴⁴ Кроме того, мусульмане подписали ряд запросов, инициированных кадетами.

В общем собрании Думы по различным вопросам депутаты-мусульмане выступали достаточно часто: в поддержку закона об отмене военно-полевых судов Мухаммед Шахтахинский (от имени мусульманской фракции, 12 марта), Мустафа Махмудов (13 марта); по аграрному и переселенческому вопросам – Фатали Хан-Хойский (2 апреля), Бахбалдек Султанов (9 апреля), Абдрахман (Рашид) Медиев (9 и 29 апреля), М.Шахтахинский (9 апреля), Таштемир Эльдарханов (3 мая), Калимулла Хасанов (16 мая), С.-В. Каратаев (29 апреля, 16 мая), Тапбулат Абдулхалилов (22 мая); за создание комиссий по оказанию помощи безработным и голодающим – К.Ха-

санов (7 марта), М.Шахтахинский (7 марта), А.Медиев (15 марта), Зейнал Зейналов (15 марта); по проблемам народного образования М.Махмудов (4 мая), К.Хасанов (4 мая), Садри Максудов (15 мая); по проекту реформы местного суда Ф.Хан-Хойский (29 мая), Х.Хас-Мамедов (29 мая); по др. проблемам З.Зейналов, Ф.Хан-Хойский, М.Махмудов и др.⁴⁵

Уже в период работы II Думы в Санкт-Петербург часто приезжали специальные делегаты, посылаемые мусульманами Казани, Уфы, Оренбурга, Туркестана и других городов и регионов Российской империи. Как писал Фуад Туктаров, в кулуарах мусульманской фракции можно было встретить совершенно различных людей: “купцов, мулл, богачей, представителей духовенства, крестьян; персов, узбеков, татар, башкир и пр.”, которые обращались к членам фракции за помощью, привозили петиции с мест и т.д. Таким образом, с этой точки зрения мусульманская фракция второй Думы имела характер **общемусульманского центра**.⁴⁶

Государственная Дума 3-го созыва (1 ноября 1907 г. – 9 июня 1912 г.) была единственной, которая проработала весь отведенный ей законом срок. В течение 5 сессий Дума рассмотрела 2432 законопроекта.⁴⁷

Председатели: Н.А.Хомяков (октябрист, 1907–1910); А.И.Гучков (октябрист, 1910–1911); М.В.Родзянко (октябрист, 1911–1912). Товарищи председателя: В.М.Волконский (умеренно правый, 1907–1912); А.Ф.Мейендорф (октябрист, 1907–1909); С.И.Шидловский (октябрист, 1909–1910); М.Я.Капустин (октябрист, 1910–1912). Секретарь – И.П.Созонович (правый, 1907–1912).⁴⁸

Из 442 депутатов, избранных в III Думу, мусульман было всего лишь 10 человек, что явилось следствием дискриминационного характера нового избирательного закона. По своему партийному составу III Дума – Дума “политической слабости и безвременья” – была гораздо более правой и умеренной по сравнению с предыдущими. Партийный состав Думы оказал сильное влияние на характер ее деятельности: отсутствие однофракционного большинства привело к тому, что судьба голосования зависела от октябристов, ставших “партией центра”. Если они голосовали с правыми, складывалось право-октябристское большинство (около 300 человек), если с прогрессистами и кадетами – кадетско-октябристское (свыше 250).⁴⁹

Действия депутатов правого и левого крыла (левее прогрессистов и кадетов) таким образом практически всегда сводились на нет: большая часть выдвинутых ими законопроектов была либо отвергнута Думой, либо блокирована Государственным Советом.

В целом же Дума была гораздо правее предыдущих и возможно по этой причине Гайса Еникеев отказался войти в Президиум и занять предложенный ему пост товарища (заместителя) Секретаря Государственной Думы.⁵⁰ Весьма показательным для характеристики настроений, царивших в третьей Думе, было избрание президиума, когда право-националистическое большинство блокировало всех кандидатов “слева”, и особенно ход обсуждения ответного думского адреса на речь императора. Поправки, вносимые левыми (трудовиками) и представителями нерусских народов, Думой неизменно отклонялись. Среди последних было одно общее по форме, но весьма существенное по содержанию, предложение объединенной группы поляков, литовцев, мусульман и евреев о том, чтобы вставить фразу: “удовлетворить справедливые стремления народностей, входящих в состав государства”. От имени мусульман с защитой этого дополнения выступил Халил-бек Хас-Мамедов. Отклонив данную поправку, право-националистическое большинство Думы продемонстрировало, таким образом, нежелание брать на себя какие-либо обязательства по рассмотрению и улучшению положения окраин и инородцев.⁵¹

Все это усугубляло и без того тяжелое впечатление, которое производил российский парламент на общественность. Об абсентеизме избирателей во время выборов писала практически вся прогрессивная российская печать. Не была исключением и татарская пресса, отмечавшая апатичность и равнодушие мусульманского населения к будущей Думе. Уже достаточно скоро пресса была вынуждена констатировать, что “третья Дума в своем моральном облике превзошла все даже самые пессимистические ожидания...”.⁵² Чтобы изменить это настроение, необходимо превратить слова “Манифеста 17 Октября 1905 г.” в действительность, с чем не слишком торопилось правительство⁵³, подстрекаемое право-националистической прессой. “Московские Ведомости”, “Гражданин” и прочие подобные издания открыто призывали ограничить Думу законосовещательными функциями.

Из десяти депутатов-мусульман, избранных в III Думу, первоначально только восемь объединились в мусульманскую фракцию. Двое – крымчанин Исмагил Муфтий-Заде и дагестанец Ибрагим-бек Гайдаров – отказались. Первый присоединился к правым, второй первоначально вошел во фракцию социал-демократов. Однако последний все же работал вместе с членами мусульманской фракции и от ее имени входил в ряд комиссий Думы. А в 1909 г. Ибрагим Гайдаров окончательно выходит из фракции социал-демократов и официально присоединяется к мусульманской.⁵⁴

Члены мусульманской фракции III Думы, так же как и их предшественники, находились в тесном контакте с недепутатами, входившими в ЦК “Мусульманского Союза”. Двое членов последнего всю зиму 1907/1908 гг. провели в Санкт-Петербурге, помогая первым в их законодательной деятельности. В работе комиссий, образованных при мусульманской фракции (по религиозным делам, вопросам образования и проверке старых законов, касающихся жизни мусульманского общества) активное участие принимали недепутаты (или депутаты Думы прежних созывов) – Султан-Вахид Каратаев, Саид-Гирей Алкин, Али-Мардан Топчибашев, Фатали Хан-Хойский и др.

Среди тех депутатов-мусульман, которые реально занимались законотворческой деятельностью, прежде всего следует отметить Гайсу Еникеева, входившего в комиссию по вопросам народного образования и работавшего над разработкой соответствующего проекта. Гайса Еникеев регулярно отчитывался в печати о своей работе и его деятельность над данным проектом наверное красноречивее всего показывает ту обстановку и атмосферу, в которой приходилось работать членам мусульманской фракции.⁵⁵

С трибуны Думы выступали практически все члены фракции, но особо можно выделить кавказских депутатов Халил-бека Хас-Мамедова и Ибрагим-бека Гайдарова. Из представителей Волго-Уральского региона наиболее яркие выступления принадлежат Садри Максуди. В частности, в марте 1912 г. он произнес большую речь в защиту мусульманского населения от обвинений его в панисламизме, вызвавшую широкий резонанс в прессе.⁵⁶

Однако в целом, по оценке современников, мусульманская фракция, должная стать центром мусульманского движения, не всегда справлялась со своей задачей, так как она была “малочисленна, слаба

и мало активна”.⁵⁷ Доставалось депутатам-мусульманам и за их бездеятельность и несоответствие результатов деятельности ожидаемым итогам. Очень критично татарская пресса отзывались о политическом облике мусульманских депутатов. В частности, газета “Казан мөхбире” с сожалением писала, что депутаты-мусульмане видимо присоединились к политической платформе фракции октябристов, следуя за ними “подобно слепые” во всех вопросах. Особенно последовательны в этом были, по мнению автора публикации, депутаты-татары, избранные от Казанской губернии. Но подобная тактика обречена на провал, ибо октябристы отнюдь не склонны считаться с мнением немногочисленной мусульманской фракции.⁵⁸ Это “поправление” членов мусульманской фракции отмечала и центральная пресса: мусульмане “в первую сессию голосовали чаще всего с кадетами. Во второй сессии они стали иногда голосовать с октябристами.”⁵⁹ Однако вскоре обнаружилась явная очевидность ошибки и невозможности подобного альянса. По ряду вопросов наблюдалось несовпадение позиции мусульманской фракции и октябристов. В частности, Халил-бек Хас-Мамедов от имени мусульманской фракции выступил против указа 9 ноября 1906 г. (17-го ноября 1908 г.), являющегося стержневым в аграрной политике П.А.Столыпина и октябристов, как проправительственной партии. Более умеренной, чем у мусульман, была позиция октябристов и в вероисповедном вопросе. Наконец, сильнейший кризис внутри октябристского союза, ставший предметом острых обсуждений на партийном съезде в 1913 г., и самое главное пренебрежительное отношение октябристов к национальным фракциям – все это явственно обозначило конец несостоявшегося блока.⁶⁰

В работе последней Думы – **Думы 4-го созыва (15 ноября 1912 г. – 25 февраля 1917 г.)** – участвовало 442 депутата. Всего состоялось 5 сессий, которые однако часто прерывались на не запланированные каникулы. Председатель – М.В.Родзянко (октябрист, 1912–1917). Товарищи председателя: Д.Д.Урусов (прогрессист, 1912–1913), В.М.Волконский (беспартийный, 1912–1913), Н.Н.Львов (прогрессист, 1913), А.И.Коновалов (прогрессист, 1913–1914), С.Т.Варун-Секрет (октябрист, 1913–1916), А.Д.Протопопов (октябрист, 1914–1916), Н.В.Некрасов (кадет, 1916–1917), А.В.Бобринский (националист, 1916–1917). Секретарь – А.И.Дмитрюков (октябрист, 1912–

1917).⁶¹ Среди пяти заместителей секретаря был и один мусульманин – Гайса Еникеев.⁶²

В IV Думе октябристы сохранили за собой роль центра, но фракция сократилась численно и обновила свой состав практически на 3/4 и чаще, чем прежде, блокировалась с кадетами. В этой Думе чаще складывалось оппозиционное правительству большинство (особенно с осени 1915 г.). Правительство в свою очередь шло по пути внесения в Думу незначительных законопроектов (в 1912–1914 гг. – свыше 2 000), в то же время широко практикуя введумское законодательство. Кроме того, на характер деятельности IV Думы оказала влияние первая мировая война. По сути, в период работы четвертой Думы полноценными были только первые две сессии. Начавшаяся летом 1914 г. война внесла свои коррективы в деятельность многих учреждений, в том числе и Думы: 26 июля 1914 г. состоялась однодневная чрезвычайная сессия с вопросом о выделении правительству военных кредитов. 3-я сессия была созвана лишь для принятия бюджета и также была очень кратковременной – 27–29 января 1915 г. Работа четвертой сессии (19 июля 1915 – 20 июня 1916 г.) была прервана достаточно длительными каникулами – с 3 сентября 1915 по 9 февраля 1916. Непостоянной была работа и последней 5-й сессии: она была открыта 1 ноября 1916 г., а уже с 16 декабря 1916 депутаты были вновь распущены на каникулы до объявления бессрочного перерыва в феврале 1917 г.⁶³ Кроме того, с началом войны прекратилось регулярное до этого публикование обзоров о работе комиссий и Думы в целом, что также значительно осложняет анализ законотворческой деятельности парламента в 1914–1916 гг. Впрочем, в это время основное законодательство осуществлялось правительством помимо Думы, которая все больше превращалась в легальную трибуну оппозиции.

Мусульманская фракция IV Государственной Думы состояла из 6 членов, возглавлялась Кутлуг-Мухаммед Тевкелевым. Секретарем был Ибниямин Ахтямов. Вследствие несогласованности своих действий (мандат оспаривали Садри Максуди и Шейхаттар Иманев), а также целенаправленной политики местных властей, стремившихся любой ценой “нейтрализовать” опасного Садри Максуди, казанские татары оказались без своего представителя в IV Государственной Думе.

Один из депутатов-мусульман – Магомет (Мухаммед) Далгат – во фракцию не записался, а примкнул к прогрессистам. Однако и фракция в целом была близка к “Прогрессивному блоку”.⁶⁴ Из-за малочисленности фракции и ее “беспомощности”, среди членов фракции был поднят вопрос о координации усилий: какой из блоков или групп в Думе должна поддерживать мусульманская фракция, не ущемляя при этом свои интересы, интересы мусульманского населения и не оставаясь в одиночестве? После дискуссий во фракции, вылившейся на страницы газет, было решено остановиться на “Прогрессивном блоке”.⁶⁵ Однако одновременно отмечалось слабое внимание прогрессистов к мусульманским проблемам. Если сравнить позицию фракции с предыдущими Думами, особенно с временами первой, то наблюдается явное охлаждение симпатий к кадетам, что было вызвано прежде всего имперской, “антитурецкой” позицией кадетской партии в период балканского кризиса и 1-й мировой войны, а также невнимание кадетов к мусульманским проблемам. Позиция октябристов, их обвинения представителей национальных групп (мусульман, Польское Коло и пр.) в защите только лишь своих “узко-национальных интересов”, сделала практически невозможной союз с этой аморфной, переживающей острый кризис, партией. Об этом, в частности, было открыто заявлено со страниц газеты “Милләт”, одним из владельцев которой был секретарь фракции Ибн-Ахтямов, и которая потому фактически являлась ее печатным органом.⁶⁶

Ибн. Ахтямов стал также инициатором внесения в Думу законодательного предположения “о предоставлении Оренбургскому Магометанскому Духовному Собранию права выдавать свидетельства на звание учителей и учительниц мусульманских духовно-приходских школ (мектебе и медресе)”,⁶⁷ судьбу которого должна была, но видимо так и не успела, решить комиссия по законодательным предположениям. Неоднозначное отношение к проекту было и среди членов мусульманской фракции. Когда Ибн. Ахтямов разработал данный проект и представил его во фракцию, большинство членов последней соглашаясь в принципе, предложили несколько повременить с его обнародованием до получения дополнительных сведений. Разработчик проекта однако с этим не согласился и, не дожидаясь подписей остальных членов фракции, внес его в Думу от имени уфимских депутатов. Свое несогласие с мнением своих коллег (например,

Г.Еникеева) Ибн. Ахтямов объяснял несколькими мотивами: для “проходимости” в Думе, законопроект должен базироваться на существующем законодательстве и иметь сугубо практический характер, не затрагивая общих и спорных вопросов; данный закон более всего нужен поволжским мусульманам и потому он касается исключительно ОДС; в дальнейшем же, при обсуждении его в комиссиях и Думе, возможно дополнение и распространение на другие мусульманские регионы; и наконец, промедление с его внесением может иметь серьезные негативные последствия.⁶⁸ Данный проект вплоть до осени 1914 г. ни комиссиями, ни общим собранием не обсуждался и, таким образом, он пополнил многочисленные не рассмотренные Думой бумаги.⁶⁹

Другое законодательное предположение, инициированное мусульманином (прогрессистом М.Далгатом),⁷⁰ предусматривало отмену ограничений для мусульман, вступающих в сословие присяжных поверенных. Законопроект был внесен не мусульманской фракцией⁷¹, а прогрессистами, но поскольку он затрагивал существенные права мусульман, фракция постановила, что безусловно присоединяется к нему и, не ограничиваясь молчаливым голосованием, активно поддержит его во время обсуждения в общем собрании Думы.⁷²

Неприятное впечатление на мусульман оставили действия кадетов: по требованию фракции, ее члены, первоначально подписавшие данное законодательное предположение, сняли свои подписи. Это поведение кадетской фракции вызвало в ряде татарских изданий (например, “Кояш”) осуждение и подозрение, что инородческие проблемы интересуют кадетов только в том случае, когда они затрагивают интересы евреев.⁷³ Самостоятельный кадетский проект об отмене ограничений для всех вообще инородцев, желающих стать адвокатами, был, естественно, заблокирован право-октябристским большинством судебной комиссии. Но одновременно, комиссия одобрила проект прогрессистов в отношении юристов-мусульман, распространив его и на караимов.⁷⁴

В IV Думе (в довоенный период) депутаты-мусульмане выступали с трибуны в общем собрании только в основном во время обсуждения бюджета на 1914 г.: председатель Кутлуг-Мухаммед Тевкелев при обсуждении сметы МВД затронул вопрос о реорганизации управления духовными делами российских мусульман; земельный воп-

рос, особенно острый для башкир вотчинников и припущенников, был поднят в выступлении Ибн. Ахтямова; Гайса Еникеев выступал при обсуждении сметы МНП; Мамед Джафаров – по смете МИДа и Габдул-Латиф Байтерьяков – по смете Лесного Департамента.⁷⁵

Когда началась первая мировая война и распущенная на летние каникулы Дума была срочно созвана в Петроград для проведения объединенного с Госсоветом заседания (26 июля), члены мусульманской фракции находились в своих родных местах и потому прибыли в столицу с некоторым опозданием. Ибниямин Ахтямов, Гайса Еникеев и Мамед Джафаров приехали только 27-го июля и сразу же выступили в печати с патриотическим заявлением. Приехавший через день Г.-Л.Байтерьяков также присоединился к заявлению своих товарищей.⁷⁶

Однако война, на первых порах вызвавшая всеобщий патриотический подъем и притупившая конфликт с правительством, вскоре перешедшая в затянувшееся “*состояние*”, сместила все акценты и приоритеты и еще больше дезорганизовала нормальную законодательную деятельность Думы в целом и отдельных ее фракций, в том числе мусульманской, в частности.

§ 2. Социально-политический облик депутатов-мусульман

Во все четыре Думы всего было избрано 78 депутатов-мусульман: 25 человек в I, 36 во II, 10 в III и, наконец, 7 в IV. Так как некоторые из депутатов избирались по несколько раз, а один – Кутлуг-Мухаммед Тевкелев – четыре, то во всех четырех Думах работало всего 67 мусульманина. Таким образом, среди депутатов-мусульман лишь один был не только свидетелем, но и непосредственным участником деятельности Думы весь период ее существования. Больше ни один из депутатов-мусульман не смог преодолеть рубеж в три Думы, и только восемь (8) человек были избраны дважды (Гариф Бадамшин, Ахмед Беремжанов, Таштемир Ильдарханов, Шахимардан Коцегулов, Садри Максуди, Шах-Айдар Сыртланов, Мухаммед-Шакир Тукаев и Халилбек Хас-Мамедов, Гайса Еникеев, см. табл. № 1).⁷⁷

Общий облик и характер депутатов, представлявших в Государственной Думе мусульманское население, в некоторой степени яв-

лялся результатом целенаправленной правительственной политики. Власти неизменно стремились контролировать процесс выборов и регулировать избрание удобных и даже угодных для себя кандидатов. Не всегда это удавалось в полной мере, но нередко подобной правительственной политике сопутствовал успех.

Этой цели были подчинены как избирательный закон 1906 г.,⁷⁸ так и новый, измененный закон 1907 г. С их помощью власти определяли “нужное” количество представителей тех или иных социальных, национальных или же религиозных групп.⁷⁹ Поэтому сокращение максимальной квоты для представителей мусульманского населения империи с 35–36 в I–II Думах до 10 в III–IV Думах в результате “государственного переворота” 1907 г. вполне соответствовало намерениям властей.

Однако необходимо было регулировать не только количество, но и “качество” потенциальных депутатов. “Нежелательные” элементы отсекались на различных этапах подчас под надуманными предлогами. В частности, в период выборов в I Думу были арестованы и следовательно отстранены от участия в выборах Гаяз Исхаки⁸⁰, Юсуф Акчура (в то время член ЦК партии народной свободы)⁸¹; отстранен во втором круге выборов Фуад Туктаров⁸². После появления “Выборгского воззвания”, правительственные круги с воодушевлением использовали предоставившийся шанс “убрать” целую когорту видных деятелей оппозиции.

В период подготовки II Думы вторично был арестован находившийся в Симбирске и считавшийся “мусульманским кандидатом в члены Государственной Думы” Юсуф Акчура.⁸³

В последующее время власти, наряду с привлечением к судебной ответственности и арестами с целью лишения неугодных кандидатов избирательных прав, использовали и другие методы. Например, когда администрация при всем своем усердии и желании не находила оснований для привлечения к ответственности, она “разъясняла”, что кандидат по ряду причин (отсутствие ценза и пр.) не имеет избирательных прав. Например, в 1912 г. Садри Максуди “на том основании, что у него имеется старший брат, который по мнению администрации, должен считаться домохозяином”, был лишен избирательного права.⁸⁴ Другой, широко используемый метод устранения неугодных заключался в “забаллотировке” последних в ходе умело организованного процесса выборов. Именно поэтому в чет-

вертую Думу не прошли слишком радикально-настроенные и активные кавказские депутаты предыдущей Думы – Ибрагим Гайдаров и Халил-бек Хас-Мамедов.⁸⁵

Таким образом, в стремлении получить угодную право-националистическую Думу, власти использовали все возможные методы, не останавливаясь ни перед законом, ни перед общественным мнением, ни перед чем... Зачастую выборы “делались” настолько явно, грубо и откровенно, что это убивало в обществе веру в парламент как реальную и самостоятельную силу.

Но если в отношении отдельных неблагонадежных лиц власти добивались желаемого, то общий итог был скорее противоположным и политический облик депутатов-мусульман был гораздо левее и радикальнее, чем хотелось бы властям. Не случайно, что практически всегда депутаты-мусульмане оказывались в блоке оппозиционных фракций. Еще в период выборов в I Думу, в Казанской и Уфимской губерниях кадеты прошли только благодаря блоку с “инородцами”.⁸⁶ Правые же вообще приписывали успех левых сил в первых двух Думах исключительно поддержке “инородческого элемента”.⁸⁷ Поэтому, накануне выборов в III Думу, признавая недопустимым соглашение с октябристами, кадеты в то же самое время считали “вполне желательным предвыборный блок с мусульманами...”.⁸⁸ В первой Думе большинство депутатов-мусульман, как уже было отмечено, вошли в кадетскую фракцию. Во второй, хотя и составили свою самостоятельную группу, тем не менее по наблюдениям публицистов, “по общим вопросам идут дружно рука об руку с кадетами”.⁸⁹ Подтверждением этого является и тот факт, что выбирая желательное место в зале заседания, большинство мусульман в анкетах указывали – “между партией народной свободы и польским Коло”. Одновременно, ряд наблюдателей отмечали некоторую склонность мусульман во второй Думе к сближению с более левыми группами⁹⁰, что проявилось и в создании “мусульманской трудовой группы”. Видимо, именно этот условно говоря левый центр занимали депутаты-мусульмане в целом в политическом спектре российской действительности в период и первое время после российской революции. Необходимо учитывать и тот факт, что в Думе было в значительной мере представлено ядро прокадетского “Мусульманского союза”, существовавшего как самостоятельная организация до 1908 г., но до революции так и не легализованного. Позднее, в

период реакции, с одной стороны наблюдается спад общественно-политической жизни, а с другой отход мусульман от кадетов, вызванный как неопределенностью последних в “мусульманском” вопросе, так и особенно их “антитурецкой” позицией в период первой мировой войны. Начинается поиск новых политических союзников, среди которых безусловное предпочтение отдается прогрессистам (в IV Думе) и как прежде полякам.

Из 78 депутатов-мусульман, избранных в Думу за весь дореволюционный срок ее существования, большинство входили в мусульманские объединения: существовавшую неформально мусульманскую группу в I Думе, мусульманскую трудовую группу во II и мусульманскую фракцию в II–III–IV Думах. Только в первой Думе, пока не начался процесс оформления собственного союза, значительная часть мусульман вошла в кадетскую фракцию.⁹¹ Причем, это был не всегда сознательный выбор (например, присутий Саид-Гирею Алкину, Али-Мардану Топчибашеву и др.), но и просто инерция мышления и поступков, когда политически безликие и неопределившиеся члены послушно шли вслед за своими лидерами. В последующем, когда мусульманская фракция была зарегистрирована официально, они также естественно становились ее членами.

Однако, даже учитывая эти особенности политической физиологии депутатов, составлявших думское “болото”, данные таблицы хорошо иллюстрируют политические симпатии и приоритеты большинства депутатов-мусульман:

Таблица № 1.

Принадлежность депутатов-мусульман к различным фракциям

Думы	мусульманская фракция	мусульманская трудовая группа	союз автономистов	кадеты	прогрессисты	октябристы	социал-демократы	беспартийные
I	21 (неофиц.)	–	3 (4)	14	–	–	–	7
II	31	6	–	–	–	–	–	–
III	8 (9 - в 3-4 сесс.)	–	–	–	–	1	1 (1-2 сесс.)	–
IV	6	–	–	–	1	–	–	–

Из 78 человек только трое-четверо предпочли не мусульманскую фракцию, а другие политические силы – по одному человеку примкнули к социал-демократам (III), прогрессистам (IV) и октябристам

(III). О выборе М.Шахтагинского сложно сказать определенно: по одним сведениям он, “обидевшись” на мусульманскую фракцию, не стал в нее записываться, а оставаясь независимым депутатом, был близок к правым⁹², по другим – входил в кадетскую фракцию⁹³. Однако с думской трибуны он выступал от имени мусульманской фракции, что позволяет причислить его к последней. Но ни социал-демократ Ибрагим-бек Гайдаров в III Думе, ни 6 депутатов, примкнувших к трудовикам во II Думе, не порывали полностью связи с мусульманской фракцией.

Однако вряд ли можно утверждать, что единство и сплоченность мусульман в Думе отражали уровень и степень их организованности. Нет свидетельств о наличии в основе фракции развитой партийной структуры, как у кадетов, или обязательной для всех ее членов дисциплины, как в Польском Коло.

Более того, малочисленность и слабость мусульманской фракции не позволяли ей занимать обособленно-самостоятельную позицию и вынуждали идти на контакт и союзничество с другими парламентскими объединениями. Поддержка более сильной фракции была мусульманам просто необходима. Но была ли у мусульман особая четкая позиция в выборе партнеров и степени возможного компромисса (как например, у Польского Коло) или же они каждый раз исходили из тактической целесообразности и реальных возможностей? Более вероятно последнее.

Связи и взаимоотношения с другими парламентскими объединениями. О контактах и союзах мусульман с кадетами во время выборов и период работы I–II Дум, а также о временном “поправении” мусульманской фракции в III–IV Думах в сторону октябристов и последующей ориентировке на прогрессистов, уже было сказано. Из национальных блоков самым естественным союзником мусульман было Польское Коло и союз автономистов, образованный в I Думе. Несколько слов о последнем.

Союз автономистов – “парламентская группа Союза автономистов” – объединял депутатов, избранных от национальных меньшинств (которых в I Думе всего было 220 человек⁹⁴), состоящих членами различных политических партий и организаций национального толка. Численность депутатов, входивших в Союз, колебалась по одним данным от 120 до 150 к моменту разгона Думы,⁹⁵ по другим от 125 до 135 человек.⁹⁶ Однако из них только 63 депутата не

входили в другие партийные фракции.⁹⁷ Большинство же являлись одновременно членами двух крупнейших фракций – или кадетов или трудовиков. Например, официальный глава автономистов – поляк Александр Ледницкий – был членом фракции кадетов, “территориального Коло” и автономистов.⁹⁸

Инициаторами создания этого союза были депутаты от национальных меньшинств и, прежде всего, Александр Ледницкий.⁹⁹ Официальное оформление его произошло по всей видимости в середине мая 1906 г.¹⁰⁰ Так, уже 17 мая в прессе были опубликованы “Основные положения для образования парламентской фракции Союза автономистов”, регулировавшие деятельность этого межфракционного объединения на “областных или национально-территориальных началах для взаимной поддержки и защиты, а также для осуществления автономной идеи на демократических началах”.¹⁰¹ По мнению Я.Г.Альфреда (Janus Glen Alfred), фракция автономистов была объединением депутатов от национальных и религиозных меньшинств, зафиксировавших “принцип автономии как решение национального вопроса”.¹⁰² Причем признание этого принципа было единственно обязательным условием для членства во фракции; по остальным вопросам членам союза автономистов была предоставлена полная свобода. Среди других важнейших пунктов программы этого союза были следующие:

- признание прав национальных меньшинств;
- ликвидация национальных и религиозных ограничений;
- широкая децентрализация государственного управления и федерализация империи;
- единство и неделимость России.¹⁰³

Так как “Союз автономистов” не был самостоятельной фракцией, а лишь межфракционным объединением, то отношение к нему и главное поддержка крупных и сильных фракций была необходимым условием для его жизнеспособности.

Серьезные сомнения кадетов о желательности и полезности подобного объединения были высказаны практически в первые же дни лидером этой, определяющей настроения первой Думы, фракции П.Н.Милоковым. Он остановился на нескольких ключевых проблемах: во-первых, выделение специальной парламентской группы для решения отдельной задачи может серьезно повредить решению других очередных вопросов; во-вторых, навряд ли крупные нацио-

нальные группы (поляки, мусульмане), слишком дорожащие своими конкретными интересами, отдадут приоритет общим проблемам; и наконец, рано или поздно встанет вопрос о партийной дисциплине.¹⁰⁴

Прошло совсем немного времени и эти опасения кадетского лидера были подтверждены. Польское Коло – пожалуй одна из первых фракций, созданная в Думе национальным меньшинством, самая крупная и влиятельная из внепартийных – заняла по отношению к Союзу двойственную позицию. Несмотря на то, что объединение автономистов было бесспорно самым естественным и мотивированным союзником поляков, тем не менее последние не просто проявляли осторожность, но порой и демонстрировали явное равнодушие. Они были против тесного контакта с автономистами, как впрочем и с другими фракциями или депутатскими объединениями, что было зафиксировано в уставе Польского Коло.¹⁰⁵ Это объяснялось заботой членов Коло прежде всего о польской автономии и нежеланием их связывать себя какими-либо соглашениями и союзами (политика “свободных рук”).¹⁰⁶ Поэтому члены Коло, к явному неудовольствию организаторов союза, согласились присоединиться в качестве “коллективного члена” и быть представленными делегатами от Коло на собраниях автономистов без каких-либо обязательств. Таким образом, позиция Коло по отношению к союзу автономистов базировалась исключительно на временной тактической и политической целесообразности и не способствовала усилению активности и влияния последней.

Отношение депутатов-мусульман к этой организации по доступным источникам прослеживается крайне слабо. Но безусловно, оно отличалось от польской фракции. Прежде всего, сами депутаты-мусульмане в первой Думе были еще организационно бесформенны. По всей видимости, мусульмане (особенно татары) не занимали такой жесткой изолированной позиции, как их польские коллеги, а потому отношение к созданию союза должно было быть весьма благоприятным. Но для окончательного вывода сведений явно недостаточно. Кроме того, что мусульмане были среди организаторов этого союза, информация об их конкретной деятельности и членстве крайне скудна. Членом союза бесспорно был Селим-Гирей Джантюрин, и видимо еще два-три депутата-мусульманина из чис-

ла беспартийных (внефракционных).¹⁰⁷ Более того, С.-Г. Джантюрин от имени мусульман, входил в бюро союза автономистов.¹⁰⁸

Взаимоотношения непосредственно между мусульманской фракцией и Польским Коло складывались под влиянием ряда обстоятельств. Прежде всего, необходимо учитывать отсутствие подобных стремлений у поляков, проводимую ими политику “свободных рук” и в целом их “вежливо-холодное” поведение, отстраненность и равнодушие к “непольским”, внутрироссийским проблемам. “Коло... тщательно следит за тем, чтобы кому-либо не показалось, будто Коло утрачивает свою самостоятельность” и отношение к фракциям российского парламента через призму отношения последних к вопросу о польской автономии – вот два главных лейтмотива в поведении членов “Польского Клуба”.¹⁰⁹ Поэтому даже с кадетами, которых только, “зная себе цену”, поляки признавали достойными союзниками, отношения складывались непросто и сотрудничество нередко сменялось взаимным недоверием. С малочисленной и маловлиятельной мусульманской группой поляки тем более не склонны были считаться и идти на союз, тем более что национальные проблемы других народов их не интересовали и не волновали. Американский исследователь деятельности Коло Я.Г. Альфред писал, что поляки были “заинтересованы исключительно в польской автономии и в меньшей степени они заботились о решении национального вопроса в России. В действительности, Коло было твердо против автономии Литвы, украинцев и белорусов, так как в случае получения этими областями автономии, польское меньшинство в западных провинциях теряло свои господствующие социальные и экономические позиции”. Подобную позицию поляки объясняли тем, что они имеют права на автономию, поскольку политически, экономически и культурно более развиты, чем другие национальности империи. Поэтому они надеялись получить от властей польскую автономию в качестве исключения, в обмен на лояльность в остальных вопросах.¹¹⁰

Естественно подобная гипертрофированная “однoboкость” позиции поляков вызывала нарекания либеральной российской общественности, считавшей ее ошибочной: поскольку “держась в стороне от русского либерализма и хладнокровно относясь к его поражениям, поляки только усилят русский повиннический национализм”.¹¹¹ Там, где интересы поляков не затрагивались, они занимали

нейтрально-безразличную позицию. В этом, вероятно, основная причина отсутствия тесного сотрудничества между поляками и мусульманами.

Позиция мусульман была иной. Во-первых, вследствие малочисленности и слабости, члены мусульманской фракции были заинтересованы в союзниках и таковыми естественно могли стать представители национальных групп. Кроме того, отсутствие опыта политической деятельности, неразвитость многих политических институтов внутри мусульманского общества подталкивали некоторых публицистов к мысли о необходимости учиться азам политической жизни, брать пример с других более опытных и “культурных” представителей российского парламента (например, Фуад Туктаров).¹¹²

Образовательный уровень. Если говорить об образовательном уровне депутатов-мусульман, то вырисовывается следующая картина. Из этих 67 человек высшее и среднее образование имело 33 человека (соответственно 21 и 12), т.е. половина из общего числа депутатов. Среди 21 депутата с высшим образованием 11 имели юридическую квалификацию (см. табл. № 1). При сравнении по отдельным Думам наблюдается рост удельного веса европейски-образованных депутатов в III и IV Думах: в I в среднем – 50 %; II – 35 %; в III – 70%; в IV – 80%.¹¹³ Таким образом, в среднем образовательный уровень депутатов-мусульман сопоставим с данными по Думе в целом. В третьей Думе, например, мусульмане занимали промежуточное положение между высоко- и плохо-образованными депутатами и по этому показателю были близки к октябристам.¹¹⁴

Особенно высокий процент образованных был среди депутатов с Кавказа: из 19 депутатов 10 имели высшее образование, 5 среднее и 4 – неизвестно. Больше всего депутатов, не имевших европейского образования и плохо знавших русский язык, посылало население Туркестана и отчасти Волго-Уральского региона. Речь идет прежде всего о представителях мусульманского духовенства, которых насчитывалось около полутора десятка (15 человек), и крестьянства (5–10 человек, т.к. некоторые одновременно были муллами и занимались сельским трудом). Конечно же среди последних были люди весьма уважаемые, достойные и в целом образованные (например, Хади Атласов, Мухаммед-Шакир Рамиев, Абдерауф Карый), но их преимущества и достоинства оставались не востребованными в Думе, где требовались иные качества – юридическая подготовлен-

ность и компетентность, ораторские способности (а следовательно и хорошее знание государственного языка¹¹⁵), четкая позиция и умение ее отстаивать и пр. Мусульманское население же нередко посылало в Думу людей, не обладавших подобными качествами в полной мере и вынужденных, по словам Саид-Гирея Алкина, “пользоваться чужими речами”.¹¹⁶ Поэтому фракция испытывала постоянный недостаток в деятелях, способных к законотворческой деятельности, и была вынуждена часто прибегать к помощи не-депутатов (бывших депутатов).

Эта проблема нашла свое отражение и в национальной прессе. Например, в одном из номеров казанской газеты “Бяенелхак” (№ 307, от 15 апреля 1908 г.) бывший депутат Саид-Гирей Алкин, часто бывавший в столице и поддерживавший с фракцией постоянный контакт, весьма критично оценил результативность ее деятельности. Он писал, что во время наступивших пасхальных каникул перед бюро фракции стоит задача рассмотреть и подготовить к обсуждению ряд проектов. Среди проблем, волнующих мусульманскую общественность в первую очередь, он выделил переселенческую политику правительства и связанный с ней вопрос о казахских землях, и во-вторых, реформу управления религиозными структурами, в том числе ОДС. Автор статьи отмечал беспомощность фракции, не способной справиться с этими проблемами. Конечно, определенная помощь оказывалась со стороны бывших депутатов, прежде всего Султан-Вахида Каратаева и Али-Мардана Топчибашева. Особенно важна была роль последнего, подготовившего много документов и составившего для ряда ораторов речи. Но несмотря на его значительный вклад, одного лишь Али-Мардана Топчибашева для решения различных многочисленных проблем явно не хватает.¹¹⁷ Позднее, также в газете “Бяенелхак” (№ 418, 13 января 1909 г.) было помещено письмо депутата Халил-бека Хас-Мамедова члену редколлегии газеты Саид-Гирей Алкину о проблемах фракции, нуждающейся в помощи образованных соплеменников, так как только своими силами фракция не справляется. Конечно же, члены фракции обратились к Али-Мардану Топчибашеву с просьбой приехать в Санкт-Петербург, однако многое упирается в финансовые проблемы.¹¹⁸ Аналогичные сообщения нередко встречаются и на страницах других татарских изданий.

Депутаты-мусульмане и пресса. Если рассматривать взаимоотношения представителей мусульманского населения в парламенте и прессы, явно прослеживаются две тенденции.

Общероссийская (русскоязычная) пресса отличалась относительно слабым вниманием к жизни мусульман, особенно к их внутренним проблемам, о чем с сожалением писали татарские издания, приветствуя каждый факт появления объективной информации о мусульманах России.¹¹⁹

Даже кадеты, считавшиеся естественными союзниками, были заражены этим равнодушием, в полной мере проявившимся в их ведущей партийной прессе. Как правило, говоря о представителях в Думе мусульманского населения, кадетские или близкие к ним издания (“Речь”, “Право”, “Русская мысль”, “Вестник Европы” и др.) ограничивались беглым упоминанием лишь факта их существования. Неизменно подчеркивались союзнические отношения и при этом явное предпочтение отдавалось “польскому” и особенно “еврейскому” вопросам, являвшимся с точки зрения кадетов важнейшими из всех “инородческих” вопросов.¹²⁰ В этом плане показательна статья яркого публициста А.С.Изгоева “Национальные и религиозные вопросы в современной России”, признававшего в начале публикации особую важность для империи национальной проблемы и справедливость возможных упреков оппозиционно-прогрессивной печати в том, что она их игнорирует.¹²¹ Но при этом, речь в статье шла о “малоросском”, еврейском и отчасти армянском вопросах, считавшихся первостепенным. “Мусульманскому вопросу” опять же повезло намного меньше и эта проблема была лишь обозначена двумя фразами: “Вопрос татарский из разряда местных обещает перейти в разряд российских, так как молодая мусульманская интеллигенция успешно объединяет различные народности, исповедующие магометанство. Объединение это происходит пока только в духовной области, но неразумная реакция способна своими репрессиями и ему придать характер политический”.¹²² В другой статье этот же автор не скрывает своего незнания проблемы: “... мусульманская группа, с внутренней, как говорят, очень напряженной жизнью которых мы знакомы мало...”¹²³

Некоторым исключением является статья Г.Алисова в том же журнале “Русская мысль”, вышедшая в июле 1909 г. и отличающаяся редкой для немусульманина осведомленностью во внутренних

сугубо мусульманских делах.¹²⁴ Но является ли данная публикация примером изменившегося отношения российской общественности к мусульманскому миру или же исключением из правила? Я более склонна ко второму ответу. Татарская пресса неоднократно сетовала на слабое внимание российской общественности к мусульманским проблемам. Именно с целью преодолеть вынужденную изоляцию и поведать о своих проблемах, татары предпринимают несколько попыток издания периодических органов на русском языке (“Милләт”, “Мусульманская газета” и пр.).

Надо полагать, что официальная, а тем более правая и правонационалистическая пресса уж точно не баловали мусульман своим повышенным вниманием. Показателен и выбор правой прессой источников, из которых они черпали свои сведения о мусульманском мире. Так, например, корреспондентом официозной “России” был бывший депутат Думы 2-го созыва Махмуд Шахтагтинский, которого татарская пресса обвиняла в крайне-правых взглядах, игнорировании мусульманских интересов и дискредитации мусульманского движения в глазах прогрессивной части российской общественности.¹²⁵

Совсем иначе дело обстоит с национальной прессой.¹²⁶ Наверное не было ни одного татароязычного издания, не печатавшего материалов о деятельности Государственной Думы и особенно ее мусульманской фракции. Правда татарские газеты, даже самые крупные, не обладали ни финансовой, ни иной возможностью постоянно держать при Думе своего собственного корреспондента. Исключением, пожалуй, является лишь газета “Нур”, владельцы которой – Гатаулла и Мухаммед-Сафа Баязитовы – имели свое место в Верхней ложе, отведенной в зале Думы 3-го созыва для представителей прессы.¹²⁷ Но газета “Нур” имела преимущества перед остальными татарскими изданиями – во-первых, она издавалась в столице, и во-вторых, имела репутацию благонадежного издания, а ее владельцы обладали необходимыми связями в правительственных кругах.¹²⁸ Всего этого не было у остальных татароязычных изданий, которым часто оставалось довольствоваться перепечатками сообщений из официальных изданий и выдержек из стенографических отчетов Думы. Впрочем и корреспонденты, имевшие доступ в Таврический дворец, были очень сильно ограничены в своих возможностях: “места им отведены на галерее, где и по акустическим условиям и по

отсутствию каких бы то ни было приспособлений, и по тесноте репортерская работа будет крайне трудна и утомительна”, там “нет даже столов, на которых можно было бы писать, не говоря уже о телефоне или телеграфе...”. Но самое главное, представители прессы в период работы третьей Думы в отличие от предшественников **не допускались** в кулуары, а следовательно ограничивалось непосредственное общение с депутатами, отчего пропадает “самая интересная сторона корреспондентских сообщений из Думы”.¹²⁹ Надо сказать, что подобные изменения в правилах, регламентировавших работу думской прессы, были осуществлены непосредственно перед открытием третьей Думы. В 1906–1907 гг. думские “хроникеры” были весьма свободны в своих действиях – они могли сидеть в зале и общаться со всеми парламентариями и министрами.¹³⁰ Осенью 1907 г. власти, как обычно недовольные прессой, провели “реформу”: “число мест было урезано чуть ли не вдвое, ложа в зале заседания отобрана, и вся пишущая братия загнана в очень тесную и невыгодную в акустическом отношении “голубятню” на левой стороне хор.” Настойчивые протесты прессы и поддержка руководства Думы имела весьма скромные результаты – ложа в зале была открыта, но оказалась доступной лишь для избранного круга столичных изданий (около десятка), да к тому же она постоянно на две трети пустовала. Остальные журналисты были вынуждены по-прежнему пребывать на “голубятне”.¹³¹ Там же было предоставлено место единственной татарской газете “Нур”.

Может быть, татарские издания, не имевшие своих специальных думских корреспондентов, не так уж много теряли и их функции нередко выполняли сами депутаты (в том числе и бывшие), а также татары, бывавшие в столице в силу ряда обстоятельств достаточно часто и длительное время. Например, в газете “Казан мөхбире” работу I Государственной Думы освещал Юсуф Акчура, которому принадлежат почти все серьезные аналитические статьи. Весной 1907 г. Саид-Гирей Алкин, достаточно часто ездивший по служебным делам в Санкт-Петербург, дал свое согласие быть корреспондентом газет “Бәянешак” и “Казан мөхбире”.¹³² И действительно, вскоре в ряде номеров газеты “Бәянешак” были опубликованы присланные им из столицы подробные обзоры деятельности Думы.¹³³ Во время работы III Думы депутат от Казанской губернии Гайса Еникеев, кандидатуру которого газета поддерживала весьма активно, регу-

лярно отчитывался о своей деятельности и работе фракции.¹³⁴ С февраля-марта 1908 г., наряду со статьями Саид-Гирея Алкина и Гайсы Еникеева, в газетах “Бәянешак” и “Казан мөхбире” все чаще стали печататься публикации за подписью Исхака Бикчурина¹³⁵, фактически превратившегося на несколько месяцев в постоянного корреспондента этих газет. Казанская газета “Йолдыз”, редактором которой был брат Садри Максуди – Ахмед-Хади Максуди, также уделяла большое внимание деятельности фракции и отдельных ее членов.¹³⁶ Кроме того, члены мусульманской фракции присылали в редакции ведущих татарских газет обращения к общественности, а также информировали о своей деятельности.

Изданий, являвшихся непосредственными периодическими органами депутатов-мусульман было всего два: это уже упоминавшиеся газеты “Дума” (1907 г.) и “Милләт” (1913–1915 гг.). Но их значимость среди татарской прессы была невелика. Первая газета выходила очень недолго, более того большая часть ее тиража была арестована и уничтожена. Вторая же газета также не смогла превратиться в постоянный и влиятельный периодический орган, играющий ведущую роль в освещении политической жизни российского общества в целом и мусульман в частности (за тринадцать месяцев всего вышло 19 номеров газеты). Окончательный удар был нанесен газете начавшейся первой мировой войной.

Несмотря на не слишком удачный опыт, в татарской прессе нередко высказывались пожелания об активизации деятельности мусульманской фракции, в том числе и в направлении улучшения ее информационных усилий. В частности, журнал “Икътисад” высказывался о желательности издания при фракции ежемесячного журнала для ознакомления мусульманского населения с новыми законопроектами и важными для мусульман статьями тех или иных законов.¹³⁷

Известно об одной такой попытке депутатов-мусульман наладить издание собственного периодического органа. В частности, подобный вопрос обсуждался во фракции в период работы третьей Думы в 1910 г. Подсчет необходимых для издания в Санкт-Петербурге газеты средств (минимум 12 тыс. рублей в год) обнаружил, что одна фракция своими силами не справится. Представители фракции, при успешном решении финансовой стороны дела, соглашались взять на себя организационные заботы. Одновременно, члены фракции

сошлись на том, что это должен быть еженедельный журнал на русском языке, являющийся формально не думским органом, а самостоятельным изданием.¹³⁸ Видимо, финансовые проблемы оказались непреодолимы, так как подобный журнал так и не увидел свет. А может быть вместо журнала была “Мусульманская газета”, появившаяся в октябре 1912 г.? Однако, видимой связи между данной газетой (издатели-редакторы Сагид Хабиев и Ислам Шагиахмедов) и мусульманской фракцией нет. Также почти двухлетний перерыв между ними наводит на мысль, что речь должна идти о самостоятельных явлениях. Более вероятно, что идея еженедельного журнала была осуществлена к концу 1913 г. в виде упомянутой газеты “Милләт”.

В итоге, по думской жизни наиболее информированными являлись такие стабильные и авторитетные издания, как газеты “Йолдыз”, “Вақыт”, “Бәянеһак”, “Кояш”, “Ил”, “Төрмеһ” и пр. Об этом же свидетельствуют ежегодные обзоры татарской периодической печати, осуществляемые цензорами ГУП.¹³⁹

Своеобразный рейтинг значимости татарских газет и журналов можно определить по каталогу периодических изданий, получаемых библиотекой Государственной Думы в 1911–1914 гг.¹⁴⁰ В 1911 г. в думскую библиотеку поступало 5 тюркоязычных газет (“Бәянеһак”, “Вақыт”, “Төрмеһ”, “Садо”, “Йолдыз”) и 2 журнала (“Шура” и “Мәғлумат җәдиде”). В 1912–1914 гг. их общее количество уменьшилось до 5 (“Вақыт”, “Төрмеһ”, “Садаи Хак”, “Йолдыз” и “Шура”). Часть изданий думская библиотека получала в обмен на стенографические отчеты (“Вақыт” и “Шура”), а другие покупала за деньги (“Төрмеһ” и “Йолдыз”). Примечательно, что в 1911–1912 гг. большинство из тюркоязычных изданий находилось в Екатерининском зале, т.е. были среди наиболее доступных и читаемых изданий. В 1913–1914 гг. таких газет уже не было.

Естественно, между отдельными изданиями не было единства в оценке деятельности мусульманской фракции в целом или же ее отдельных членов. У каждой газеты были свои особые пристрастия, симпатии и антипатии, свой взгляд на желательный характер и направление деятельности депутатов-мусульман. И если все издания были едины в защите национальных интересов мусульман, то когда речь заходила о политической платформе фракции, мнения расходились довольно кардинально. Весной 1914 г. в татарской прессе

развернулась целая полемика о том, каков должен быть политический облик мусульманской фракции, на какие группы и фракции следует ориентироваться и кто может стать для мусульман наилучшим союзником? Например, газета “Кояш” не видела надежной опоры в кадетях, поскольку последние защищают интересы инородцев только в том случае, если это касается евреев. А потому, по мнению “Кояш”, следует наладить контакты с русским большинством Думы. “Йолдыз” считала, что в общих вопросах не следует действовать вместе с крайними левыми и, таким образом, раздражать правое большинство Думы. Но одновременно в национальных вопросах предпочтительнее отстаивать интересы всех нерусских народностей, невзирая на отношение к ним правых. “Ил” и “Төрмеһ” полагали, что только прогрессивные объединения способны признать справедливость требований инородцев, а потому мусульмане должны быть солидарны с прогрессивными течениями.¹⁴¹

Таким образом, разноречивость в оценке желательного политического облика мусульманской фракции объяснялась, во-первых, неопределенностью позиции многих политических объединений в отношении к мусульманскому населению и, во-вторых, стремлением преодолеть объективные трудности в деятельности фракции (малочисленность, политическую и материально-финансовую слабость и пр.), сделать ее работу более эффективной и результативной. Одновременно, эти факты свидетельствуют о наличии политического плюрализма в татарском обществе, который однако колебался в достаточно узких рамках умеренного оппозиционно-прогрессивного крыла российской общественной мысли.

Осенью-зимой 1915 г. мусульманское общество вновь стало проявлять большую озабоченность деятельностью (точнее “бездеятельностью”) фракции, “которая не отражает и отстаивает интересы двадцати миллионов мусульман”. В печати появились сообщения о том, что мусульмане различных городов намереваются отправить от каждого крупного города, в том числе и от Казани, по одному представителю из числа наиболее опытных и образованных общественных деятелей для оказания помощи фракции. Среди казанцев желание быть делегированным, по сведениям Жандармского Управления, следившего за настроениями общества, проявлял Фуад Туктаров.¹⁴² Кроме того, в качестве такого делегата-помощника рассматривался и Садри Максуди, не попавший в Думу. Однако ни один

из них в Петроград поехать не сумел. Тем не менее, неудовлетворенность деятельностью фракции оставалась по-прежнему значительной.

Видимо эти обстоятельства вынудили Фуада Туктарова, наблюдавшего работу фракции еще во II Думе “изнутри”, говорить о темноте и невежестве и вытекающей из этого бездеятельности депутатов-мусульман. Поэтому он приходит к достаточно радикальному выводу **о бесполезности на данный момент** для мусульман наличия отдельной фракции, о необходимости депутатам-мусульманам работать вместе с общероссийскими фракциями и группами, набираться опыта парламентской, политической деятельности, что создание самостоятельной мусульманской фракции – дело отдаленного будущего.¹⁴³

§ 3. Законотворческая деятельность и работа депутатов-мусульман в думских комиссиях

Чтобы яснее понять и полнее оценить деятельность депутатов-мусульман, безусловно нужно поближе познакомиться с их законотворческой деятельностью и работой в думских комиссиях. И хотя эта работа часто была скрыта от взора общественности, о ней мало сообщалось в прессе, она очень важна, т.к. в ней заключается вся суть работы Думы. Именно деятельность комиссий превращает Думу из “трибуны демократии” в законодательный орган.

Как правило (особенно III) Дума “заседала в общих собраниях 4 дня в неделю по 5–6 часов, а все остальное время члены Думы были заняты в комиссиях”.

Так как опубликованных материалов о деятельности комиссий Думы I созыва и 3–5 сессий IV Думы нет, то анализу будет подвергнута в большей степени работа мусульман в комиссиях II–III и первых двух сессий IV Государственной Думы, т.е. в 1907–1914 гг.

Итак, во II Думе было образовано 22 комиссии и 1 совещание Президиума и ряда комиссий. В III Думе число комиссий возросло от 31 в 1-ую сессию до 45 в 5-ую сессию. И наконец, в IV Думе было образовано соответственно 32 комиссии в 1-ую и 37 – во вторую сессию.¹⁴⁴ Из них лишь 7–8 носили постоянный характер, а остальные были временными, т.е. избирались по особому постановлению

Государственной Думы для рассмотрения группы законопроектов или же отдельного вопроса.

Депутаты-мусульмане входили в ряд комиссий: во II Думе в 18, в III – в 17 и в IV – в 13 комиссий (см. табл. № 2–5). В наиболее значимых комиссиях (по вероисповедным делам, народному образованию, аграрной, рабочему вопросу, переселенческой и пр.) постоянно работали представители мусульманской фракции.

Законотворческая деятельность Думы согласно “Учреждение Государственной Думы” (Свод законов, т. I, ч. II, изд-е 1906 г.) строилась следующим образом. Законопроекты должны были вноситься либо Министрами (или Главноуправляющими), либо Государственным Советом, либо комиссиями Государственной Думы (п. 33). Законопроекты, внесенные министерствами, могли быть взяты ими обратно до тех пор, пока они не были одобрены Думой (п. 47). Члены Государственной Думы могли “возбуждать предположения об отмене или изменении действующих и издании новых законов ... за исключением Основных Государственных Законов” (п. 32), т.е. могли выступить с законодательным предположением, подписанным **не менее чем тридцатью членами Думы** (выделено мною – Д.У.) (п. 55). Затем это предположение должно было в течении определенного времени либо быть отклонено, либо внесено в Думу в виде законопроекта соответствующими министерствами, а в случае отказа министерств – специально образованной парламентской комиссией (п. 57).¹⁴⁵ Впрочем и при согласии министерства на составление соответствующего документа, Дума могла параллельно разрабатывать инициативный законопроект.¹⁴⁶ И такие прецеденты были. Таким образом, хотя преимущественные права в законотворчестве были предоставлены правительственным органам (министерствам и департаментам), а члены Думы в основном занимались рассмотрением представленных законопроектов, думская инициатива не исключалась полностью. Однако, неясность норм о законодательной инициативе создавала благоприятную почву для возможных столкновений, для двоякого решения спора о приоритетности.

Подробно проанализировав законодательную инициативу первых трех Дум и Госсовета, А.Шингарев сделал очень интересные выводы, ярко характеризующие как направление, так и результативность деятельности парламентариев в 1906–1912 гг., попутно

вскрыв подводные камни и течения, встречавшиеся на пути оппозиционных фракций.

За первые шесть лет существования российского парламента, его членами было внесено 268 законопроектов в виде законодательной инициативы: 15 законопроектов в I Думу, 44 во II и 207 в III.¹⁴⁷ Интересен характер данных законопроектов: в первой Думе большинство затрагивали основные права граждан (7 из 15) и главнейшие социальные проблемы общества (3) и пр. Характер внесенных во вторую Думу проектов был гораздо более разнообразен и первое место заняли социальные вопросы (12 из 44), хотя довольно много было и тех, что определяли гражданские права (6), затрагивали государственный строй (4) и пр. Законодательные предположения III Думы были еще более обширны и разнородны. Наибольшее внимание депутатов привлекали вопросы местного самоуправления и народного образования (30 и 26 соответственно), однако не было ни одного проекта о политических свободах. Наряду с основополагающими вопросами было много мелких и второстепенных законопроектов. Показательно, что именно последние преобладали среди обретших силу закона.

Касаясь результативности думской инициативы, А.Шингарев подчеркивал, что из внесенных депутатами первых двух Дум законопроектов ни один не стал законом,¹⁴⁸ а из 207 инициатив III Думы обрели силу закона только 34 (при том, что из них только 6 самостоятельно разрабатывались думскими комиссиями, а остальные 28 были приняты в редакции министерств). При этом, “успешность прохождения проектов обнаруживает явную и вполне естественную зависимость от политической физиономии группы, предлагавшей проект”.¹⁴⁹

Все эти обстоятельства и объективную реальность необходимо учитывать при рассмотрении итогов законотворческой деятельности депутатов-мусульман.

Прежде всего возникает вопрос, каков же был вклад мусульман в законодательную инициативу Думы? Некоторый, но далеко не полный, ответ на это дают данные, приведенные в статье А.Шингарева. В первой Думе, как известно, мусульмане не были еще организационно оформлены и блокировались с кадетами, которым принадлежит 80 % (12 из 15) внесенных инициатив. Поэтому, не выдвигаясь с самостоятельными проектами, мусульмане подписывали

кадетские законопроекты: “*Проект закона о свободе совести*”, “*Основные положения законов о гражданском равенстве*” и “*Проект закона о союзах*” (внесены соответственно 12, 15 мая и 1 июня 1906 г., среди подписавших их был лишь один мусульманин – Ш.Сыртланов); “*Заявление об изменении законов о судостроительстве и судопроизводстве*” (23 мая, А.Ахтямов); “*Проект закона о печати*” (4 июня, С.-Г.Алкин, А.-М.Топчибашев, С.-Г.Джантюрин).¹⁵⁰ Т.Эльдарханов был среди 34 депутатов-эсеров, выдвинувших “*Проект основного земельного закона*” (6 июня).¹⁵¹ Перечисленные случаи свидетельствуют о незначительной активности мусульманских депутатов: из 12 разработанных кадетами законопроектов лишь под пятью имеются подписи мусульман. Сверх того был поддержан один эсеровский проект.

Из 44 законопроектов II Думы мусульманская группа самостоятельно внесла 3 (на первом месте стояли кадеты – 15, далее следовали трудовики – 6, Польское Коло – 4 и пр.).¹⁵² Что это за проекты? А.Шингарев не дает ответа, но по словам Фуада Туктарова известны названия двух проектов: “*Об изменениях правил 31 марта 1906 г.*” (касающихся вопросов образования) и “*О превращении пятницы в выходной день*”.¹⁵³ Третий, возможно, касался переселенческой политики властей и вероятно был подготовлен С.-В.Каратаевым.

И опять мусульманские депутаты своими подписями поддерживали кадетские инициативы (6 из 15): 18 мусульман подписали “*Проект основных положений об отмене ограничений в политических и гражданских правах, связанных с вероисповеданием и национальностью*” (внесен 18 мая 1907 г., имеются подписи С.-В.Каратаева, С.Максуди, Р.Медиева, М.-С.Хасанова, Ф.Хан-Хойского, М.-Ш.Туктаева, А.Кариева, К.-М.Тевкелева, Ш.Коцегулова, А.Беремжанова, Ш.Сейфутдинова, Х.Усманова, С.Максютова, А.Нежметдинова, Х.Массагутова, Х.Атласова, Т.Эльдарханова, А.Карташева) и по одному – “*Проект закона о подготовительных учреждениях по земельным делам*” (29 мая, Б.Султанов), “*Проект изменения правил о порядке рассмотрения государственной росписи*” (2 апреля, Ш.Сыртланов), “*Проект закона об изменении порядка избрания уездных земских гласных*” (17 апреля, М.-Х.Махмудов), “*Основные положения законопроекта о нормальном отдыхе торговых служащих*” (17 апреля, С.Максудов), “*Проект главных оснований закона о земельном бес-*

печени земледельческого населения” (30 апреля, М.Шахтагинский).¹⁵⁴

В третьей Думе такие малочисленные фракции, как мусульманская, были лишены возможности действовать **самостоятельно**, и могли воспользоваться своим правом законодательной инициативы только предварительно заручившись поддержкой более крупной фракции или группы депутатов. И здесь следует признать, что члены мусульманской фракции не проявили должной активности, так как им не принадлежит **ни одной самостоятельной инициативы и они не внесли ни одного крупного предложения**. Правда, мусульмане были среди группы объединенной оппозиции (прогрессисты, кадеты, трудовики и с.-д.), выдвинувшей 13 законопроектов.¹⁵⁵

В IV Думе первенство законотворческой инициативы принадлежало уже не кадетам, а прогрессистам. Мусульманская фракция самостоятельно от своего имени не внесла ни одного проекта. Однако отдельные ее члены (например, Ибниямин Ахтямов), плюс мусульманин-прогрессист Магомет Далгат, участвовали в разработке важных для мусульманского населения законопроектов, а также в их обсуждении на заседаниях фракции и в комиссиях.

Таким образом, в качестве самостоятельной законотворческой силы, депутаты-мусульмане были не слишком активны, а потому критика в их адрес, усилившаяся особенно в период работы третьей Думы, была вполне оправдана. Конечно, учитывая недолгую судьбу первых двух и характер третьей-четвертой Дум, с точки зрения реальности воплощения в закон шансов у мусульманских проектов практически не было, как впрочем у всех проектов оппозиционных групп. Но в данном случае, наверное, более важно было продемонстрировать парламентскую состоятельность, умение облекать свои требования в конкретную форму законодательного акта и талант находить союзников в непростых условиях.

Чем объясняется столь неудовлетворительная, прежде всего с точки зрения мусульманской общественности, малопродуктивность депутатов-мусульман в деле инициирования столь нужных мусульманам законов? Оставляя в стороне объективные причины, как то характер Думы и отсутствие навыка парламентской работы у депутатов-мусульман, дефицит подготовленных специалистов и пр., следует остановиться на следующем моменте. Пассивность депутатов-мусульман отчасти объясняется их доверчивостью и некоторой по-

литической инфантильностью. В качестве примера можно взять факты, приведенные Гайсой Еникеевым при описании хода обсуждения в комиссиях и Думе законопроекта о всеобщем начальном образовании, когда игнорировались пожелания национальных депутатов, прежде всего мусульман и поляков (например, о составлении отдельного законопроекта о “начальной нерусской школе”), последние вводились в заблуждение и теряли время в ожидании министерских проектов и пр.¹⁵⁶ Аналогичная ситуация была и с проектом реформирования ОДС. Эта политическая наивность, вера в правительственные обещания или же неискушенность в процедурных мелочах, на деле оборачивались для мусульман упущенными возможностями и потерянным временем.

Если же принять во внимание, что пассивность депутатов-мусульман в качестве **инициаторов** законопроектов отчасти объясняется их политической неискушенностью, то возникает вопрос о том, какова была их роль и позиция при обсуждении министерских законопроектов?

Среди вопросов, обсуждавшихся в Государственной Думе, именно для мусульман наиболее важными пожалуй были религиозное законодательство, проблемы народного образования, переселенческая политика и положение национальных окраин и, наконец, вопрос о праздничных днях. И при рассмотрении этих вопросов в комиссиях и особенно при обсуждении в общем собрании Думы мы видим большую активность и главное единство членов мусульманской фракции.

Например при обсуждении законопроекта “*О нормальном отдыхе торговых служащих*” наиболее спорным пунктом стал вопрос о воскресном и праздничном отдыхе, т.к. он осложнялся “сталкивающимися в нем интересами экономическими и вероисповедными”.¹⁵⁷ Когда Дума отклонила поправку кадетов (194 против 101), предложивших для мусульман и евреев вместо воскресенья выходным днем сделать соответственно пятницу и субботу, члены мусульманской фракции в знак протеста покинули зал заседания.¹⁵⁸ Однако этот протест остался без какого-либо внимания. Более того, когда к концу обсуждения данного законопроекта в третьей Думе (в начале четвертой сессии, осенью-зимой 1911 г.) правительство было согласно пойти на уступку и через октябристов предложило поправку, предоставлявшую установление дней отдыха органам местного само-

управления с учетом местных религиозных и прочих традиций, большинство Думы (объединившиеся правые и левые, за исключением центра) отклонило ее. Но даже такая умеренность не помогла: законопроект застрял в верхней палате и был принят правительством по ст. 87 в виду его “спешности”.¹⁵⁹

Члены мусульманской фракции действовали как единомышленники и при обсуждении такой весьма болезненной проблемы, как переселенческая политика правительства. Известны ряд выступлений членов фракции Садри Максуди, Ибрагимбека Гайдарова и др., против подобных мероприятий властей, вызывающих постоянное недовольство окраинных народов, особенно казахов.¹⁶⁰ По некоторым сведениям фракция подготовили два законопроекта – “о местном самоуправлении на Кавказе” и “о положении казахских земель” (автором последнего является видимо Султан-Вахид Каратаев)¹⁶¹ – которые однако так и остались непредставленными. Кроме того, члены фракции Ибрагимбек Гайдаров, Халилбек Хас-Мамедов, Садри Максуди и другие были инициаторами ряда запросов против злоупотреблений властей на Кавказе.¹⁶²

В ряде вопросов члены мусульманской фракции действовали в союзе с представителями других национальных групп, прежде всего с Польским Коло, что наиболее ярко проявилось при обсуждении законопроекта “О введении всеобщего начального обучения в Российской империи”.¹⁶³ Именно объединенные и настойчивые усилия членов национальных групп привели к принятию Думой законопроекта, признающего для 9 народностей России (в том числе и татарского) родной язык в качестве основного языка преподавания в начальной школе.¹⁶⁴

Если же говорить об изменениях в религиозном законодательстве, что составляло важную часть деятельности Государственной Думы и отношение к этому процессу членов мусульманской фракции, то этому вопросу будет посвящена третья глава данного исследования.

Кроме защиты как бы сугубо “мусульманских интересов”, представители фракции достаточно активно работали и над другими проблемами. В качестве примера можно привести деятельность мусульман в III Думе, которая имеет наилучшую из всех Дум опубликованную источниковую базу.

В III Думу всего было избрано 10 мусульман, из которых 9 вошли в мусульманскую фракцию¹⁶⁵ и из общего числа депутатов Думы они составляли 2,03%.¹⁶⁶ Из 487 депутатов, проработавших в III Думе (так как некоторые депутаты умирали или отказывались от своего звания, на их место избирались новые, поэтому общее число депутатов превышает единовременный показатель – 442), с трибуны ни разу не выступило 93 члена Думы, в том числе 1 представитель мусульманской фракции. В то же время максимальное число выступлений приходится на депутата из правой фракции, поднимавшегося на трибуну 374 раза.¹⁶⁷ Таким образом, за исключением одного, почти все депутаты-мусульмане выступали с трибуны по различным вопросам, как правило с изложением или защитой позиции фракции.

С докладами, т.е. когда докладчик представлял общему собранию одобренный комиссией законопроект, из 9 членов мусульманской фракции выступали 3 человека.¹⁶⁸ Этими тремя докладчиками¹⁶⁹ – Галиаскаром Сыртлановым, являвшимся заместителем секретаря комитета по государственной обороне, Садри Максуди, выступавшего от имени комиссии по направлению законодательных предложений, и Ибрагимом Гайдаровым, видимо как представителем бюджетной комиссии,¹⁷⁰ – было представлено 10 дел (законопроекта или его части).¹⁷¹ Кроме того, представители фракции нередко выступали с трибуны при обсуждении различных вопросов. В этом качестве выступили восемь из девяти членов фракции. Наиболее активными были Садри Максуди, Гайса Еникеев, Галиаскар Сыртланов, Кутлуг-Мухаммед Тевкелев, Ибрагим Гайдаров и пр.

Надо отметить, что члены мусульманской фракции были достаточно дисциплинированы. За время работы третьей Думы ими было пропущено 92 заседания, причем почти все по уважительной причине (в среднем по 10 заседаний на одного человека, тогда как в целом по Думе на одного депутата приходилось 15,5 заседаний-пропусков: 441 членами Думы было пропущено 6859 заседаний).

Примечания.

1. Витенберг Б.М. Государственная Дума / Энциклопедический словарь, т. 1, с. 611.
2. Витенберг Б.М. Государственная Дума..., с. 611.
3. В течении работы этой Думы было внесено 32 законопроекта – половина правительственных и половина депутатских. Из них большая часть осталась без дви-

жения, т.е. даже не были переданы на рассмотрение комиссий. Часть находились в работе. К моменту роспуска Думы ею было принято всего лишь два законопроекта – один депутатский об отмене смертной казни и другой правительственный об ассигновании средств для пострадавших от неурожая. См.: *Демин В.А. Государственная Дума России...*, с. 49–50.

4. *Витенберг Б.М.* Государственная Дума..., с. 611.

5. *Витенберг Б.М.* Государственная Дума..., с. 611.

6. *Винавер М.Н.* Выборгское воззвание. Воспоминания. Пг., 1917, 47 с.

7. *Винавер М.Н.* Выборгское воззвание..., с. 31–32. (“Холодом повеяло в зале, по лицам пробежала горькая улыбка не то разочарования, не то пренебрежения.”) Однако, этот стратегически верный ход польских депутатов, тем не менее, видимо, вызвал нарекания избирателей: выставившие свои кандидатуры во вторую Думу поляки-перводумцы вынуждены были оправдываться за свой отказ подписать воззвание. См.: *Погодин А.Л.* Письма из Польши // Русская мысль, 1908, № 6, с. 99.

8. Цит. по: *Изгоев А.С.* “Ликвидация” // Русская мысль, 1908, № 1, с. 135.

9. М.Н.Винавер вспоминал позднее, что точное число подписавших “Воззвание” установить сложно, так как оригинал текста был практически сразу же спрятан и опоздавшие подписывались на дополнительных листах или даже на отпечатанных бланках. Поэтому среди привлеченных к суду были достаточно случайные люди, в то же время некоторые избежали этого суда. См.: *Винавер М.Н.* Выборгское воззвание..., с. 37–38.

10. Газета “Бяенелхак” описывала настроения осужденных следующими словами: “Виновные не отступили от своих убеждений и сказали, что пойдут в тюрьму с сознанием исполненного долга”. См.: *Бяенелхак*, 1907, № 261, 23 декабря.

11. См. например: *Мокринский С.* Применимость 129 ст. угол. уложения к составлению выборгского возвания // *Право*, 1906, № 40, 8 октября, с. 3071–3076; *Проф. А.А.Жижиденко* Выборгское воззвание и статьи 129 и 132 угол. ул. // *Право*, 1906, № 39, 1 октября, с. 2990–2997. Вывод последнего был однозначен: “... составление Выборгского возвания не может подлежать рассмотрению наших судов, так как деятельность виновных в данном случае произошла не в пределах империи, но вместе с тем деяние это не может быть судимо и в Финляндии, так как оно не является запрещенным по местным законам”. Видимо именно этот нюанс и хотели использовать инициаторы собрания в Выборге. Однако они не рассчитали, что в России политические процессы заканчиваются почти всегда однозначно по усмотрению их организаторов: обвиняемые были привлечены не за составление, а за **распространение** этого возвания. И хотя большинство из обвиняемых не созналось в этом деянии, почти все они были осуждены.

12. См. например: *Изгоев А.С.*, “Ликвидация” ..., с. 119–142.

13. *Винавер М.Н.* Выборгское воззвание..., с. 16. Интересно, что сам А.Ахтямов на суде дал достаточно уклончивый ответ о степени своей вины: “не давая прямого ответа на вопрос о том, подписал ли он Воззвание в Выборге, заявил что в пределах Российской империи он никакого возвания не подписывал, что подлинного он в бытность своего в Выборге не подписывал, так что подписи его под подлинным текстом не может быть, но что в бытность его в Выборге никто из бывших членов Думы не отрицал своего участия в совещании путем отказа подписать какой-либо документ”. Возможно эта уклончивость и возможность различных трактовок по-

зиция А.Ахтямова позволила ему избежать судебного наказания. См.: *Выборгский процесс...*, с. 17.

14. Власти, в лице уфимского губернатора, попытались “наказать” А.Ахтямова, потребовав от уфимского окружного суда исключить последнего из состава присяжных поверенных еще до суда. Но это требование губернатора было оставлено советом присяжных поверенных казанского судебного округа без последствий, как незаконное (“...ни факт участия присяжного поверенного Ахтямова..., ни степень его вины в сем преступлении ничем пока не доказаны...”). См.: *Право*, 1906, № 42, 22 октября, с. 3262 и № 43, 29 октября, с. 3356–3359.

15. А.Букейханов в Семишлатинской, А.-М.Топчибашев – в Выборгской. См.: *Алисов Г.* Мусульманский вопрос в России... с. 34.

16. *Право*, 1906, № 42, 22 октября, с. 3261.

17. *Усал М.-Ф.* Беренче, икенче вә өченче Думада..., с. 96.

18. *НА РТ*, Ф. 1, оп. 4, д. 2673, л. 21–22.

19. Цит. по: *Шингарев А.* Новая Дума и старые думы (впечатления и размышления депутата) // *Русская мысль*, 1908, № 2, 137 с.

20. *Усал М.-Ф.* Беренче, икенче вә өченче Думада..., с. 92.

21. Первая Государственная Дума. Алфавитный список и подробные биографии и характеристики членов Государственной думы. М., 1906; Первая Российская Государственная Дума. Литературно-художественное издание под ред. Н.Пружанского. СПб., 1906, 156 с.

22. У них были те же адвокаты, что защищали кадетов. См.: *Выборгский процесс...*, 263 с.

23. См.: *Алисов Г.* Мусульманский вопрос в России... с. 46.

24. *Кизеветтер А.* Вторая Государственная Дума // *Русская мысль*, 1907, № 7, с. 146.

25. *Маклаков В.А.* Вторая Государственная Дума..., с. 254.

26. *Обнинский В.* Члены Государственной Думы..., с. 39–40, 65.

27. Государственная Дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия вторая. Том I, с. 346–348. (Далее – П ГД. Стенографические отчеты...)

28. Данные списка, составленного распорядительной комиссией Думы. См.: *Вестник Европы*, 1907, № 6, с. 853.

29. По не подтвержденным сведениям Гаяза Исхаки, в эту группу входило девять человек. См.: *Яца милли юл*, февраль 1939, № 2 (129), 12 б.

30. Некоторые члены ЦК “Мусульманского Союза” в то время жили в СПб. и имели возможность работать во фракции: Али-Мардан бек Топчибашев, Саид-Гирей Алкин и др. Кроме того, Садри Максуди, избранный в ЦК, был депутатом Думы.

31. *Усал М.-Ф.* Беренче, икенче вә өченче Думада..., с. 54. Правда Зейнала Зейналова можно лишь условно называть рабочим. С этого начиналась его трудовая деятельность.

32. Позднее Гаяз Исхаки писал, что во время выборов во вторую Думу татарские социал-революционеры (“тангисты”) приняли решение о выдвижении своих представителей. Так по Чистопольскому уезду Казанской губернии ими стали сам Гаяз Исхаки и Фуад Туктаров. Однако благодаря усилиям правительственных органов оба даже не были допущены ко второму кругу выборов – Гаяз Исхаки был

арестован и обвинен в 129 статье, лишившей обвиняемого избирательных прав, а его товарищ был отстранен по каким-то формальным признакам. Поэтому позднее Фуад Туктаров был специально делегирован “тангистами” в СПб. для участия в организации особой группы. См.: Яңа милли юл, февраль 1939, № 2 (129), 12 б.

33. Усал М.-Ф. Беренче, икенче вә өченче Думада..., с. 59–60.

34. Гаяз Исхаки редактором этой газеты называет все того же Фуада Туктарова. См.: Яңа милли юл, № 2, 12 б.

35. Усал М.-Ф. Беренче, икенче вә өченче Думада..., с. 59.

36. Усал М.-Ф. Беренче, икенче вә өченче Думада..., с. 62.

37. Яңа милли юл, № 2 (129), 12 б. Кроме этого источника, больше нигде мы не встречаем подобной информации.

38. Алисов Г. Мусульманский вопрос в России..., с. 39.

39. Усал М.-Ф. Беренче, икенче вә өченче Думада..., 52, 216–227 бб.

40. Усал М.-Ф. Беренче, икенче вә өченче Думада..., 52 б.

41. II ГД. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия вторая. Том II, с. 1144.

42. II ГД. Стенографические отчеты. 1907 г. Том II, с. 611–614.

43. II ГД. Стенографические отчеты. 1907 г. Том II, с. 829.

44. II ГД. Стенографические отчеты. 1907 г. Том II, с. 830, 1138–1143.

45. II ГД. Стенографические отчеты. 1907 г. Том I. и II. СПб., 1907. Таким образом, из 37 депутатов-мусульман с трибуны выступали 12 человек, то есть каждый третий. Преобладали депутаты с Кавказа.

46. Усал М.-Ф. Беренче, икенче вә өченче Думада..., с. 62–63.

47. Витенберг Б.М. Государственная Дума..., с. 613.

48. Витенберг Б.М. Государственная Дума..., с. 613.

49. Витенберг Б.М. Государственная Дума..., с. 612.

50. Бөянешак, 1907, № 250, 27 ноября.

51. Вестник Европы, 1907, № 12, декабрь, с. 808.

52. Бөянешак, 1908, № 278, 7 февраля.

53. Бөянешак, 1907, № 224, 25 сентября.

54. Обинский В. Члены Государственной Думы..., с.57.

55. В №№ 637–639 (8–13 июля 1910 г.) газеты “Бөянешак” была помещена большая статья члена комиссии по народному образованию Гайса Еникеев о ходе обсуждения проекта о начальном образовании в этой комиссии, которое было начато в ноябре 1907 г. и завершилось только весной 1910 г. Автор статьи подробно описал деятельность членов комиссии и те споры, что сопровождали обсуждение проекта, особенно при вопросе о языке обучения. В № 681 (28 октября 1910 г.) этой же газеты было изложено содержание речей Гайсы Еникеева и Садри Максуди при обсуждении вопроса о начальном образовании на заседании Думы 23 октября 1910 г. (их настойчивость и аргументы при включении пунктов о родном языке обучения). Это обсуждение в Думе растянулось на несколько дней (29 октября и 2 ноября) и его ход подробно освещался газетой (№ 683, 2 ноября; № 684, 4 ноября). И наконец, в № 693 (25 ноября) 1910 г. – телеграмма, присланная в редакции татарских газет Гайсой Еникеевым и Садри Максуди, о завершении обсуждения законопроекта о начальном образовании, с радостной новостью, что родной язык все же был введен в начальную 4-х классную школу для девяти “письменных” народов

России (в том числе и татарского). Но это законопроект так и не обрел силу закона.

56. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографический отчет. 1912 г. Сессия пятая. Часть III. Заседания 84–119 (с 5 марта по 28 апреля 1912 г.). СПб., 1912, с. 976–996. (Далее – III ГД. Стенографический отчет...) Речь была произнесена 13 марта 1912 г. Тогда же это выступление Садри Максуди было переведено на татарский язык и опубликовано в ряде татарских изданий: “Йолдыз” (№ 809–812, 22–29 марта 1912 г.) и “Вақыт” в апреле 1912 г. (№ 955). В настоящее время это выступление было переиздано дважды. На русском языке (из стенографического отчета) в газете “Казанские края” №№ 6–8, март-апрель 1993 г. и татарский вариант в журнале “Мирас” 1994, № 3, с. 59–66.

57. Алисов Г. Мусульманский вопрос в России... с. 60.

58. Казан мөхбире, 1908, № 268, 25 февраля.

59. Алисов Г. Мусульманский вопрос в России... с. 48.

60. Милләт, 1914, № 2, 20 февраля.

61. Витенберг Б.М. Государственная Дума..., с. 613.

62. Ольшанский Н.Н. (ред.) Четвертая Государственная Дума...

63. Витенберг Б.М. Государственная Дума..., с. 613.

64. А.С.Изгоев определял место мусульманской фракции между октябристами и прогрессистами, т.е. такое же как и в предыдущей третьей Думе. См.: Изгоев А.С. Первые шаги IV Государственной Думы // Русская мысль, 1913, № 1, январь, с. 6–7.

65. В казанской газете “Кояш” была опубликована статья члена фракции Мамед-Юсуфа Джафарова под названием “Прогрессивный блок и мусульманская фракция” с обоснованием подобной тактики. См.: Кояш, 1915, № 861, 3 декабря.

66. Милләт, 1914, № 2, 20 февраля.

67. Милләт, 1914, № 7, 4 апреля, с. 2–3.

68. Милләт, 1914, № 8, 14 апреля, с. 3–4.

69. Милләт, 1914, № 17, 25 ноября, с. 6.

70. Милләт, 1914, № 8, 14 апреля, с. 2–3.

71. По некоторым данным, в первую сессию IV Думы (1912–1913 гг.) аналогичный законопроект был разработан и членами мусульманской фракции, но так как союзники мусульман – кадеты – отказались его подписывать, законопроект остался не внесенным в Думу. См.: Милләт, 1914, № 15, 20 октября, с. 7.

72. Подобную позицию высказал на заседании фракции докладчик по вопросу Гайса Еникеев. См.: Милләт, 1914, № 8, 14 апреля, с. 3.

73. Милләт, 1914, № 8, 14 апреля, с. 5.

74. Милләт, 1914, № 15, 20 октября, с. 7.

75. Милләт, 1914, № 16, 3 ноября, с. 6–7.

76. Милләт, 1914, № 13, 21 августа, с. 4–5.

77. ГД. Справочник. Вып. 6, IV созыв, I сессия, СПб., 1913. Если же говорить о Думе в целом, то за более чем десятилетний срок ее существования, всего лишь 8 человек были избраны 4 раза, то есть являлись депутатами Думы всех четырех созывов. Из них трое представляли Польшу (Я.С.Гарусевич, А.И.Парчевский и В.Ф.Яронский), трое – юг России, преимущественно казачество (К.Л.Бардиж, А.К.Демьянович и В.А.Харламов), один – столицу, Санкт-Петербург – (Ф.И.Родичев) и один – мусульманское население страны

78. Подробный анализ избирательного закона и действий властей в период первой избирательной кампании сделан в работе С.М.Сидельникова: Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962.

79. Текст Манифеста 3-го июня откровенно говорил об этом: “Государственная Дума должна быть русскою и по духу. Иные народности, входящие в состав Державы Нашей, должны иметь в Государственной Думе представителей нужд своих, но не должны и не будут являться в числе, дающем им возможность быть вершителями вопросов чисто-русских.”

80. Примечательно, что Гаяз Исхаки был арестован и обвинен по 129 статье угол. улож. (как и позднее “выборжцы”), что лишило его какой-либо возможности быть избранным в Думу. См.: Яңа милли юл, 1939, № 2 (129), 12 б.

81. Он был арестован 5 марта и вскоре выпущен. См.: Хроника // Право, 1906, № 11, 19 марта, с. 1082; *Айда А. Садри Максуди Арсал...*, с. 53.

82. Яңа милли юл, 1939, № 2 (129), февраль, 12 б.

83. Хроника // Право, 1906, № 46, 10 декабря, с. 3890.

84. *Я.Г.Выборы // Ежегодник газеты “Речь” на 1913 г.*, с. 200. Дочь политика и автор его биографии Адиля Айда утверждает, что избранию Садри Максуди в IV Думу помешали махровые реакционеры и русские шовинисты (с. 81).

85. *Я.Г.Выборы / Ежегодник газеты “Речь” на 1913 г.*, с. 238.

86. *Селунская Н.Б.*,... Становление Российского парламентаризма..., с. 62, 69. Аналогичный случай описан также, например, в статье С.М.Исхакова, на основе воспоминаний члена ЦК кадетской партии кн. В.А.Оболенского об причинах успеха на выборах в I Думу. См.: *Исхаков С.М. Общероссийская партия мусульман...*, с. 220.

87. Из выступления крайне правого депутата III Думы Машкевича. См.: Вестник Европы, 1907, № 12, с. 811.

88. *Линд В.*, Законодательство и жизнь. // Русская мысль, 1907, № 9, с. 195.

89. *Изгоев А.С.*, Общественное движение в России (заметки публициста) // Русская мысль, 1907, № 4, с. 206.

90. Первый месяц государственной думы / *Миллюков П.Н.* Вторая Дума, с. 195.

91. По словам того же П.Миллюкова, часть членов мусульманской фракции формально входили и в кадетскую фракцию. См.: Отчет о деятельности парламентской фракции партии народной свободы во второй государственной думе. / *Миллюков П.Н.* Вторая Дума, с. 281. Однако, скорее это было не официальное членство, а неформальные, личные контакты отдельных депутатов (С.Максуди и др.).

92. *Усал М.-Ф.* Беренче, икенче вә өченче Думада..., с. 187.

93. Русская мысль, 1910, № 1, Библиографический отдел, с. 19.

94. *Каттелер А.*, Россия – многонациональная империя..., с. 281.

95. *Козбаненко В.А.* Партийные фракции ..., с. 69. Он опирается на данные более ранних диссертационных работ Сидельникова и Фурмана.

96. *Alfred J. G.*, The Polish Kolo..., p. 96.

97. *Козбаненко В.А.* Партийные фракции ..., с. 69 (по подсчетам Н.А.Бородина Государственная Дума в цифрах. СПб., 1906).

98. *Alfred J. G.*, The Polish Kolo..., p. 97.

99. Янус Г. Альфред среди создателей союза упоминает также Людвиг Куличко и Бодуна де Куртене. Однако среди полного списка депутатов Думы такие фамилии отсутствуют. См.: *Alfred J. G.*, The Polish Kolo..., p. 96.

100. Я.Г.Альфред называет датой создания союза 24 мая 1906 г. См.: *Alfred J. G.*, The Polish Kolo..., p. 97. Однако это противоречит фактам. Например, уже 13 мая лидер кадетов П.Н.Миллюков опубликовал в газете “Речь” статью-отклик на новость об образовании фракции автономистов. См.: *Миллюков П.* Фракция автономистов. / Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб., 1907, с. 389–392.

101. *Козбаненко В.А.* Партийные фракции ..., с. 69–70.

102. *Alfred J. G.*, The Polish Kolo..., p. 85.

103. *Alfred J. G.*, The Polish Kolo..., p. 97.

104. *Миллюков П.* Фракция автономистов..., с. 389–392.

105. Основным принципом, на котором базировался Устав, было требование политического единства польских депутатов в Думе. Поэтому Устав запрещал членам Коло вести переговоры с другими фракциями или одновременно быть членами других парламентских групп. См.: *Alfred J. G.*, The Polish Kolo..., p. 73–74.

106. *Alfred J. G.*, The Polish Kolo..., p. 85, 98–99.

107. *Козбаненко В.А.* Партийные фракции ..., с. 69 (по подсчетам Н.А.Бородин).

108. *Усал М.-Ф.* Беренче, икенче вә өченче Думада..., 114 б.

109. Цит. по: *Изгоев А.С.* Общественное движение в России // Русская мысль, 1907, № 5, с. 129.

110. *Alfred J. G.*, The Polish Kolo..., p. 63–64. Надо сказать, что подобную вынужденную лояльность в Холмском вопросе поляки намеревались обменять на удовлетворение своей школьной программы.

111. *Изгоев А.С.* Общественное движение в России..., с. 130.

112. *Усал М.-Ф.* Беренче, икенче вә өченче Думада..., с. 55.

113. Вероятно этот показатель соответствовал среднему показателю по Думе в целом. Так в III Думе из общего числа депутатов (487) приблизительно 75 % (364) имели высшее и среднее образование. См.: Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. 1907–1912 гг. Часть первая. Общие сведения, с. 8–9. Приведенные в другом источнике данные об образовательном уровне депутатов третьей Думы (на 15 декабря 1911 г.) близки к указанным выше: до 48 % с высшем, около 26 % со средним и 26 % имели домашнее и низшее образование. См.: *Герасимов П.*, Личный состав Государственной Думы / Ежегодник газеты “Речь” на 1912 год. СПб., 1911, с. 127.

114. *Smith C. Jay*, The Russian Third State Duma..., p. 205–206.

115. Ст. 111 Штата (регламента) Государственной Думы не разрешала прочтение речей. И хотя некоторые мусульмане (Ш.Махмудов) предлагали предоставить такую возможность нерусским депутатам, большинство Думы не согласилось. См.: П ГД, Стенографические отчеты. 1907 г. Том II, с. 402–403. Плохое или недостаточное знание определенной частью депутатов-мусульман русского языка позволяло русским публицистам говорить о слабости мусульман интеллектуальными силами и незаметной роли их в Думе. См.: Из общественной хроники // Вестник Европы, 1907, № 6, с.857.

116. Бөянешлак, 1908, № 307, 15 апреля. В этой статье Саид-Гирей Алкин привел в качестве примера случаи, когда не-депутат Али-Мардан Топчибаев был вынужден писать для многих ораторов во II и III Думе тексты их выступлений. Аналогичный случай описал в своей брошюре и Фуад Туктаров, когда он по просьбе депутата Джамалетдина Курамшина сочинил для последнего речь, так и оставшуюся неозвученной. См. *Усал М.-Ф.* Беренче, икенче вө өченче Думада..., с. 120–121.
117. Бөянешлак, 1908, 15 апреля, № 307.
118. Бөянешлак, 1909, 13 января, № 418.
119. В татарских газетах нередко встречались подобные оценки сложившейся ситуации: русская печать по прежнему не может изменить своего отношения к мусульманской прессе, мусульманскому миру и смотрит на нее глазами правительства. См.: Бөянешлак, 1910, № 586, 7 марта; № 598, 8 апреля и пр.
120. Наиболее яркий пример подобного несоответствия внимания к отдельным “инородческим” проблемам – в публикациях на страницах кадетского органа, газеты “Речь”, принадлежащих перу лидера партии и ее фракции во II–IV Думах П.Н.Милокову. См.: *Милоков П.Н.* Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб., 1907, 550 с.; *Он же*, Вторая Дума. Публицистическая хроника 1907 г. СПб., 1908, 302 с.
121. *Изгоев А.С.* Национальные и религиозные вопросы в современной России / Русская мысль, 1908, № 5, с. 122–137.
122. Цит. по: *Изгоев А.С.* Национальные и религиозные вопросы..., с. 134.
123. Цит. по: *Изгоев А.С.* Общественное движение в России... // Русская мысль, 1907, № 4, с. 206.
124. *Алисов Г.* Мусульманский вопрос в России..., с. 28–61.
125. Бөянешлак, 1907, № 204, 9 августа.
126. Здесь речь пойдет лишь о татарской прессе.
127. ГД. Справочник. Вып. 1, 1909, III созыв, II сессия, с. 160; Вып. 6, 1913, IV созыв, I сессия, с. 290. Судя по заметкам журналиста Александра Цитрона, некий редактор татарской газеты наблюдал работу первой Думы. Но, к сожалению журналист не назвал имени этого редактора, поэтому можно предположить, что им был также Г.Баязитов. См.: *Цитрон А.* 72 дня первого русского парламента. СПб., 1906, с. 9.
128. Всего было отведено 47 мест для российских и 23 места для иностранных журналистов, из них только одно досталось татарскому изданию. Места распределялись Главным управлением по делам печати (ГУП), причем билет выдавался на год и мог быть отобран по усмотрению ГУП. См.: *Линд В.*, Законодательство и жизнь // Русская мысль, 1907, № 11, с. 164.
129. *Линд В.*, Законодательство и жизнь, ... с. 164; *Вергежеский А.*, Третья Дума / Русская мысль, 1908, № 1, с. 176–183.
130. Одними из наиболее интересных подобных журналистских записок этого периода являются, на мой взгляд, письма Ал. Цитрона. См.: *Цитрон А.* 103 дня Второй Думы. СПб., 1907, 188 с. (арест снят в 1910 г.); *Он же*, 72 дня первого русского парламента. СПб., 1906, 167 с.
131. *Тверской П.А.* К историческим материалам о покойном П.А.Столыпине // Вестник Европы, 1912, № 4, с. 198–199.
132. Бөянешлак, 1907, № 144, 22 марта.
133. Бөянешлак, 1907, № 148, 2 апреля; № 149, 3 апреля; № 152, 10 апреля; № 154, 15 апреля и пр.
134. Бөянешлак, 1907, № 261, 23 декабря. В этом номере был помещен отчет Гайсы Еникеева о 1,5-месячной работе новой Думы.
135. Исхак Бикчурин умер 20 апреля 1913 г. (см. “Хокук вө хаят”, 1913, № 6, 30 апреля). После Февральской революции, когда стали доступны жандармские архивы, выяснилось, что он был одновременно и тайным агентом.
136. Например, в газете “Йолдыз” статьи Садри Максуди “Блок и наша фракция” (№ 1543, 1915, 29 октября), “Самые важные наши национальные дела” (№ 1553, 1915, 19 ноября) и пр.; в газете “Кояш” анонимное “Положение мусульманской фракции” (№ 48, 1913, 13 февраля), “Петроградские письма” (№ 859, 1915, 1 декабря) и пр.
137. Мөселман фракциясенә матди ярдәм бирмөк мөс’әләсе // Икътисад, 1909, № 10, 5 июля, с. 319.
138. Икътисад, 1910, № 12, декабрь, с. 376.
139. См. например: ЦГИА РФ, Ф. 776, оп. 21, ч. I, 1916 г., д. 123, ч. I, “Отчет по периодической печати за 1915 г.”, 173 л. и пр.
140. Каталог газет, журналов и периодических изданий, получаемых библиотекой Государственной Думы в 1911 г. СПб., 1911, 68 с.; Каталог ... в 1912 г. СПб., 1912, 42 с.; Каталог ... в 1913 г. СПб., 1913, 44 с.; Каталог ... в 1914 г. СПб., 1914, 46 с.
141. Милләт, 1914, № 8, 14 апреля.
142. НА РТ, Ф. 1, оп. 6, д. 1299, л. 1, 4.
143. *Усал М.-Ф.* Беренче, икенче вө өченче Думада..., с. 55.
144. Государственная Дума. Созыв второй. Обзор деятельности комиссий и отделов. СПб., 1907; Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. 1907–1912 гг. Часть первая. Общие сведения. СПб., 1912; Государственная Дума. Созыв четвертый. Обзор деятельности комиссий и отделов. Сессия I, СПб., 1913; сессия II, СПб., 1914.
145. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. Сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. Изд-е 3-е... Под ред. пр.-доц. Н.И.Лазаревского. СПб., 1909. Приложение IV. “Учреждение Государственной Думы”.
146. Подробный анализ соответствующих статей наказа, а также практическое их воплощение был сделан кадетом А.Шингаревым. См.: *Шингарев А.* Законодательная инициатива членов Государственной Думы и Государственного Совета // Русская мысль, 1912, № 9, с. 1–25; № 10, с. 93–122.
147. *Шингарев А.* Законодательная инициатива..., № 9, с. 19.
148. Если быть точнее, только одна инициатива членов второй Думы воплотилась в жизнь, да и то в сильно измененном виде и после ее роспуска. См.: *Шингарев А.* Законодательная инициатива..., № 9, с. 25.
149. *Шингарев А.* Законодательная инициатива..., № 10, с. 109, 117.
150. Законодательные проекты и предположения ..., с. 2–3, 8, 28, 243.
151. *Езерский Н.* Государственная Дума первого созыва..., Приложение, с. 176, 184. В.А.Козбаненко называет этот документ “проектом 33-х”. См. подробнее о данном проекте: Козбаненко В.А. Партийные фракции..., с. 196–200.

152. *Шингарев А.* Законодательная инициатива..., № 9, с. 22.
153. *Усал М.-Ф.* Беренче, икенче во оченче Думада..., 52 б.
154. Законодательные проекты и предположения ..., с. 5–6, 117, 175, 304, 315, 333.
155. *Шингарев А.* Законодательная инициатива..., № 10, с. 94, 97, 100.
156. Бөянешлак, 1910, № 637, 8 июля, № 639, 13 июля.
157. Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. 1907–1912 гг. Часть вторая. Законодательная деятельность, с. 380.
158. Бөянешлак, 1910, № 610, 6 мая.
159. Милләт, 1914, № 4, 6 марта, с.3–4
160. О выступлениях Садри Максуди с протестом против переселенческой политики см. *Ayda Adile, Sadri Maksudi Arsal...*, с. 65, 290.
161. Бөянешлак, 1908, № 304, 8 апреля.
162. Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. 1907–1912 гг. Часть первая. Общие сведения, с. 191–193; Приложение 15а, 17а.
163. Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. 1907–1912 гг. Часть вторая. Законодательная деятельность, с. 423–426.
164. Однако этот законопроект был отклонен Государственным Советом в заседании 5 июня 1912 г. и таким образом он не принял силу закона. Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. 1907–1912 гг. Часть вторая. Законодательная деятельность., с. 426.
165. Здесь не учитывается деятельность И.Муфтий-Заде, являвшегося членом фракции октябристов.
166. Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. 1907–1912 гг. Часть первая. Общие сведения. Приложение 4 а, с. 98–99.
167. Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. Часть первая. Общие сведения, с. 11.
168. Если сравнить с представителями двух других национальных групп – Польское Коло (11 человек) и польско-белорусско-литовская группа (7) – результаты несколько более скромные, но в целом близкие. Из 18 членов этих двух групп с докладами выступали 4 человека и всего ими сделано 85 представлений (в среднем 21 на одного человека, в то время как у мусульман – по три на каждого). Весьма активными были члены фракции октябристов, представившими 1882 доклада или в среднем по 20 на одного депутата. Максимальное число выступлений приходится на одного депутата из этой фракции – 171 раз. См.: Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. 1907–1912 гг. Часть первая. Общие сведения, с. 11–12.
169. Опять-таки за исключением октябриста И.Муфтий-Заде.
170. *Обнинский В.* Члены Государственной Думы ..., с. 57, 65, 72.
171. Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. Часть первая. Общие сведения, с. 12.

ГЛАВА III ПРОБЛЕМА “СВОБОДЫ СОВЕСТИ” И УЧАСТИЕ ДЕПУТАТОВ-МУСУЛЬМАН В РАЗРАБОТКЕ ВЕРОИСПОВЕДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ (1906–1917 ГГ.)

Закон выше личности...

Одним из широко обсуждавшихся в начале XX в. насущных вопросов обновления России был вопрос о религиозной (вероисповедной) терпимости и свободе совести (религиозной свободе). По вполне понятным причинам, именно либеральная оппозиция была наиболее активна и внесла значительный вклад в теоретическую и практическую разработку данной проблемы. Правда многие писавшие на эти проблемы специалисты признавали сложность, спорность религиозных принципов и понятий и недостаточную разработанность их в литературе.¹

Как же в обширной правовой литературе (т.е. литературе, рассматривающей данные категории как юридический принцип) и публицистике того времени трактовались понятия **веротерпимость, свобода совести и религиозная свобода?**

Франческо Руффини, о значительном влиянии исследований которого на российскую литературу предмета было сказано, в своей работе “Религиозная свобода” проводит четкую грань между данными понятиями: веротерпимость (или просто терпимость) является первой стадией в развитии идеи религиозной свободы и была господствующей в общественном сознании до середины XIX в. И хотя терпимость имеет с истинной религиозной свободой одну общую цель, однако она не заменяет последнюю, поскольку по сути есть всего лишь “милостивая уступка Государства гражданину”, тогда как свобода – “право гражданина к Государству”.² И в этом их принципиальное различие.

Ф.Руффини также выделяет в понятии **религиозная свобода** два наиболее важных аспекта – собственно свободу совести (или свободу веры или исповедания) отдельного индивидуума и свободу культа (или свободу совести ассоциации), являющейся внешним выражением первой свободы.³

Среди российских авторов можно встретить достаточно много ученых, как разделявших точку зрения Ф.Руффини, так и несколько отдалявшихся от нее. Один из бесспорных авторитетов в данном вопросе, почетный академик, сенатор А.Ф.Кони считал, что следует говорить о “веротерпимости в собственном и точном смысле слова”, т. е. о свободе “отправления богослужения и пребывания в вере предков”; и о веротерпимости в широком смысле, т. е. свободе совести.⁴ К последнему мнению был близок и В. Ширяев, полагавший, что на определенной стадии религиозная терпимость приближается к религиозной свободе, которая есть “право свободного религиозного самоопределения”. Согласно ему, свобода совести невозможна без соблюдения следующих принципов: 1) право ... не исповедовать никаких религиозных убеждений; 2) право определять и видоизменять содержание своего самоопределения согласно велениям только своей совести...; 3) право проявлять во вне в той или иной форме (проповеди, культа) содержание своего религиозного самоопределения”.⁵ К подобной трактовке религиозной свободы была близка также позиция С. В. Познышева, который, кроме уже названных В. Ширяевым, посчитал также необходимыми условиями свободу “распространять свое религиозное мирозерцание, привлекать к своей вере других людей” и “проводить в жизнь нравственное учение исповедуемой религии”.⁶

Наиболее принципиальным моментом, различающим эти два понятия, является наличие **господствующей** церкви: веротерпимость “возможна и при существовании господствующей церкви” (К.К.Арсеньев), более того, “терпимость предполагает всегда существование конфессионального государства”, т.е. такого, которое поддерживает определенный культ (Ф.Руффини, В. Ширяев); тогда как “только отделение церкви от государства, уничтожение самой идеи господствующей церкви может в действительности обеспечить полную свободу совести для инакомыслящих” (С. П.Мельгунов).⁷ Иначе говоря, религиозная свобода возможна лишь в таком государстве, где признан паритет, равенство религий – как правовое, так и

фактическое. А понятие “господствующая вера” уже по определению исключает возможность равенства.

Безусловно и в этом вопросе не было единства: не только защитники исконных прав православия, но и ряд правоведов считали, что проведение в жизнь принципов свободы совести возможно и без коренной ломки сложившейся в стране религиозной системы, без уничтожения господствующего положения православной церкви.⁸ Но все же среди либералов и правоведов подобная позиция была в меньшинстве.

Таким образом, известные российские правоведы начала века были достаточно единодушны в своей оценке содержания таких близких, но все же различающихся понятий, как свобода совести и веротерпимость. Публицистика же (либеральная) эти два понятия отождествляла гораздо чаще, а потому использование в прессе термина свобода совести как аналога понятию веротерпимость и наоборот встречается повсеместно.

Противоположная позиция, вероятно, наиболее ярко обозначена одним из крупнейших идеологов право-националистического, охранительного крыла общественной мысли Л.Тихомировым. Редактор газеты “Московские Ведомости” – рупора правых, монархистов и “истинно русских” – возражал против того, что “слабосильная наука” много говорит о свободе совести и “узкая в определениях понятий *государственной Церкви*”. Следствием подобной постановки, считал Л.Тихомиров, в обществе распространилось в корне неправильное представление, “будто свобода совести и существование государственной Церкви суть два явления противоположные и несовместимые”. Наоборот, полагал известный монархист, реформа должна идти по пути “*и свобода, и Церковь*”. Господствующая Церковь нужна государству как некий высший моральный элемент, как нравственный идеал, стоящий над государством и обществом. И такую функцию может выполнять только *одна* господствующая Церковь и для России это Православная Церковь. Свобода совести может быть обеспечена и предоставлена всем конфессиям “не на правах официально признаваемой церкви, а на правах *частной корпорации*”.⁹ Каков же должен был быть юридический статус этой “частной корпорации” неясно, но без сомнения не могло быть и речи о религиозном равноправии и свободе самоопределения (например, переходе из одного исповедания в другое).

В другой статье, написанной в 1911 г., т.е. через два года после процитированной, Л.Тихомиров развивает свой тезис о “господствующей церкви” еще дальше: смысл господства церкви и ее союза с государством выражается в том, что русское “государство признает господство православия над собою, над государством, следовательно и над государственным законом, и над вероисповедной политикой государства.”¹⁰ Отсюда следует логический вывод о невозможности государственного вмешательства в религиозные и церковные дела, в том числе и путем составления вероисповедных законопроектов.

Отношение Л.Тихомирова и его единомышленников к религиозным проблемам, таким образом, определялось признанием безусловной приоритетности господствующего положения православия. Нередко используя в своих выступлениях и статьях выражения “веротерпимость” и “свобода совести”, они вкладывали в них совсем иное содержание, нежели российская и европейская либеральная общественность. Для них эти понятия прежде всего морально-нравственные категории, а не юридические принципы. Теоретически признавая религиозную свободу, крайне правые сводили ее на нет, когда речь шла о конкретном воплощении ее в жизнь. Поистине был прав Ф.Руффини, заметивший, что “идея религиозной свободы свое главное препятствие находила всегда в лице ревностного благочестия верующих.”¹¹ Такая противоречивость слов и поступков позволяла либералам обвинять консерваторов (а также и правительство) в неискренности, в том, что веротерпимость у них лишь на языке, но не в сердце, а сокровенной мечтой правых является возвращение к порядкам, существовавшим до 17 апреля 1905 г.

Возникает вопрос – можно ли в отношении к дореволюционной России употреблять термин **свобода совести** или же следует лишь вести речь о **весьма неустойчивой тенденции к расширению границ веротерпимости**, которая в России всегда была “глубоко проникнута соображениями политики” (В. Ширяев) и носила чисто “утилитарный характер” (М.А.Рейснер). Думается, что применительно к той России термин веротерпимость гораздо более корректен, поскольку свобода совести так и оставалась тем неосуществленным до конца идеалом, к которому стремились сторонники конституционного строя и гражданского общества. Современники зачастую были вынуждены констатировать, что между формальным провоз-

глашением и реальным, фактическим осуществлением религиозной свободы в самодержавно-конституционной России по-прежнему была непреодолимая пропасть.

Другая проблема, без учета которой сложно понять ход и направление, и главное, **причину неудач** вероисповедных преобразований начала XX в., заключается в особенностях российской веротерпимости. Проанализировавший российское право на предмет отношения государства к церкви и верующей личности, М.А.Рейснер выявил **национальную основу** российского вероисповедного законодательства и пришел к выводу, что российская “веротерпимость в своих основаниях не современная, не правовая западная и не христианская вероисповедная, а скорее древне-римская национальная”, поскольку она вызвана чисто-политической необходимостью – “привязать к составу громадной империи новые нации и народы и захватить их национальные религии в рамки общего государственного управления”.¹² Это обстоятельство объясняет и тот факт, что из всех терпимых религий наибольшими привилегиями пользуются те, что принадлежат сильным и крупным народностям – не принцип духовной высоты и нравственных ценностей религии играет решающую роль, “а степень их политического веса в качестве национальных верований”. Поэтому становится понятным, почему закон запрещает прозелитизм всем исповеданиям, кроме господствующей церкви: поскольку само право проповеди приравнено пропаганде национальных ценностей и интересов. Вместе с тем, свобода вероисповедания, свобода личности, в российском праве всецело поглощается свободой отдельных религиозных обществ, а свобода последних сводится к “некоторой религиозной самостоятельности терпимых в Империи и находящихся под управлением государства духовных обществ”.¹³

Все эти наблюдения позволили М.А.Рейснеру сделать вывод о том, что “русское государство, в своем религиозном законодательстве, есть государство не правовое, не церковное – оно государство светское, национальное, терпимое; вместе с тем, однако никакой особой свободы личного исповедания он не знает; но религию оно смешивает с национальностью, нравственность с правом, а церковную власть делает орудием светской политики”.¹⁴

Без учета этой специфики российского религиозного права, сформировавшегося к началу XX в. под воздействием пройденного стра-

ной исторического пути и наложившего сильнейший отпечаток на религиозное правосознание общества и его представления об идеальных взаимоотношениях государства и религии, невозможно понять особенности эволюции российского законодательства в период между двумя революциями.

Обзор некоторых, наиболее ярких и полных трактовок, даваемых либеральными и консервативными правоведом и публицистами понятиям “свобода совести”, “веротерпимость”, “господствующая церковь” и пр. свидетельствует о практическом отсуствии точек соприкосновения в позициях противоположных общественных групп. Из них невозможно вывести единую, универсальную формулу, хотя некий компромисс и не исключается. Автору данного исследования ближе либеральная трактовка данных понятий, данная в работах Ф.Руффини, М.А.Рейснера и др.

* * *

В России до начала XX в. в **официальной** идеологической триаде – “самодержавие, православие, народность” – большое значение придавалось сохранению незыблемости господствующего положения в империи Православной Церкви. В этом идеологи самодержавной России видели один из обязательных элементов сохранения самобытности “русского государства”.

Принципиальный отход от этой официальной идеологемы начался зимой – весной 1905 г.¹⁵ с опубликования ряда указов и прежде всего – “Об укреплении начал веротерпимости” (17 апреля), даровавшего “каждому ... свободу верований и молитв по велениям его совести”. Хотя данный указ был основан на **принципах религиозно-административных привилегий** и лишь немного расширил права инославных и частью иноверных исповеданий¹⁶, да и речь в нем шла прежде всего о христианах¹⁷, его общий смысл и последствия оказались гораздо более значительными. Может быть даже неожиданно для авторов закона, по сути он стал прологом провозглашения свободы совести. В одном из сочинений того времени встречается такое определение этого указа – “великая хартия Российской религиозной свободы”.¹⁸

Относительно мусульманского населения империи в данном указе было зафиксирована следующая формула: “Признать подлежащим пересмотру законоположения, касающиеся важнейших сторон религиозного быта лиц магометанского исповедания.”¹⁹ Повторявшее

основные положения указа, “Высочайше утвержденное 17 апреля 1905 г. положение Комитета Министров” определило основной круг вопросов, касавшихся мусульман. “Особому совещанию о веротерпимости”²⁰ было предоставлено право разработать соответствующие вопросы и представить законопроекты на рассмотрение Государственного Совета (Гос. Думы в то время еще не было). Эти законопроекты должны были касаться следующих вопросов:

- “о сооружении молитвенных домов иноверных исповеданий;
- о порядке избрания и назначения должностных лиц магометанского духовенства, приходских и высших;
- об освобождении от призыва на действительную военную службу из запаса некоторых лиц магометанского духовенства;
- о порядке открытия магометанских духовных школ – мектебе и медресе;
- об учреждении особых духовных управлений для киргизов областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской, а равно для магометанских общин на Северном Кавказе в Ставропольской губернии, Туркестанском крае и Закаспийской области;
- о возможности дозволения воспитывать подкидышаемых детей в религии принявших их на воспитание иноверных семей.”²¹

Несколько позднее – 16 июня 1905 г. – Государственный Совет принял и обнародовал свое “мнение” по этому вопросу. Седьмой пункт документа несколько дополнил список этих проблем: “Признать подлежащим обсуждению Особого, образованного согласно Указа 17-го апреля 1905 года, Совещания по делам веротерпимости вопросы: 1) о предоставлении духовным лицам мусульманского исповедания звания личного почетного гражданина; 2) об изменении действующего ныне правил о разрешении дел, вытекающих из семейных и наследственных отношений мусульман; 3) о преподавании ислама на природном языке учащихся, и 4) о пересмотре постановлений, касающихся исполнения мусульманами религиозных требований во время отбывания ими воинской повинности.”²² Таковы были, по мнению правительственных структур, пункты Российского законодательства, подлежащие пересмотру в соответствии с провозглашенным принципом веротерпимости.

25-го июня того же года было Высочайше утверждено положение Комитета министров, которое определяло порядок перехода из православия в другое исповедание до издания соответствующего

закона: желающие выйти из православия, должны были подать заявление непосредственно на имя губернатора или же через уездную полицейскую власть; только после проверок, местная административная власть в лице губернатора давала соответствующее распоряжение.²³

Октябрьский Манифест 1905 г. был еще одним значительным шагом вперед, так как он устанавливал в стране основы конституционного порядка, а провозглашаемая свобода совести являлась частью общедемократических свобод и представлялась необходимым залогом “перехода к правовому государству”.²⁴ Однако этот переход осуществлялся по принципу “один шаг вперед, два – назад”, причиной чему было то, что все указанные документы являлись детищем чиновников, находившихся “всецело на точке зрения полицейского государства”. Подтверждение тому современники находили в законе 14 марта 1906 г., вводившем в действие Уголовное Уложение 1903 г. в части, касающейся религиозных преступлений. Подробный анализ нового Уголовного Уложения, особенно в плане его соответствия изданным весной и осенью 1905 г. либеральным указам, был опубликован, в частности, в газете “Право” вскоре после его опубликования.²⁵ Автор этого аналитического обзора – профессор А. Жижиленко – приходит к выводу, что в целом “правительство не изменило себе и установило ограниченную свободу совести”, а вместо изменения законодательства сообразно либеральным обещаниям, оно сохраняло старые суровые санкции за религиозные преступления. Причем эти “преступления” после 1905 г. уже не должны были рассматриваться как таковые, а представляли собой значительный анахронизм.

Встречались и более резкие оценки итогов правительственной деятельности. Так например, С. Мельгунов считал, что введение нового уголовного кодекса, являвшегося продуктом бюрократического творчества полицейского государства, по сути значительно урезало провозглашенную ранее веротерпимость.²⁶

Впрочем, учитывая историю составления этого документа трудно было бы ожидать иного. От начала составления нового Уголовного Уложения до его Высочайшего утверждения прошло **двадцать два года** – четырнадцать лет над его составлением работала редакционная комиссия, затем в течении трех лет проект рассматривался в Министерстве Юстиции и других ведомствах; следующей инстан-

цией после Государственного Совета стало “особое совещание”, продержавшее проект среди своих бумаг в течении следующих трех лет; более года его рассматривало “особое присутствие” и только в марте 1903 г. бюрократическая волокита наконец-то завершилась.²⁷ Когда же “высочайше утвержденный” документ начал вводиться в жизнь, оказалось, что он от нее безнадежно отстал.

Таким образом, издание указа от 17 апреля 1905 г. и Октябрьского манифеста стало очень важным, но всего лишь первым шагом по пути преобразования всей системы взаимоотношения в империи различных вероисповеданий между собой и с государством. Более того, либеральные указы вносили определенную путаницу в существующее законодательство и начавшему свою деятельность в апреле 1906 г. российскому парламенту предстояло взять на себя большую часть сложной работы по ликвидации этих противоречий и приведения законодательства в соответствии с принципами, провозглашенными в данных указах, говоря словами октябриста П.В. Каменского “оформить в разработанных нормах закона дарованную волею Монарха реформу”.

§ 1. Вопросы “свободы совести” в I Государственной Думе

Так как I Государственная Дума была кратковременной, и отчасти по этой причине отсутствуют опубликованные полные отчеты о ее работе, то сложно определить степень ее вклада в разработку данной проблемы. Известно лишь, что 50 (49²⁸) членов первой Думы, преимущественно кадеты, внесли 12 мая 1906 г. проект под названием “*Основные положения законопроекта о свободе совести*”. В семи пунктах законопроекта были сформулированы те базовые принципы свободы совести, что были провозглашены в упомянутых указах и Манифесте 17 октября 1905 г. Первый пункт провозглашал и гарантировал свободу совести каждому гражданину империи, не допускались любые ограничения и притеснения по религиозному признаку, а подобные узаконения – отменялись; второй пункт объявлял о равенстве всех вероисповеданий, свободе отправления ими своих обрядов и богослужения, а также проповедования и распространения своих учений; третий пункт был направлен против принуждения (в том числе и силой государственной власти) к какому-

либо исповеданию; пятый предоставлял любому гражданину, достигшего 17-летнего возраста, свободу перехода, вероисповедание несовершеннолетних определяется по желанию родителей; шестой пункт касался необходимости разработки закона, определяющего порядок ведения актов гражданского состояния; и, наконец, седьмой пункт гласил, что узаконения, определяющие преподавание вероучения, не должны противоречить началам свободы и равенства исповеданий.²⁹

Сформулированные в этом проекте основы соответствовали тем достаточно радикальным настроениям общества, которые преобладали в тот период времени. Однако то ли из-за кратковременности работы Думы, то ли по другой причине, но этот законопроект остался не рассмотренным. Правда ряд исследователей считают, что основная причина коренилась в несоответствии узко-религиозного характера законопроекта с протекавшей в этот период социальной революцией.³⁰ По их мнению, именно поэтому законопроект не вызвал особого интереса депутатов, о чем свидетельствует вялая дискуссия по поводу его внесения, невыразительность выступлений и в конечном счете то, что он так и остался не обсужденным в общем заседании Думы.

Немного удивительно то, что данный проект подписал всего лишь один представитель мусульман – Ш.Сыртланов.³¹ Почему, учитывая важность религиозных проблем, остальные депутаты-мусульмане проигнорировали его – сказать сложно. Так же вследствие скудости источников, не представляется возможным всесторонне охарактеризовать деятельность на этом поприще депутатов-мусульман. Известно лишь о речи Ш.Мутинова о необходимости уравнивания мусульманского духовенства с правами духовенства других вероисповеданий, что было общим требованием мусульман группы. Безусловно, религиозный вопрос, ущемленное положение ислама, существовавшая дискриминация в этой сфере – все это было очень и очень актуально для мусульман в целом, и для татар в частности. Поэтому для депутатов-мусульман эта проблема должна была стать и стала одной из центральных в работе Государственной Думы. Этого не произошло в I Думе только вследствие ее кратковременности и неорганизованности депутатов-мусульман. Если бы этой Думе было суждено проработать более длительный срок, то безусловно основная тяжесть разработки этих проблем легла бы на Али-Мар-

дана Гопчибашева, Саид-Гирея Алкина и Абусугуда Ахтямова. Особенно можно отметить последнего, являвшегося не только юристом по образованию (он закончил Казанский Императорский университет), но и прослужившего несколько лет секретарем Оренбургского Духовного Собрания. В силу этого Абусугуд Ахтямов был хорошо знаком с законодательством, касавшимся положения мусульманского населения.³²

§ 2. II Государственная Дума и министерские религиозные законопроекты

Во II Думе, ставшей также недолгой, уже 20 марта 1907 г. была образована комиссия “для рассмотрения законопроектов, направленных к осуществлению свободы совести” в количестве 33 человек, в том числе трех мусульман – Султан-Вахида Каратаева, Садри Максуди и Мухаммед-Шакир Тукаева.³³ Председателем ее был избран адвокат Николай Тесленко, являвшийся одновременно заместителем председателя кадетской фракции.³⁴ В свою очередь, в составе комиссии было образовано несколько подкомиссий, в том числе одна для систематизации законодательных материалов, касающихся ограничения в правах членов отдельных вероисповеданий (среди 16 ее членов двое представляли мусульманскую фракцию – Султан-Вахид Каратаев и Шакир Тукаев).³⁵

Комиссия с 4 апреля по 25 мая имела 13 заседаний³⁶. Всего на ее рассмотрение было внесено более десятка законопроектов, в том числе 7 наиболее принципиальных.³⁷ Пойдя по пути внесения отдельных законопроектов, правительство полагало, что составление одного общего законопроекта о свободе совести менее удобно и практично, чем разработка и принятие конкретных законопроектов, так как “область свободы совести ... затрагивает ряд самых разнообразных правоотношений и требует пересмотра и внесения поправок, дополнений и изменений в ряд совершенно самостоятельных отделов действующего законодательства”.³⁸ Однако этот аргумент вызвал возражение у ряда наблюдателей, считавших, что отсутствие одного общего положения, определяющего государственную позицию в вопросе о свободе совести, неизбежно приведет к возникновению кривотолков, неточностей, недоразумений и про-

тиворечий. “Последние же приведут к тому, что объем свободы совести всецело будет зависеть от направления правительственной политики в тот или иной момент.”³⁹

Тем не менее, в течении нескольких дней – 20, 23, 25 и 28 февраля – МВД были внесены следующие законопроекты:

– “*Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое*” (внесен 20 февраля 1907 г., № 1473);

– “*Об отношении государства к отдельным вероисповеданиям*” (20 февраля, № 1474);

– “*О разрешении совершения инославных и иноверных богослужений и богомолений и сооружения, устройства, возобновления и починки инославных и иноверных молитвенных зданий*” (20 февраля, № 1475);

– “*Об инославных и иноверных религиозных обществах*” (23 февраля, № 1476);

– “*О вызываемых провозглашенною 17 октября 1905 г. свободою совести изменениях в области семейственных прав*” (№ 1478);

– “*Об отмене содержащихся в действующем законодательстве ограничений, политических и гражданских, находящихся в зависимости от принадлежности к инославным и иноверным исповеданиям, а в том числе и к старообрядчеству и к отделившимся от православия сектам, а равно законоположений, допускающих вмешательство гражданской власти в духовные отношения частных лиц*” (28 февраля, № 1479);

– “*римско-католических монастырях*” (25 февраля, №1477).⁴⁰

Позднее, 17 апреля 1907 г., было внесено еще несколько законопроектов, аналогичного характера.⁴¹

Из перечисленных семи законопроектов, названия которых вполне красноречивы и прозрачны, обратим внимание на второй, регулирующий отношение государства к различным вероисповеданиям. Этот проект, который должен был стать ключевым в блоке религиозных законов, по словам С. П.Мельгунова, представлял собой “удивительный документ канцелярского творчества, весь сотканный из противоречий”.⁴² В чем же противоречивость документа? Наверное, в желании правительства идти по пути уступок, не меняя сути государственной религиозной политики. Так, признавая на словах начала свободы совести, министерский проект в то же время настаивал на том, что первейшей обязанностью государства является обязанность “неизменно стоять на страже прав и преиму-

ществ православной церкви”.⁴³ Поэтому, законопроект предусматривал сохранение статей Угол. Улож., устанавливавших уголовную ответственность за “сворачивание православных”.

Примечательно, что будучи одним из представителей “охраняемой” церкви, С. П.Мельгунов критиковал эти “благие” правительственные намерения именно с точки зрения интересов церкви, которая по прежнему лишалась подлинной автономности из-за сохранения пут обременительной государственной опеки.

По некоторым сведениям, кадетская фракция вновь внесла в Думу законопроект о свободе совести, который повторял основные положения программы, представленной еще в период существования I Думы.⁴⁴ Но видимо этот законопроект не был рассмотрен не только вследствие кратковременности второй Думы. По Учреждению 1906 г. (документ, определяющий порядок деятельности парламента) думская комиссия могла разрабатывать законопроект только в случае признания законодательного предположения желательным и при **отказе** министра разрабатывать соответствующий законопроект.⁴⁵ Только Наказ 1907 г. предоставил думским комиссиям право разрабатывать законопроект и при согласии министра на его разработку. Правда правительство возражало против этого правила и всячески препятствовало самостоятельной законотворческой деятельности депутатов (например, путем непредоставления им соответствующих документов, “бойкота” думского проекта и пр.), стремясь монополизировать это право.

В таких условиях начала свою деятельность вероисповедная комиссия. Прежде всего был разработан план предстоящей работы комиссии исходя из двух основных задач: “во 1-х, разрешить принципиальный вопрос об отмене ограничений в области веры, и во 2-х, ... пересмотреть действующее законодательство и произвести кодификационную работу”.⁴⁶ В первой части, в качестве основного руководящего принципа для дальнейшей работы, комиссия “единогласно и без прений постановила принять основные положения о свободе совести, внесенные в государственную Думу первого созыва партией народной свободы”.⁴⁷ Но предложение внести этот проект на утверждение общего собрания Думы членами комиссии был отвергнут и они решили сосредоточить свое внимание на рассмотрении законопроектов, предложенных МВД. В течении состоявшихся 13 заседаний комиссией в основном рассматривались отдельные

положение законопроекта “*Об инославных и иноверных религиозных обществах*”, однако эта работа не была завершена.⁴⁸

В общем собрании Думы 2-го созыва вероисповедные проекты не обсуждались, поэтому сложно точно определить позицию по этому вопросу основных думских групп. Однако ряд косвенных данных свидетельствует о значительном радикализме общества в целом и парламентариев в частности. Хотя депутаты-мусульмане не представили ни одного самостоятельного религиозного законопроекта, безусловно они являлись сторонниками провозглашенных гражданских свобод (в т. ч. и свободы совести) и в своих выступлениях неоднократно защищали тезис о равноправии национальностей и исповеданий. В общегражданских вопросах представители мусульманской фракции были, таким образом, вместе с прогрессивными течениями Думы. Фракция партии народной свободы, как уже было отмечено, придерживалась той же программы, что была представлена в период первой Думы. Интересна позиция умеренных либералов, целая группа видных представителей которых (депутаты-октябристы И.С. Ключев и А.З.Танцов; проф. Горчаков, кн. Волконский и пр.) работала над проектом положения об отношении государства к свободе совести отдельных граждан. Свобода совести, по мнению октябристов, логически предусматривала свободу перехода из одного исповедания в другое “без испрашивания государственного разрешения”, а также признание вневероисповедного состояния граждан: любой гражданин, достигший “политического совершеннолетия” (25 лет), имеет право “избирать себе вероисповедание по собственному влечению и побуждению или оставаться во вневероисповедном состоянии”.⁴⁹ Отсюда вытекала необходимость введения гражданской метрикации рождений, признания гражданского брака и внеисповедных кладбищ и пр.

Таким образом, значительный радикализм в вероисповедном вопросе большинства II Государственной Думы был весьма очевиден. Весной 1907 г. народные представители безусловно шли дальше тех рамок, что предусматривались правительственными законопроектами. Все это будет продемонстрировано позднее, в период прохождения проектов через Думу 3-го созыва. А пока еще “живая” вторая Дума намеревалась продолжить линию, обозначенную в дни работы предыдущей Думы: исходя из зафиксированных в апрельском указе “*Об укреплении начал веротерпимости*” и Манифесте 17

Октября 1905 г. положений, пересмотреть российское законодательство, устранив из него все ограничительные и карательные пункты, и привести его в соответствие с провозглашенной свободой совести. Однако, действия властей не позволили завершить эту работу.

§ 3. Деятельность вероисповедной комиссии в III Государственной Думе

Государственная Дума 3-го созыва (1907–1912) несколько нарушила прежнюю традицию и вместо одной образовала три отдельные комиссии:

1. по делам Православной Церкви;
2. по старообрядческим вопросам;
3. по вероисповедным делам.

Таким образом, достаточно общая формулировка названия комиссии, имевшая место во второй Думе – “для рассмотрения законопроектов, направленных на осуществление свободы совести” – в третьей была заменена более конкретными и менее обязывающими названиями по сути тех вопросов, которые находились в их компетенции. Смена названия, как и дробление единой комиссии на три, при всей видимой логичности, имеют и другие объяснения. По наблюдениям представителей оппозиционного крыла парламента, большинство депутатов III Думы (и прежде всего октябристы) избегали употреблять такие выражения, как “конституция”, “парламент”, “свобода совести” и пр., которые являлись сильнейшим раздражителем для консервативных правительственных кругов, в первую очередь самого Николая II, и правого фланга депутатского корпуса. Этим отчасти объясняется отказ от “конституционных” понятий в названиях комиссий. Кроме того, выделение самостоятельных комиссий по делам православной и старообрядческой церкви должно было предотвратить такую возможность, когда “иноверцы” становились “вершителями вопросов чисто русских” (Манифест 3-го июня 1907 г.). В то же время, среди депутатов были достаточно широко распространены настроения, озвученные на Киевском миссионерском съезде (1908 г.) и сводившиеся к необходимости изъятия из Государственной Думы вероисповедных законопроектов и передачи их на рассмотрение св. Синода или же пред-

стоящего церковного собора, поскольку православная церковь должна стоять вне сферы влияния законодательных учреждений.⁵⁰

В контексте обозначенной проблемы наибольший интерес представляет деятельность **комиссии “по вероисповедным делам”**, на которую была возложена обязанность “разработать законопроекты, относящиеся к инославным и иноверным исповеданиям, осуществляющие в нашем законодательстве возвещенное начало свободы совести”.⁵¹

Вероисповедная комиссия состояла из 35 человек. Ее председателем первоначально, в 1-ую сессию, был избран умеренно-правый люблинский епископ Евлогий⁵², затем во вторую сессию его сменил юрист, член фракции октябристов П.В.Каменский, возглавлявший комиссию до конца работы III Думы.⁵³ Членами комиссии были два мусульманина – октябрист Исмагил Муфтий-Заде и представитель мусульманской фракции Шакир Тукаев.

По своему составу данная комиссия практически полностью отражала расклад депутатского корпуса Думы в целом: по религиозной принадлежности преобладали православные депутаты (21 человек из 35), а по партийным взглядам – октябристы (11 человек), националисты (9) и правые (5). Достаточно высокой была доля лиц, принадлежащих к духовному званию – 15 человек, в том числе православных священнослужителей – 13, мусульманских (ахун) и римско-католических (ксендз) – по 1 депутату.⁵⁴

Возможно, такой состав комиссии определил ход обсуждения предложенных законопроектов и характер принимаемых решений. Ведь депутаты-священники, по откровенному заявлению епископа Евлогия, были “обязаны в своей парламентской деятельности считаться с синодскими постановлениями”, тогда как Синод ясно высказался по поводу министерских законопроектов, найдя их “несоответствующими интересам первенствующей церкви”.⁵⁵ Поэтому даже весьма умеренные министерские законопроекты проходили в комиссии с небольшим преимуществом в один-два голоса.

Законопроекты, внесенные на рассмотрение вероисповедной комиссии, были подготовлены в соответствующих департаментах МВД. По закону, министерство разработавшее законопроект, представляло его сначала на рассмотрение комиссии, а затем по докладу комиссии этот одобренный, возможно несколько исправленный, законопроект выносился на обсуждение и утверждение Государствен-

ной Думы. Будучи инициатором, министерство могло взять обратно внесенный ею законопроект, что было осуществлено, например, в октябре 1909 г., когда МВД забрало обратно два весьма принципиальных законопроекта, более всего раздражавших правое крыло Думы: “*Об отношении государства к отдельным вероисповеданиям*” (хотя этот законопроект в целом был одобрен вероисповедной комиссией⁵⁶) и “*О вызываемых провозглашенной 17 октября 1905 г. свободой совести изменениях в области семейственных прав*”.⁵⁷ Эта акция последовала вскоре за высказыванием П.А.Столыпина, заявившего, что правительство готово взять назад любой законопроект, если в нем “вследствие спешности работы и ее новизны” ущемляются права господствующей церкви.⁵⁸

Большинство наиболее важных законопроектов были внесены еще до или в начале деятельности Думы 2-го созыва и в течении всех пяти сессий Думы третьего созыва комиссия продолжала работать над ними.

В целом работа комиссии протекала следующим образом:⁵⁹

2 сессия. Было проведено 16 заседаний и на рассмотрение находилось 10 законопроектов (в том числе и внесенные в 1-ую сессию). Из них было рассмотрено, принято комиссией и передано на общее заседание Думы 2 законопроекта – “*О старообрядческих общинах*” (представлен 12 мая, обсужден и принят в первом и втором чтениях 12–15 мая 1909 г.)⁶⁰ и “*Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое*” (представлен 22 мая 1909 г.)⁶¹; рассмотрено частично – 2 и остались не рассмотренными – 6 законопроектов.⁶²

3 сессия. Состоялось 10 заседаний; на рассмотрение находилось 11 законопроектов.⁶³

4 сессия. В ходе работы комиссии в течении 12 заседаний из 9 законопроектов было рассмотрено 4, в том числе по двум – “*Об утверждении временных правил о службе бакши Донских калмыков*”, и “*Об издании правил относительно секты мариавитов*” – были сделаны доклады на общем заседании Думы.⁶⁴

5 сессия. Комиссия провела 3 заседания (с 29 ноября 1911 г. по 12 марта 1912 г.). В ее “портфеле” находилось также 9 законопроектов, из которых было рассмотрено и передано на общее собрание Думы 6 (в том числе 4 законопроекта были объединены в 2):

– Объединивший два министерских законопроекта – *“Об инославных и иноверных вероисповедных общинах и обществах”*.

– *“Об узаконении браков, заключенных по обрядам инославных и иноверных исповеданий лицами, числившимися православными до издания Высочайшего указа 17 апреля 1905 г., происшедшего от сих браков потомства”* (также включил в себя два министерских законопроекта).⁶⁵

– *“Об изменениях статьи 1368 Уставов иностранных исповеданий относительно кандидатов на занятие магометанских духовных должностей от Таврической губернии”*.

– *“Об изменении личного состава реформатских заседаний генеральной и местных евангелическо-лютеранских консисторий”*.⁶⁶

Таким образом, в течении 2–5 сессий всего состоялось 31 заседание, было рассмотрено и передано на утверждение общего собрания Думы более десяти законопроектов (представленных в 12 докладах). 3 законопроекта остались не рассмотренными полностью или частично.⁶⁷

Из этих проработанных и утвержденных комиссией, законопроектов полностью или частично были приняты Думой одиннадцать; в том числе семь, касающиеся более частных вопросов или положения отдельных исповеданий, получили Высочайшее утверждение.⁶⁸ Работа над остальными законопроектами не была завершена. А ведь им еще предстояло пройти через Государственный Совет и “высочайшее утверждение” императором. Таким образом, общий итог деятельности III Государственной Думы по законотворчеству в области религиозной политики государства были крайне неудовлетворителен.

Из рассмотренных комиссией и переданных в общее собрание Думы законопроектов для мусульман империи наиболее важными и принципиальными были следующие: *“Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое”*; *“Об инославных и иноверных вероисповедных общинах и обществах”*; *“Об изменениях статьи 1368 Уставов иностранных исповеданий относительно кандидатов на занятие магометанских духовных должностей от Таврической губернии”*.

Остановимся подробнее на обсуждение этих законопроектов в комиссиях и, если это возможно по имеющимся опубликованным источникам, позиции мусульман в этих вопросах.

Наиболее благоприятная судьба ждала последний из названных законопроектов, а именно *“Об изменениях статьи 1368 Уставов...”*, рассмотренный в 5-ю сессию и принятый комиссией без изменений, т.е. в том виде, как он был представлен МВД. Доклад по поручению комиссии был сделан октябристом Исмагилом Муфтий-Заде 10 декабря 1911 г.⁶⁹ Дума также одобрила этот документ, который был удостоен “высочайшего утверждения” и принял силу закона в 1912 г.⁷⁰ Благоприятный исход был, видимо, предопределен тем, что законопроект не подвергся изменениям и по сути решал частные, хотя и важные, вопросы, не затрагивая, таким образом, принципиальных основ религиозной политики.

Второй законопроект – *“Об инославных и иноверных вероисповедных общинах и обществах”* – рассматривался вероисповедной комиссией во 2–5 сессии и был принят ею. Кроме того, что одобренный документ объединил два законопроекта, предложенных МВД, комиссия внесла некоторые либеральные поправки в правительственный проект: в частности, комиссия приняла в качестве основной религиозной единицы общину, а не общество, как предлагало правительство; религиозным обществам и общинам предоставлялось право свободного проповедования своего религиозного учения; было уменьшено число лиц, необходимых для создания общины или общества и наоборот, увеличены суммы стоимости недвижимости, которыми могут владеть общины и общества и пр.⁷¹ Доклад по проекту был сделан председателем комиссии П.В. Каменским 12 декабря 1911 г., однако Думою он рассмотрен не был и следовательно перешел в Государственную Думу 4-го созыва.⁷²

Наибольшие споры вызвало обсуждение проблемы свободы проповеди, против чего выступали достаточно крупные силы. Столкновение различных позиций по этому вопросу первоначально произошло еще при обсуждении проекта *“О старообрядческих общинах”* в мае 1909 г. Данный законопроект стал первым из числа вероисповедных, который был вынесен на общее собрание Думы. Его обсуждение состоялось 12, 13 и 15 мая 1909 г. и завершилось принятием во втором чтении 15 мая.⁷³ Многочисленные эмоциональные выступления право-националистического крыла Думы (А.Юрашкевича, от. Балаласва, И.Павловича, от. Никановича, Ф.Тимошкина, В. Тычинина, А.Вязигина и пр.) в основном сосредотачивались на критике разрешаемой проектом свободы проповеди, в чем они ус-

матривали недопустимое унижение православной церкви.⁷⁴ С ними были солидарны представители Св. Синода, утверждавшие, что “право свободного распространения своего учения должно принадлежать только одной православной вере...”.⁷⁵ С этой позицией принципиально соглашалось и правительство, признававшее за православной церковью первенствующее значение и считавшее необходимым предоставить ей “особую защиту государственной власти”. По мнению министерских разработчиков законопроекта, “разрешение иноверцам и последователям инославных христианских исповеданий права проповедовать свою веру среди православных, с целью обращения их в свое вероучение представлялось бы в значительной степени опасным и для интересов самого государства, особенно в отношении наших окраин, где вопросы религиозные по большей части неразрывно связаны с интересами национальными и политическими...”.⁷⁶ Однако когда, по свидетельству П.В. Каменского, в комиссии на голосование был поставлен вопрос – “допустимо ли свободное распространение всеми исповеданиями своего вероучения среди инославных и иноверных” – большинство членов комиссии (22 против 5) высказались утвердительно.⁷⁷ В таком же духе выступило и большинство Думы, утвердившее 15 мая данный законопроект во втором чтении в редакции комиссии. Таким образом, принцип свободы проповеди, поддержанный в мае 1909 г., впоследствии был положен в основу целого ряда вероисповедных законопроектов, что нарушало многовековое монопольное право православной церкви и расширяло права иных исповеданий.

Садри Максудов, выступивший от имени и по поручению мусульманской фракции, выразил искреннее сочувствие и поддержку старообрядцам и высказал пожелание мусульман, что данный законопроект, так же как и остальные проекты, касающиеся вопроса о свободе совести, будут приняты в ближайшем будущем.⁷⁸

Одним из наиболее важных не только для мусульман, но и представителей всех конфессий империи был законопроект “*Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое*”. Он был внесен МВД, подобно другим, еще в период работы Думы 2-го созыва, но его подробное обсуждение в комиссии состоялось лишь во 2-ую сессию Думы 3-го созыва, т. е. в 1908–1909 гг.⁷⁹ Доклад по нему был представлен общему собранию Думы председателем комиссии П.В. Каменским 22 мая 1909 г. Обсуждение за-

няло несколько дней – 22–26 мая, 1 июня – и закончилось принятием несколько измененного законопроекта 30 октября 1909 г.⁸⁰

Какие же изменения были внесены в министерский проект комиссией и какова была судьба этих предложений в Думе? По мнению председателя комиссии П.В. Каменского, отражавшего точку зрения большинства членов комиссии, министерский законопроект значительно суживал указ 17 апреля: он предоставлял право перехода только “из одной христианской религии или христианского вероучения в другое, а из нехристианства и язычества в христианство и во всякое другое не христианское или языческое вероучение”.⁸¹ Таким образом, переход из христианства в другое иноверное (нехристианское) учение не предусматривался. Более того, право перехода предоставлялось только в том случае, когда “переходящие или их восходящие (предки – Д.У.), но не далее деда и бабки, исповедовали нехристианскую веру.”⁸² Таким образом, вопрос о судьбе “отпадающих” крещенных татар (особенно старокрещенных) оставался открытым.

Члены комиссии пошли дальше и 18 голосами против 10 предоставили право перехода “каждому лицу, достигшему 21 года ... во всякое вероисповедание или вероучение, принадлежность к коему не наказуема в уголовном порядке”.⁸³ Несогласное с этой формулировкой меньшинство комиссии настаивало на том, что “нельзя все религии признать равными и надо отдать преимущество христианской религии, являющейся основой государства”.⁸⁴ Краеугольным камнем в позиции крайне правых в этом вопросе могли бы быть слова Маркова 2-го: “... идея равноправия всех подданных русского царя независимо от религии, независимо от племени – это идея безнравственная, негосударственная, идея разрушительная и пагубная для государства”.⁸⁵

При обсуждении законопроекта в общем заседании Думы (май 1909 г.), депутат от Харьковской губ., профессор, редактор журнала “Мирный труд”, А.С. Вязигин, выступавший от имени крайне правых (председатель фракции), заявил, что этот законопроект посягает “на господствующее положение святой православной веры”, “расторгает союз между Церковью и государством”, расшатывает “устой русской государственности, а следовательно (является – Д.У.) опасным для самого существования единой неделимой и великой России”.⁸⁶ Против данного законопроекта, тем более в трактовке

комиссии, выступали также епископы Евлогий и Митрофан, священники Кириллович и Юрашкевич, Марков 2-й и пр. представители правого крыла.⁸⁷ Еп. Евлогий, представляя позицию меньшинства вероисповедной комиссии, аргументировал свое несогласие с изменениями правительственного проекта тем, что эти “расширения вносят в наше законодательство идеи равноправности, равноценности христианства и нехристианства”, что по сути является проявлением “религиозного безразличия”, оскорбляющего идеи христианства.⁸⁸ После того, как его поправки не прошли, еп. Евлогий и другие правые отказались участвовать в голосовании по проекту и демонстративно покинули зал. Еще более определенно и резко против возможного равноправия исповеданий высказался премьер-министр П.А.Столыпин, назвавший подобную идею “чисто вывесочного характера” законом, который не будет принят (“уразумет”) народом и нанесет огромный вред народной душе и жизненным основам русского государства. При этом, глава правительства закончил свое выступление красивыми словами о необходимости “зажечь свечеч вероисповедной свободы совести в пределах нашего русского православного государства”.⁸⁹

Правый представитель Бессарабской губернии от. Гепецкий заметил, что обсуждаемый законопроект слишком зависим от других, в частности от законопроекта “об отношении государства к вероисповеданиям”, должном определить основы всей государственной религиозной политики. Поэтому, он предложил повременить с рассмотрением проекта “о переходе” до того, как будет заложен соответствующий фундамент.⁹⁰ “Терпели больше, так лучше обождать еще...” – вторил ему со страниц “Московских Ведомостей” Л.Тихомиров, предлагавший вообще отозвать все министерские законопроекты из Думы и отложить их до Церковного Собора: “а в ожидании – все, православные и инославные, могут как-нибудь потерпеть и при временных правилах”.⁹¹

Современники отмечали такую отличительную черту выступлений противников проекта, как неискренность – нападая на поправки комиссии, они в своих планах шли гораздо дальше; приветствуя веротерпимость, одновременно плохо скрывали свои сокровенные пожелания, что законопроект будет целиком отклонен как Думой, так и Госсоветом (И.П.Созонович и др.). Отношение государства, правительства и умеренно-правого крыла депутатов можно обозна-

чить одной фразой: “полная готовность признать принцип (свободы совести – Д.У.) на словах и столь же полная готовность отступить от него на деле” (В. А.Маклаков).⁹²

Однако большинство не только членов комиссии, но и в целом депутатского корпуса считали не только возможным, но и крайне необходимым узаконить свободный переход из одной религии в другую.

Безусловно, депутаты-мусульмане выступали за легализацию этого перехода, указывая на те лишения и страдания, которые испытывали люди, желавшие не просто отпасть от православия, но скорее вернуться в религию своих предков. При обсуждении этого вопроса в общем заседании Думы в поддержку проекта и защиту прав мусульман выступили Кутлуг-Мухаммед Тевкелев и Исагил Муфтий-Заде (22 мая), Халил-бек Хас-Мамедов и Ибрагим Гайдаров (26 мая).⁹³

Отметив двойственное положение крещенных татар, которые “всю вторую половину XIX столетия находились, если можно так выразиться, в состоянии двуликоверующих: фактически исповедуя ислам, юридически они считались христианами”, представитель мусульманской фракции Х.Хас-Мамедов указал на те сложности, которые возникают при реализации выхода из православия в соответствии с актами от 17 апреля и 17 октября 1905 г., на те препятствия, которые ставят местные власти, руководствуясь отдельными правительственными инструкциями и циркулярами.⁹⁴ По сути, власти, пользуясь отсутствием четких законодательных актов, широко и главное по своему усмотрению используют административную практику. Член октябристской фракции Исагил Муфтий-Заде также защищал проект исходя из интересов и потребностей “псевдокрещенных” поволжских мусульман, которые зачастую откупаясь от своих священнослужителей, вынуждены исповедовать ислам тайно.

Из всех выступлений мусульман, речь Ибрагима Гайдарова была вероятно наиболее резкой и полемичной. Дагестанский оратор высказался резко против попыток правых отстранить инородцев от участия в решении религиозных вопросов, поскольку это отчуждение, как и всевозможные притеснения в вопросах свободы совести, лишь порождают в мусульманском населении децентралистические, сепаратистские настроения. Примечательно и то, что в своем выс-

тушении И.Гайдаров, в немного непривычной для мусульманских ораторов манере, отошел от перечисления отдельных фактов, а высказал принципиальное отношение к проблеме: свобода совести “означает право человека распоряжаться своим внутренним, духовным миром, право его в вере и в неверии, право его образовывать самоуправляющиеся религиозные общины” и она немислима в стране, где применительно к различным религиям используют различные критерии, где царит административный произвол и стойкое желание возродить религиозные преследования и дух инквизиции.⁹⁵ Из всех выступлений мусульманских ораторов речь И.Гайдарова была самой резкой и в то же время наиболее последовательной по сути.

Второе принципиальное изменение, внесенное либеральной частью комиссии (на этот раз меньшинством) и утвержденное Думой, касалось перехода несовершеннолетних детей (от 14 до 21 года), которым такое право предоставлялось с разрешения родителей, усыновителей, опекунов и пр.⁹⁶ Определение веропринадлежности малолетних детей (до 14 лет), исходя из принципа “совесть родителей заменяет совесть детей”, Дума предоставила в исключительное право родителей.

Вероисповедная комиссия также рассмотрела возможность узаконения невероисповедного состояния, но это предложение как весьма преждевременное для России было отклонено большинством членов комиссии.⁹⁷ Во время обсуждения законопроекта в Думе и особенно при его постатейном голосовании эти проблема была поднята вновь. Социал-демократическая фракция внесла дополнение к закону, по которому “каждому лицу, достигшему 21 года, предоставляется право переходить во невероисповедное состояние”.⁹⁸ Однако, даже либеральные депутаты, являвшиеся принципиальными сторонниками признания права внеконфессиональности (В. А. Караулов, П.Н.Милоков, М.Я.Капустин, П.В. Каменский и пр.), в данный момент отвергли поправку социал-демократов, поскольку она предполагала необходимость изменения всего гражданского законодательства.⁹⁹ Наиболее радикальные из наблюдателей оценили это решение депутатов как “сохранение принципа полицейского закрепощения в сфере религиозных отношений” (С. П. Мельгунов).¹⁰⁰ Отказ (хотя бы и временный) ряда либерально-настроенных деятелей от принципа невероисповедности был симптоматичен и свидетельствовал не столько о смене взглядов этих людей,

сколько об изменившихся обстоятельствах – надеяться на это в условиях 1909 г. и при правительстве П.А.Столыпина всерьез могли лишь наивные мечтатели.¹⁰¹ Поэтому вопрос о признании бесконфессионального состояния стал той жертвой, которую согласны были принести либералы в надежде достичь компромисса и провести через законодательные палаты наиболее принципиальные решения.

Таким образом, при обсуждении министерского законопроекта в комиссии, его были внесены значительные изменения, имевшие либеральный характер и в большинстве поддержанные общим собранием Думы, которое утвердило этот законопроект осенью 1909 г.¹⁰² Однако весьма существенной преградой на пути превращения проекта в закон стал Государственный Совет, который более двух лет держал его среди своих бумаг и приступил к его обсуждению только в ноябре 1911 г. Когда законопроект был передан на рассмотрение верхней палаты, наблюдатели от оппозиции высказали предположение, что ожидать положительного исхода и надеяться, что этот проект “станет законом было бы большой наивностью”.¹⁰³ Эти пессимистические ожидания оправдались полностью. Государственный Совет отклонил все изменения, внесенные Думой, и потребовал сохранения министерского варианта законопроекта. Более того, часть сенаторов вообще предлагала “похоронить” данный законопроект как декларацию и вывеску “так называемой и какой-то свободы совести”. Такие выступления имели своих горячих сторонников в реакционной печати: “Московские Ведомости” в лице Л.Тихомирова открыто призывали сенаторов полностью отклонить законопроект. Если же он будет принят хотя бы и в правительственной редакции, “то останется одна надежда на Государя Императора, от Которого зависит неутверждение законопроекта”.¹⁰⁴ Были и такие сенаторы (А.С. Стишинский и пр.), которые предлагали “ре-негатов”, т.е. отпадавших от православия, лишать права поступления на государственную службу, права участия в политических, земских, городских и сословных выборах. Это означало бы не только возвращение к временам до 17 апреля 1905 г., но и более отдаленным, к периоду воинствующей религиозной нетерпимости. Только небольшая часть сенаторов высказывалась за принятие законопроекта и более того настаивала на признании права перехода как **пра-**

ва, а не фактической возможности, “которая всегда может обратиться в фактическую невозможность” (выделено А.Ф.Кони).¹⁰⁵

Таким образом, Госсовет, не внося в думский законопроект никаких изменений в лучшую сторону, в сторону юридического закрепления провозглашенной свободы, на деле лишь ухудшил его. Работа особой согласительной комиссии (24 января 1912 г.) не дала желаемых результатов: ни по одному из основных разногласий соглашения достигнуто не было.¹⁰⁶ Её итоговое заключение содержало в себе изложение различных позиций по наиболее существенным положениям законопроекта. Однако это заключение не было рассмотрено Думой, которая предпочла не обсуждать доклад согласительной комиссии, с тем, чтобы “дать правительству, таким образом, возможность сохранить действующий закон, изданный в порядке 87 статьи Осн. Зак. еще в 1906 г.”.¹⁰⁷ Таким образом, этот проект во время Думы 3-го созыва так и не стал законом, перейдя со всеми бумагами в ведение четвертой Думы.

Немного раньше, до отрицательного решения верхней палаты, глава вероисповедной комиссии П.В. Каменский в своем обзоре, цитируя Гучкова, писал: “принимая или отвергая законопроекты, осуществляющие начала Манифеста 17 октября 1905 года законодательные учреждения прежде всего... ‘выносят приговор себе’ и тот приговор, который они вынесут себе при голосовании вероисповедных законопроектов, ‘подпишет им и история’”.¹⁰⁸ Приговор, вопреки надеждам, оказался весьма неблагоприятным...

§ 4. Вклад IV Государственной Думы в развитие вероисповедного законодательства

IV Дума (1912–1917 гг.) по своему составу не слишком отличалась от предыдущей. Однако бездействие власти, её неспособность справиться с нарастающим кризисом, особенно усилившемся в годы первой Мировой войны, привели к тому, что даже традиционно проправительственные фракции (например, октябристы) перешли в оппозицию. Правительство же, шло по пути внесения в Думу второстепенных законопроектов, касающихся в основном частных вопросов (т. н. “вермишель” по меткому выражению В. А. Маклакова или “закончики” по определению С. Ю. Витте).¹⁰⁹ В частности в

1912–1914 гг. было внесено около 2000 подобных законопроектов. Не была исключением и деятельность вероисповедной комиссии, которую возглавил националист, бывший чиновник Захарий Благоданов.¹¹⁰

Для мусульманского населения империи последняя Дума была еще менее удачной в количественном плане. Всего в Думу было избрано семь (7) депутатов-мусульман, из них только шестеро (6) вошли в мусульманскую фракцию. В вероисповедной комиссии мусульманскую фракцию на этот раз представлял Гайса Еникеев.

Вообще, в целом состав вероисповедной комиссии по сравнению с предыдущей Думой, изменился довольно кардинально: из 35 членов комиссии, например, числившихся на конец 5 сессии Думы 3-го созыва в IV Думе осталось всего 5 депутатов в 1-ую и 4 – во 2 сессии,¹¹¹ что безусловно приводило к отсутствию преемственности в работе комиссии.

По сути, в период работы IV Думы полноценными были только первые две сессии, когда комиссия заседала по 11–12 раз в сессию. С началом войны Дума работала крайне нерегулярно, что отразилось и на деятельности данной комиссии, собиравшейся в 4-ую сессию 2 раза, в 5-ую – один раз, а в 3-ю – ни разу. Впрочем, в это время основное законодательство осуществлялось правительством помимо Думы¹¹², которая все больше превращалась в легальную трибуну оппозиции. Даже до войны комиссия не сделала практически ничего значительного, а лишь “обсуждала законопроекты по частным вопросам деятельности различных конфессий и уклонялась от выработки законопроекта о свободе совести”.¹¹³

Так, в период работы 1 сессии IV Думы на рассмотрение комиссии находилось 11 законопроектов и 1 законодательное предположение “о свободе совести”, внесенное 32 членами фракции народной свободы.¹¹⁴

Из этих 11 законопроектов были рассмотрены и переданы на общее заседание Думы два (по решению комиссии они были объединены): “Об упорядочении гражданско-правового положения старообрядцев и сектантов, браки которых не записаны в метрические книги” и “Об узаконении браков, заключенных по обрядам инославных и иноверных исповеданий лицами, числившимися православными до издания Высочайшего указа 17 апреля 1905 г., происшедшего от сих браков потомства”.¹¹⁵ Доклад по этим проектам был представлен членом

комиссии С. В. Величко 4 апреля 1913 г. Один законопроект, называвшийся *“Об увеличении содержания прокурора Эчмиадзинского армяно-грегорианского Синода”*, был рассмотрен и передан на утверждение бюджетной комиссии. Также рассмотрен законопроект *“Об упорядочении способов отбывания повинностей в пользу духовенства евангелическо-лютеранской церкви...”*, но составление доклада по нему не было завершено.

Но самое главное, что еще пять законопроектов:

– *“Об инославных и иноверных вероисповедных общинах и обществах”*;

– *“О разрешении совершения инославных и иноверных богослужений и богомолений и сооружения, устройства, возобновления и починки инославных и иноверных молитвенных зданий”*;

– *“О римско-католических монастырях”*;

– *“Об отмене содержащихся в действующем законодательстве ограничений, политических и гражданских, находящихся в зависимости от принадлежности к инославным и иноверным исповеданиям, а в том числе и к старообрядчеству и к отделившимся от православия сектам, а равно законоположений, допускающих вмешательство гражданской власти в духовные отношения частных лиц”*;

– *“Об установлении особого сбора в пользу канцелярских чинов евангелическо-лютеранской генеральной консистории и на квартирные и хозяйственные надобности генеральной, С.-Петербургской и Московской консисторий, а также об увеличении оклада содержания вице-президенту генеральной консистории”*; были взяты МВД обратно.¹¹⁶

Из этих пяти законопроектов, первые два и четвертое носили весьма принципиальный характер и должны были снять ограничения, существовавшие в прежнем законодательстве. Более того, первый законопроект уже был рассмотрен Думой 3-го созыва и даже принят ею, однако натолкнувшись на противодействие Государственного Совета, он был возвращен обратно в комиссию на повторное рассмотрение. Еще один законопроект с аналогичной судьбой – *“Об изменении законоположений, касающихся переходов из одного исповедания в другое”*, а также *“Проект правил о старообрядческих и сектантских общинах (в отношении сектантов)”* и одно законодательное предположение к концу сессии так и остались нерассмотренными среди бумаг комиссии.

Во время работы **2 сессии** (1913–1914 гг.) комиссия провела 11 заседаний и на ее рассмотрение оставалось 4 законопроекта и 1 законодательное предположение (кадетский проект о свободе совести). Из них два законопроекта, рассмотренных еще в I сессию, были наконец представлены на утверждение Думы (*“Об упорядочении способов отбывания повинностей в пользу духовенства...”* 20 ноября 1913 г. и *“Об увеличении содержания прокурора...”* 31 мая 1914 г.), а два остались нерассмотренными (*“Проект правил о старообрядческих и сектантских общинах”*) или же их рассмотрение не было доведено до конца (*“Об изменении законоположений, касающихся переходов из одного исповедания в другое”*).¹¹⁷

Интересен ход обсуждения в комиссии последнего законопроекта – “о переходе”. Несмотря на то, что проект уже был обсужден и одобрен как вероисповедной комиссией, так и общим собранием III Думы (см. § 3), вся процедура была повторена заново. Вновь правые (например, еп. Анатолий) заговорили об опасности для государства и господствующей церкви, таящейся в этом законопроекте, о том, что государство должно относиться различно к различным религиям и пр. В итоге их предложения сводились, как минимум, к увеличению сроков “увещаний”, сделав эти “увещания” обязательными, или же даже предлагалось вернуть законопроект в правительство для доработки, что было отвергнуто большинством членов комиссии.¹¹⁸ В результате многодневных прений пп. 1, 2 и 3 законопроекта были одобрены вероисповедной комиссией в редакции III Думы.¹¹⁹ При этом, соотношение между противниками и сторонниками свободного перехода было приблизительно равно – в частности, 1 пункт был принят 17 голосами против 11.

Представлявший в вероисповедной комиссии мусульманскую фракцию, Гайса Еникеев в своей защите законопроекта руководствовался директивами фракции и присоединился к либеральной позиции большинства комиссии.¹²⁰

Весьма красноречивы аргументы представителей государственных органов. Так заместитель министра внутренних дел г. Золотарев при представлении законопроекта заявил, что указ 17 апреля “провозгласил свободу внутреннего исповедания, а не свободу внешнего оказательства. Поэтому, возможно лишь невмешательство государства во внутреннее исповедание той или иной религии. Государство может **молчаливо и фактически** признавать переход из од-

ного исповедания в другое, не вмешиваясь в дело совести каждого отдельного человека. Если же переход из христианства в нехристианство будет **узаконен, то это явится вмешательством государства** (выделено мной – Д.У.) в дела веры”.¹²¹ Поразительная логика, оправдывавшая неспособность запретить и прикрывавшая нежелание разрешить... К тому же очевидна противоречивость подобной позиции.

Предложение с.-д. М.И.Скобелева (поддержанное П.Н.Милкоковым) внести в закон поправку о признании вневероисповедного состояния было вновь отклонено комиссией 14 голосами против 5.¹²²

Однако, к концу работы 2-й сессии (май 1914 г.) этот законопроект так и оставался среди нерасмотренных до конца бумаг. Неприятие законопроекта “о переходе” привело к сохранению практики, когда судьба отпадавших была в руках местной администрации, а следовательно “**фактическая возможность**” в любое время, по воле власти, могла превратиться и нередко превращалась в “**фактическую невозможность**”, против чего выступали либеральные правове-ды и сторонники гражданского общества (А.Ф.Кони и др.).

Наконец, в феврале 1916 года была сделана последняя попытка активизировать эту работу: группа депутатов выступила за отмену национально-религиозных ограничений. Однако все без исключения министры высказались против разработки такого законопроекта, в лучшем случае предлагая отложить решение проблемы до окончания войны.¹²³

§ 5. Проекты реформирования органов религиозного управления мусульман России

Многообразные религиозные проблемы, привлекавшие пристальное внимание депутатов-мусульман, можно условно поделить на две большие группы: вопросы, связанные с “внутренней” религиозной жизнью мусульманского населения страны, а также ее “внешние” аспекты.

Последние, непосредственно связанные с правительственными законопроектами (прежде всего, регулировавшими переход из одного исповедания в другое, свободу проповеди, механизм функционирования религиозных объединений и пр.), были ориентированы

на расширению границ веротерпимости и вряд ли речь могла идти об установлении свободы совести в полном смысле этого слова. Депутаты-мусульмане не выступали ни за признание вневероисповедного состояния, ни за ликвидацию конфессионального государства. Не покушались они и на преимущественные права православия. Речь скорее шла о признании равноправия вероисповеданий как составной части гражданского равноправия путем снятия существующих ограничений и ликвидации преследований по религиозному признаку. Но и эти скромные требования оказались не реализованными, поскольку печальная участь большинства либеральных законопроектов о свободе совести хорошо известна.

Казалось бы сугубо “внутренние духовные дела” также находились в определенной зависимости от правительственной политики.¹²⁴ Речь шла о необходимости реформирования органов религиозного управления (прежде всего Оренбургского Духовного Собрания) в соответствии с нуждами и потребностями мусульманского населения, что было в принципе невозможно без соответствующего на то согласия правительственных структур. Именно поэтому эти вопросы не были решены, несмотря на неоднократное обращение к ним представителей фракции и мусульманской общественности в целом.

Впервые всеобъемлюще данная проблема была поднята на всероссийских мусульманских съездах 1905–1907 гг., которые среди прочих вопросов, обсудили и приняли широкую программу реформирования управления духовными делами мусульман (принят третьим мусульманским съездом 15 августа 1906 г.). В числе основных пунктов программы был вопрос о выборности муфтиев и об уравнении мусульманского духовенства в правах с православным.¹²⁵ Известно, что в эти же годы было подготовлено еще несколько сходных документов: состоявшееся в 1906 г. в Тифлисе собрание духовных и светских представителей мусульман-суннитов и шиитов Закавказья приняло проект положения об управлении кавказского мусульманского духовенства (суннитского и шиитского толка, автор вероятнее всего – Али-Мардан Топчибашев)¹²⁶; Юсуф Акчура в 1907–1908 гг. разрабатывал законопроект о реформе прихода¹²⁷. Вероятно, эти решения должны были стать основной программой и для мусульманской фракции. Однако, вследствие кратковременности работы первых двум Дум и неподготовленности депутатов-мусульман, естественно, они даже не прозвучали с думской трибуны.

Реакционный поворот в правительственной политике, ставший очевидным с 1908 года, сделал практически невозможным их реализацию в полной мере. Поэтому, представители мусульманской фракции озвучивали лишь те или иные положения.

Например, весной 1908 г. при обсуждении бюджета МВД председатель мусульманской фракции Кутлуг-Мухаммед Тевкелев поднял вопрос о положении ОДС, подчеркнув, что правительство не придает никакого значения улучшению материального положения мусульманского духовенства. Одновременно оратор высказал пожелание, что будет проведена “реорганизация мусульманских органов управления в соответствии с нуждами мусульманского духовенства”.¹²⁸ Через год, при обсуждении сметы МВД на 1909 г., представитель фракции Садри Максуди вновь начал свое выступление со слов о неудовлетворительном финансировании мусульманского духовенства, красноречиво характеризующим отношение к нему правительства. Однако недостаточное финансирование – лишь “верхушка айсберга”, часть комплекса проблем, разрешение которых упирается в необходимость коренной реформы всей системы органов религиозного управления.¹²⁹ Причем, если в период второй Думы в 1907 г. власти, в лице директора Департамента Иностранных Исповеданий Владимирова, признавали необходимость преобразований, то по мере “усмирения страны” все проекты отодвигались в сторону, а ходатайства мусульман стали рассматриваться как “незаконное домогательство”.¹³⁰ Кроме того, Садри Максуди обратил внимание на отсутствие в высшей законодательной палате представителей многомиллионного мусульманского населения и выступил с предложением, чтобы правительство внесло в Думу проект о предоставлении доступа в Государственный Совет высшему мусульманскому духовенству.¹³¹ Пока же такую льготу имело лишь православное духовенство.

После завершения работы III Думы в июне 1912 г. член вероисповедной комиссии Думы 2-го и 3-го созывов Мухаммед-Шакир Тукаев опубликовал отчет о работе данной комиссии, где вновь прозвучало сожаление мусульманского населения страны о том, что правительство так и не внесло ожидаемый законопроект о реформе ОДС.

В 1912–1913 гг. члены мусульманской фракции, по-видимому, продолжали работать над сбором различных материалов, необхо-

димых для составления проекта по реформированию ОДС.¹³² С этим связаны их неоднократные обращения к населению и в ОДС.

В конце 1913 г. в татарских общественных кругах стали распространяться сведения о том, что правительство в лице Департамента Духовных Дел Иностранного Исповедания занято разработкой ряда вопросов, касающихся духовных дел мусульманского населения страны.¹³³ Среди этих вопросов основными являются: организация духовных правлений в тех местностях, где они отсутствуют (Закавказье и Степной край), реформа штатов существующих правлений и упорядочение положений мусульманских конфессиональных школ. По мнению татарской прессы, эти вопросы настолько важны для мусульман, что при их рассмотрении правительство не может и не должно ограничиваться прежними, совершенно неудовлетворительными, формами разработки законопроектов (через особые совещания, в которых роль самих мусульман крайне ничтожна). Следовательно, необходимо привлечь максимально широкий круг лиц из мусульман, не ограничиваясь духовенством, и дать возможность устроить специальное совещание для всестороннего обсуждения поднятых вопросов.¹³⁴ Когда же в середине апреля 1914 г. в официальной прессе (газете “Россия”) появилось сообщение о начале с 29 апреля работы при МВД “межведомственного совещания по мусульманским делам” (под председательством зам. министра Золотарева) и были оглашены вопросы, подлежащие рассмотрению этим совещанием¹³⁵, татарская общественность оказалась крайне неудовлетворенна, поскольку наиболее важные проблемы игнорировались.

Видимо, это известие подстегнуло мусульманскую общественность к более решительным действиям: чуть позднее, в апреле-мае 1914 г. председатель мусульманской фракции Кутлуг-Мухаммед Тевкелев подал прошение на проведение мусульманского совещания и оно было удовлетворено.

Разрешение было дано при соблюдении следующих условий:

- совещание должно быть закрытым, в присутствии представителя Департамента Духовных Дел Иностранных Исповеданий;
- совещание должно быть созвано в середине июня (в 15–25-х числах);
- количество участников не должно превышать 35 человек и их список должен быть представлен в министерство за месяц;

– программа совещания должна быть ограничена следующими вопросами: пересмотр действующих законоположений о мусульманских духовных правлениях и разработка основных положений их реорганизации.¹³⁶

Съезд представителей мусульманских общественных организаций, как и планировалось, состоялся 15–25 июня 1914 г. и был признан четвертым мусульманским съездом, продолжившим и развившим начинания предыдущих трех.¹³⁷ Один из ведущих ораторов, выступавших на съезде – Али-Мардан Топчибашев – еще раз обратил внимание делегатов на бездеятельность властей, которые в течение многих лет работы Думы не пожелали представить на его рассмотрение законопроекты, касающиеся духовных дел мусульман, что свидетельствовало об элементарном игнорировании их интересов.¹³⁸

Основными докладчиками на съезде стали депутаты IV Думы Ибниямин Ахтямов (доклады об ОДС и управлении сибирскими мусульманами, а также обзор основных существующих проектов) и Мамед Джафаров (о закавказских мусульманах), редактор газеты “Милләт” Исмагил Леманов (о Таврическом духовном правлении); бывшие депутаты Садри Максуди (об основных положениях реформы управления духовными делами мусульман России), Султан-Вахид (Бахыджан) Каратаев (о положении казахов), Али-Мардан Топчибашев и др. Работа съезда-совещания проходила по трем основным секциям: организационной, по духовно-учебным делам и вакуфной. И хотя многие из поднятых вопросов не были до конца разработаны, в итоге съезд принял проект “Положения об управлении духовными делами мусульман Российской империи” (из десяти резолюций).¹³⁹ Данный проект также не носил окончательного характера и был открыт для доработки и изменений. Однако он стал тем документом, на основании которого “мусульманская фракция могла бы определить свою позицию в вопросе о реорганизации и согласно с ним направить свои действия, не зависимо от того, найдено ли будет целесообразным самой фракции составительное предположение и внести его в Госуд. Думу или же придется ей выступать с поправками к правительственному законопроекту, если таковой будет внесен и рассмотрен в IV Думе.”¹⁴⁰

Таким образом, состоявшимся накануне первой мировой войны мусульманским съездом была вновь поднята проблема реформи-

рования органов религиозного управления и превращения их в органы самоуправления, однако и на сей раз приоритетное право оставалось за государственными органами. Судя по упомянутым документам и газетным публикациям, мусульманская фракция не имела готового для немедленного внесения в Думу законопроекта и зависела от правительственных чиновников. Тем более, что внесение законопроекта в качестве думской инициативы (по ст. 55), без предварительного соглашения и согласия со стороны правительства, в условиях крайнего неприятия правым крылом Думы и Совета подобных действий, заранее обрекало проект на бесславный конец. Такова была политическая реальность, имевшая с 1907 г. стойкую тенденцию к усилению неблагоприятных для мусульман (и инородцев в целом) условий. Мусульманские депутаты (С. Максуди, Ибн. Ахтямов и пр.) отлично осознавали и не могли игнорировать это в своей деятельности.

Однако дело осложнялось позицией власти, которая прикрываясь “принципом невмешательства” (особенно когда дело касалось окраинных мусульман), использовала его для ослабления мусульманского движения, попутно, по мере возможности, активно применяя репрессивные меры против стремления исламского мира к новой жизни. Именно поэтому религиозная жизнь ряда мусульманских окраин (Закавказье¹⁴¹, Степной край, Туркестан¹⁴²), несмотря на все проекты и ходатайства, оказалась вне какой-либо организации, а реформа ОДС постоянно затягивалась. Начавшаяся вскоре мировая война сделала быстрое разрешение намеченных вопросов еще более неосуществимым.

Новый мощный импульс данная проблема получила в 1915 г. После неожиданного, вопреки негативному мнению общественности, назначения муфтием ОДС Сафы Баязитова, в татарской прессе прошла целая кампания протеста против столь непопулярного решения властей.¹⁴³ Многочисленные публикации и бурная дискуссия в газетах “Кояш”, “Вақыт”, “Йолдыз” и пр. позволили цензорам ГУП сделать вывод о том, что в 1915 году “наиболее выдающимся событием в татарском мире ... являлась смерть мусульманского муфтия и назначение ему нового преемника в лице Сафы Баязитова”.¹⁴⁴ Большинство ведущих татарских изданий откликнулись на эту новость публикациями, в которых кроме критики, поднимался вопрос о выборности муфтия и остальных религиозных должностных

лиц.¹⁴⁵ Эта проблема усилила внимание общественности к делам мусульманской фракции, против бездеятельности и “преступно-спокойной” позиции которой был направлен целый поток критических публикаций.¹⁴⁶ Тогда же ряд представителей мусульманской общественности г. Казани послали в Петроград на имя председателя мусульманской фракции Кутлуг-Мухаммеда Тевкелева телеграмму с настоятельным требованием употребить все свое влияние на то, чтобы негодный мусульманам Сафа Баязитов был смещен с поста муфтия ОДС, а фракция внесла наконец-то в Думу законопроект “об установлении выборного начала при определении муфтия”. Среди подписавших были бывшие депутаты Саид-Гирей Алкин, Садри Максуди, а также известные общественные деятели Валидхан Таначев, Гафур Кулахметов, Габделбари Баттал, Фахрелислам Агеев, Ахмет-Гарай Хасани, Ибрагим Биккулов, Фуад Туктаров, Гильмутдин Шараф, Ильяс Алкин, Ахмед Урманчеев и др.¹⁴⁷

Однако все эти критические публикации и различные предложения так и остались не реализованными, причиной чему была как маломощность и бездеятельность фракции, так и непреклонная позиция властей, априори отвергавшей любые реформаторские устремления.

Примечания.

1. См. например, обзор некоторых из взглядов на содержание понятия религиозная свобода: *Познышев С. В.* Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. К реформе нашего законодательства о религиозных преступлениях. М., 1906, с. 3–5.
2. *Руффини Ф.* Религиозная свобода. История идеи. СПб., 1914, с. 11–15.
3. *Руффини Ф.* Религиозная свобода..., с. 16–17. Термин “свобода совести ассоциации” принадлежит Александру Винэ, реформаторскому богослову и историку литературы 1-й пол. XIX в., лидеру движения за создание независимой церкви.
4. *Кони А. Ф.* Веротерпимость..., с. 188–202.
5. Цит. по: *Ширяев В.* Свобода совести..., с. 506.
6. *Познышев С. В.* Религиозные преступления..., с. 93–95.
7. Цит. по: *Мельгунов С. П.* Старообрядцы и свобода совести. О необходимости для старообрядцев отделения церкви от государства. М., 1917.
8. См. например: *Тимашев Н. С.* Религиозные преступления по действующему праву. Пг., 1916, с. 103.
9. Выделено Л.Тихомировым. См.: Принципы вероисповедного законодательства // Московские Ведомости, 1909, № 269. Цит. по: *Тихомиров Л.* К реформе обновленной России. (Статьи 1909, 1910, 1911 гг.) М., 1912, с. 42–45.
10. В дебрях вероисповедного вопроса // Московские Ведомости, 1911, № 271. Цит. по: *Тихомиров Л.* К реформе обновленной России..., с. 181–182.

11. Цит. по: *Руффини Ф.* Религиозная свобода..., с. 8.
12. Цит. по: *Рейснер М. А.* Государство и верующая личность, с. 160.
13. *Рейснер М. А.* Государство и верующая личность, с. 157.
14. Цит. по: *Рейснер М. А.* Государство и верующая личность, с. 198.
15. Безусловно, поскольку Россия была “веротерпимым государством”, хотя это и была “полицейская веротерпимость”, нередко наблюдались колебания официальной доктрины и даже отход от нее в сторону либеральных послаблений и ослабления полицейской опеки. Тем не менее попытки изменения ее как системы относятся только к началу XX в.
16. *Рейснер М. А.* Государство и верующая личность, с. 416, 418.
17. В частности важнейшее положение гласило, что “отпадение от православия в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий”. См.: Законодательные акты переходного времени..., с. 34.
18. *Каменский П. В.* Вероисповедные и церковные вопросы..., с. 10.
19. Законодательные акты переходного времени..., с. 37.
20. Этому совещанию под председательством ген.-адъютанта графа Игнатьева, предстало “привести в соответствие с господствующим полицейско-бюрократическим режимом принципы веротерпимости”. Цит. по: *Мельгунов С. П.* Церковь и государство в России..., с. 95. Эти слова были написаны С. Мельгуновым в июле 1905 г.
21. Законодательные акты переходного времени..., с. 46–47.
22. Законодательные акты переходного времени..., с. 89–90.
23. Хокук вә хаят, 1913, № 8, 20 января. Таким образом, это “временное правило” действовало, как минимум, до 1912 г.
24. *Жижиленко А.*, Закон 14 марта 1906 года о введении в действие нового уголовного уложения для преступлений религиозных // Право, 1906, № 15, 16 апреля, с. 1341.
25. *Жижиленко А.*, Закон 14 марта 1906 года..., № 15, 16 апреля, с. 1341–1346; № 16, 23 апреля, с. 1435–1442.
26. *Мельгунов С. П.* Через год. / Церковь и государство в России... Вып. 1, с. 147–152.
27. Вестник Европы, 1907, том V, № 9, с. 361–362.
28. *Селунская Н. Б.*, ... Становление Российского парламентаризма..., с. 167.
29. Государственная Дума. Второй созыв. Обзор деятельности..., Приложение, с. 548.
30. *Селунская Н. Б.*, ... Становление Российского парламентаризма..., с. 168.
31. Законодательные проекты и предположения ..., с. 8.
32. *Усал М.-Ф.* Беренче, икенче вә оченче Думада..., с. 111.
33. Государственная Дума. Второй созыв. Обзор деятельности..., с. 111.
34. *Демин В. А.* Государственная Дума..., с. 114.
35. Государственная Дума. Второй созыв. Обзор деятельности..., с. 111.
36. Государственная Дума. Второй созыв. Обзор деятельности..., с. 111;
37. *Каменский П. В.* Вероисповедные и церковные вопросы..., с. 11.
38. Цит. по: *Каменский П. В.* Вероисповедные и церковные вопросы..., с. 65.
39. Цит. по: *Мельгунов С. П.* Церковь и государство в России..., с. 17–18. Эти опасения были высказаны им в ноябре 1907 г., после обнародования правительственной декларации о свободе совести.

40. *Каменский П.В.* Вероисповедные и церковные вопросы..., с. 65–66; Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. Часть вторая. Законодательная деятельность, с. 53–54.

41. Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. Часть вторая. Законодательная деятельность, с. 53–54.

42. Цит. по: *Мельгунов С.П.* Церковь и государство в России..., с. 12.

43. Цит. по: *Мельгунов С.П.* Церковь и государство в России..., с. 13.

44. *Козбаненко В.А.* Партийные фракции..., с. 177.

45. *Демин В.А.* Государственная Дума..., с. 47.

46. Государственная Дума. Второй созыв. Обзор деятельности..., с. 111.

47. Государственная Дума. Второй созыв. Обзор деятельности..., с. 112.

48. Государственная Дума. Второй созыв. Обзор деятельности..., с. 113–117.

49. III ГД. Стенографический отчет. 1909 г. Сессия вторая. Часть IV, с. 2995–2996. (Из выступления П.Каменского в третьей Думе при постатейном чтении и принятии законопроекта “о переходе из одного исповедания в другое”.)

50. Вестник Европы, 1908, № 9, с. 349–350.

51. *Каменский П.В.* Вероисповедные и церковные вопросы..., с. 15.

52. *Каменский П.В.* Вероисповедные и церковные вопросы..., с. 15. Надо сказать, что избрание православного священника, епископа (позднее архиепископа) Евлогия председателем данной комиссии было осуществлено без учета мнения депутатов-мусульман и было крайне негативно встречено мусульманской общественностью. Члены мусульманской фракции выразили свой протест, считая, что возглавлять работу данной комиссии должно не духовное, а светское лицо. Естественно, отказ еп. Евлогия от этого поста был с одобрением воспринят как членами фракции, так и мусульманской печатью. См.: Боянелхак, 1908, № 322, 20 мая. Весьма интересна и причина отказа Евлогия от председательства – он (отказ) последовал после того, как выяснилось, что сторонников реакционного Синода в комиссии явное меньшинство. См.: *Мельгунов С. П.* Церковь и государство в России..., с. 60.

53. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия II. 1908–1909 гг. СПб., 1909, с. 57; Сессия III. 1909–1910 гг. СПб., 1910, с. 81; Сессия IV. 1910–1911 гг. СПб., 1911, с. 78; Сессия V. 1911–1912 гг. СПб., 1912, с. 97.

54. Так как состав членов комиссии немного менялся, то в качестве примера были взяты данные по 2-й сессии, т.е. в начале работы третьей Думы. В целом, эти данные характерны для всего периода работы комиссии. Подсчет произведен мною по данным следующих изданий: Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. 1907–1912 гг. Часть первая. Общие сведения. Приложение 1- Общий алфавитный список членов Государственной Думы III-го созыва, с. 2–65; Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия II, с. 97.

55. Цит. по: *Мельгунов С. П.* Церковь и государство в России..., с. 49, 54.

56. *Мельгунов С. П.* Церковь и государство в России..., с. 50.

57. Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. Часть вторая. Законодательная деятельность, с. 54.

58. Власть и реформы..., с. 610.

59. Так как опубликованных обзоров по работе Думы в первую сессию нет и учитывая ее несколько организационный характер, представляется возможным пока обойти ее вниманием.

60. *Каменский П.В.* Вероисповедные и церковные вопросы..., с. 36; III ГД. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия вторая. Часть IV, с. 1006–1421.

61. *Каменский П.В.* Вероисповедные и церковные вопросы..., с.64–65; Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия III, с. 58–60; III ГД. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия вторая. Часть IV, с. 1740.

62. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия II, с. 57–61.

63. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия III, с. 81.

64. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия IV, с. 78–81

65. Стал законом 16 июня 1913 г. См.: Проекты законов, одобренные Государственной Думой. Четвертый созыв. Сессия I, с. 141–145.

66. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия V, с. 96–103.

67. *Демин В.А.* Государственная Дума..., 118–119.

68. Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. Часть вторая. Законодательная деятельность, с. 53–54, 66.

69. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия V, с. 103.

70. Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. Часть вторая. Законодательная деятельность, с. 66.

71. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия V, с. 96–103.

72. Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. Часть вторая. Законодательная деятельность, с. 53.

73. Данный законопроект стал первым из числа вероисповедных, что был вынесен на общее собрание Думы.

74. III ГД. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия вторая. Часть IV. ст. 1105. Из выступления В.Пуришкевича.

75. Цит. по: *Каменский П.В.* Вероисповедные и церковные вопросы..., с. 45.

76. Цит. по: *Каменский П.В.* Вероисповедные и церковные вопросы..., с. 48.

77. *Каменский П.В.* Вероисповедные и церковные вопросы..., с. 45.

78. III ГД. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия вторая. Часть IV, с. 1274–1276.

79. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия II, с. 58–61; Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. Часть вторая. Законодательная деятельность, с. 55–57; *Каменский П.В.* Вероисповедные и церковные вопросы..., с. 64–106.

80. Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. Часть вторая. Законодательная деятельность, с. 53, 55–57.

81. Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. Часть вторая. Законодательная деятельность, с. 55.

82. Из доклада П.В.Каменского общему собранию. См.: III ГД. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия вторая. Часть IV, с. 1746.

83. *Каменский П.В.* Вероисповедные и церковные вопросы..., с. 72; Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. Часть вторая. Законодательная деятельность, с. 55.

84. *Каменский П.В.* Вероисповедные и церковные вопросы..., с. 72; Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия II, с. 59.

85. III ГД. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия вторая. Часть IV, с. 1949.

86. Цит. по: *Каменский П.В.* Вероисповедные и церковные вопросы..., с. 86.

87. Вестник Европы, 1909, № 7, с. 370–371; Евлогий / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Москва, 1994, том 5, с.30–31.

88. III ГД. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия вторая. Часть IV, с. 1766.

89. III ГД. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия вторая. Часть IV, с. 1753–1764.

90. III ГД. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия вторая. Часть IV, с. 2024.

91. Цит. по: *Тихомиров Л.*, К реформе обновленной России..., с. 172.

92. III ГД. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия вторая. Часть IV, с. 1785–1786.

93. III ГД. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия вторая. Часть IV, с. 1798–1802, 1834–1837, 2002–2007, 2019–2022.

94. *Каменский П.В.* Вероисповедные и церковные вопросы..., с. 84–86.

95. III ГД. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия вторая. Часть IV, с. 2019–2022.

96. *Каменский П.В.* Вероисповедные и церковные вопросы..., с. 89–94; Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. Часть вторая. Законодательная деятельность, с. 55–56.

97. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия II, с. 59.

98. III ГД. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия вторая. Часть IV, с. 2118.

99. “Считаясь с нашим действующим законодательством, убоившись большой и трудной задачи пересмотра всех наших законов, я не решился идти так далеко, как мои предшественники” – оправдывал глава вероисповедной комиссии П.В.Каменский отказ включать в обсуждаемый проект нормы внеисповедного права. См.: III ГД. Стенографические отчеты. 1909 г. Часть IV, с. 2996.

100. *Мельгунов С. П.* Церковь и государство в России..., с. 61.

101. При том, что летом 1906 года Министерство внутренних дел “было готово идти очень далеко и признать право на бесконфессиональное состояние и гражданский брак”. См.: Власть и реформы..., с. 608.

102. Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. Часть вторая. Законодательная деятельность, с. 56–57.

103. *Неманов Л.* Итоги деятельности третьей Г. Думы // Ежегодник газеты Речь на 1912 год. СПб., 1911 (декабрь), с. 105.

104. Цит. по: *Тихомиров Л.* К реформе обновленной России..., с. 169.

105. Цит. по: *Кони А.Ф.* О переходе из одного исповедания веры в другое. (Речь на заседаниях Государственного Совета 4, 9, 11 и 16 ноября 1911 г.) / На жизненном пути. Том II, СПб., 1913, с. 559, 562, 577.

106. Хроника / Ежегодник газеты Речь на 1913 год. СПб., 1912 (декабрь), с. 496.
107. *Озерский С.* Труды Государственного Совета / Ежегодник газеты Речь на 1913 год..., с. 245.

108. Цит. по: *Каменский П.В.* Вероисповедные и церковные вопросы..., с. 106; III ГД. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия вторая. Часть IV, с. 1386.

109. *Маклаков В.А.* Вторая Государственная Дума...; *Демин В.А.* Государственная дума..., с. 52.

110. *Демин В.А.* Государственная дума..., с. 127.

111. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Четвертый созыв. Сессия I, с. 178; Сессия II, с. 186.

112. По данным В.С. Дякина, до войны, в 1906–1914 гг. по ст. 87 было издано 86 постановлений (60 в период первого междудумья и 26 после 3 июня 1907 г.), а к 8 февраля 1917 г. число подобных постановлений, изданных только **за время войны**, достигло 654, из которых 22 утратили силу по разным причинам. См.: *Дякин В.С.* Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906–1914 гг.) / Вспомогательные исторические дисциплины. Выпуск VII. М., 1976, с. 270.

113. *Демин В.А.* Государственная дума..., с. 127.

114. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Четвертый созыв. Сессия I, с. 178, 181. Этот проект был внесен в порядке думской инициативы и был признан депутатами “желательным”, следовательно передан в соответствующую комиссию для дальнейшей работы. См.: *Неманов Л.* Труды Государственной Думы. / Ежегодник газеты Речь на 1914 год. СПб., 1913 (декабрь), с. 168.

115. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Четвертый созыв. Сессия I, с. 178–179.

116. В представлении Министерства внутренних дел инициатор этой акции глава ведомства Н.А.Макаров писал, что “неотложный пересмотр вышеупомянутых ограничительных узаконений не вызывается потребностями жизни”. Цит. по: Власть и реформы..., с. 610.

117. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Четвертый созыв. Сессия II, с. 186–187.

118. Хроника // Право, 1914, № 10, 9 марта, с. 801; № 12, 23 марта, с. 1007; № 13, 30 марта, с. 1088.

119. Хроника // Право, 1914, № 11, 16 марта, с. 926; № 12, 23 марта, с. 1007; № 13, 30 марта, с. 1088.

120. Миллэт, 1914, № 6, 20 марта; № 15, 20 октября.

121. Хроника // Право, 1914, № 10, 9 марта, с. 800–801.

122. Хроника // Право, 1914, № 13, 30 марта, с. 1088.

123. Власть и реформы..., с. 630.

124. См. подробнее: *Усманова Д.* Неродное дитя империи. Взаимоотношения Духовного собрания мусульман с государственной властью. // Татарстан, 1997, № 1, с. 73–80.

125. *Усманова Д.* Неродное дитя империи..., с. 76–77.

126. Миллэт, 1914, № 13, 30 мая, с. 7. По некоторым сведениям, находясь в тюрьме за подписание Выборгского воззвания, А.-М.Топчибашев продолжал работу над проектом реформы органов религиозного управления. См.: *Алисов Г.* Мусульманский вопрос в России..., с. 55.

127. Миллэт, 1914, № 10, 17 мая, с. 1.
128. Казан мөхбире, 1908, № 278, 5 мая.
129. III ГД. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия вторая. Часть II, с. 2371–2377.
130. III ГД. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия вторая. Часть II, с. 2373.
131. III ГД. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия вторая. Часть II, с. 3096.
132. Хокук вә хаят, 1913, № 7, 31 мая.
133. Предстоящее обсуждение духовных дел мусульман // Миллэт, 1913, № 1, 28 декабря, с. 3.
134. Миллэт, 1913, № 1, 28 декабря, с. 4.
135. Миллэт, 1914, № 8, 14 апреля, с. 1.
136. Миллэт, 1914, № 10, 17 мая, с. 1; № 11, 30 мая, с. 1.
137. Миллэт, 1914, № 13, 21 августа, с. 3–8; Работа съезда подробно освещалась татарской прессой, нередко с критическими замечаниями. Некоторые выступления ораторов переизданы в последнее время. См.: А.Топчибашев: “Нас не только игнорируют, но нам и не доверяют вовсе”. Доклад известного общественного деятеля на мусульманском съезде в 1914 году // Гасырлар авазы – эхо веков, 1997, № 1/2.
138. А.Топчибашев: “Нас не только игнорируют..., с. 79.
139. Миллэт, 1914, № 13, 21 августа, с. 7–8.
140. Цит. по: Миллэт, 1914, № 13, 21 августа, с. 4.
141. См. например статьи А.Цаликова: *Цаликов Ах.* Религиозно-культурные нужды горцев / Кавказ и Поволжье. М., 1913, с. 147–156; *Он же,* О мусульманских духовных учреждениях / Там же, с. 157–165.
142. Например, в Положении об управлении Туркестанским краем ничего не сказано о мусульманском духовенстве, его статусе, правах и обязанностях. Это умалчивание выдавалось властями как “невмешательство во внутренний религиозный быт местного населения.” См.: *Миллица* О мусульманском движении // Вестник Европы, 1912, № 8, с. 358.
143. См. например: Вокруг муфтийства // Кармак, 1915, № 13, 1 июля; Оренбург, 15 августа // Кармак, 1915, № 16, 15 августа; Мысли казанского мусульманского духовенства о проблеме муфтия // Дин вә әдәб, 1915, № 15, 30 июня (а также ряд статей на эту же тему в №№ 16, 17, 18, 20 и пр.) и пр.
144. ЦГИА РФ, Ф. 776, оп. 21, ч. I, 1916 г., д. 123, часть I, “Отчет по периодическим изданиям за 1915 г.”, л.153.
145. Саид-Гирей Алкин, например, аргументировал это требование тем, что в основе ислама преобладает выборное начало при назначении должностных лиц. См.: Муфтий должен быть выборным // Кояш, 1915, № 775, 17 августа.
146. Мусульманская фракция и муфтиат // Йолдыз, 1915, № 1487, 11 августа; Вопрос о муфтии // Кояш, 1915, № 771, 12 августа; Муфтий должен быть выборным // Кояш, 1915, № 775, 17 августа; Злободневное наше желание // Йолдыз, 1915, № 1492, 18 августа; Фракции нужна помощь // Йолдыз, 1915, № 1493, 19 августа; Мусульманская фракция // Кояш, 1915, № 776, 18 августа и пр.
147. Кояш, 1915, № 772, 13 августа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Среди наиболее важных итогов деятельности в Государственной Думе самостоятельной мусульманской фракции пожалуй можно выделить следующие.

Для мусульман, как впрочем наверное и для всего населения империи, это был первый опыт подобной деятельности. И хотя мусульманская фракция была немногочисленна, ее представители обладали небольшим опытом политической деятельности и были сильно ограничены в своих возможностях, тем не менее фракция медленно приобретала необходимые любому развитому обществу навыки парламентской деятельности. Кроме того, был получен своеобразный опыт по избирательной культуре в каждом отдельном регионе.

Формирование в Думе отдельной мусульманской фракции, несмотря на все проблемы, стоявшие перед ней, свидетельствовало о наличии большого числа общих проблем, волновавших мусульманское население страны, демонстрировало возможности совместной координированной деятельности. Были предприняты, хотя не всегда успешные, но очень важные попытки создания межрегиональных контактов на политическом уровне.

В своей деятельности мусульманская фракция шла преимущественно с оппозиционными силами и руководствовалась следующим принципом: “полная свобода национального самоопределения в русском государстве, построенном на правовых началах, возвещенных Манифестом 17-го октября”.¹

В качестве самостоятельной законотворческой силы депутаты-мусульмане были не слишком активны, что объясняется рядом объективных и субъективных причин, как то неблагоприятный порядок выдвижения законопроектов, малочисленность и политическая неискренность представителей фракции и пр. Однако при рассмотрении наиболее важных для мусульман вопросов – религиозного законодательства, проблем народного образования, переселенческой политики и положения национальных окраин, вопроса о

праздничных днях и др. – единство членов мусульманской фракции было вполне очевидно.

Деятельность фракции подробно освещалась всей мусульманской прессой и не столь многочисленной специальной литературой, которая остается пока еще малоизученной. Но она содержит богатый материал, раскрывающий общественное сознание мусульманских народов империи, общее и особенное в нем, их взгляды на проблемы взаимодействия всех мусульманских народов России в контексте единого культурного и политического движения.

Однако весь этот положительный и возможно отчасти и негативный опыт, накопленный за недолгий период существования в России парламента, был сметен событиями 1917 г., круто изменившими весь облик страны и определившими ее дальнейшее развитие уже по совершенно иному направлению.

* * *

Анализ думской деятельности в 1906–1914 гг. (I, II и III Думы полностью и первые две сессии IV Думы) свидетельствует, в каком направлении шла работа правительства и Думы с комиссиями над развитием религиозного законодательства.

Практически все рассмотренные законопроекты были разработаны и представлены МВД еще в 1907 г., т.е. в период существования Думы 2-го созыва или даже раньше, в период “первого междудумья”.² Особенно это касается важнейших законопроектов, углублявших и конкретизировавших отдельные принципы свободы совести. И хотя эти проекты были полны внутренней противоречивости, вследствие “неудачной комбинации теоретического признания свободы совести ... с руководящими идеями полицейского строя”³, все же они являлись шагом вперед по сравнению с прежним архаичным законодательством. Именно так они и расценивались либеральной общественностью. Позднее радикализм властей заметно уменьшился, а с весны 1909 г. правительство Столыпина начало открытое отступление в вероисповедных делах.⁴ В дальнейшем МВД не только не внесло практически ни одного принципиального проекта, но и более того, постепенно, раз за разом оно отступало от провозглашенной “свободы совести”. Пользуясь своим правом, правительство, под предлогом доработки, забирало обратно наиболее важные и существенные из законопроектов. Сомнительно, что разработчики этих проектов из соответствующих правительственных структур

опасались, что их творения не будут одобрены Думой. Более вероятно, что они руководствовались другими соображениями: эти проекты казались им уже слишком либеральными. Речь идет прежде всего о законопроектах, направленных на ликвидацию ограничений по религиозному признаку, и определяющих принципы сосуществования в империи различных вероисповеданий (“*Об отношении государства к отдельным вероисповеданиям*” в 1909 г. и “*Об иностранных и иноверных вероисповедных общинах и обществах*” в 1912–1913 гг. и др.). Причем, два названных законопроекта были уже рассмотрены и одобрены Думой. На рассмотрении комиссии же оставались проекты, решавшие отдельные, достаточно частные вопросы.

Подобная же эволюция была характерна и для деятельности Думы. Члены первой Думы внесли проект о свободе совести. Представители второй, также не менее радикальной, Думы, взяв этот проект в качестве основополагающих принципов, приступили к работе над законодательством с рассмотрения одного из самых принципиальных министерских законопроектов. Примечательно и название данной комиссии во II Думе – “для рассмотрения законопроектов, направленных к осуществлению свободы совести”, – ясно обозначившее итоговую цель ее деятельности.

III Дума уже отнюдь не всегда руководствовалась этими принципами. Все реже употреблялось выражение “свобода совести”, исчезнувшее и из названий комиссий и из речей ее членов. Все чаще стали слышаться голоса о необходимости сохранения преимущественного положения Православной Церкви и что вероисповедные проекты подрывают сами основы русского государства. Однако в целом члены Думы 3-го созыва успели рассмотреть и принять ряд весьма важных законодательных актов. При этом, “министерские законопроекты, пройдя через фильтр вероисповедной комиссии, являются перед нами в несколько обработанном виде: в них внесена большая последовательность, устранены до некоторой степени слишком резко бившие прежде в глаза противоречия. Но все это лишь смягчало, но не изменяло сущности дела. Министерские законопроекты были далеки от признания действительной свободы совести, такими же они и остались” – так оценивал результативность деятельности комиссии С.П.Мельгунов.⁵ Но даже эта, порой чисто редакторская деятельность вероисповедной комиссии, также как и решения Думы,

оказались заблокированными со стороны еще более консервативного Государственного Совета.

Деятельность IV Думы была еще менее результативной. Материалы первых двух сессий показывают, что работа вероисповедной комиссии сводилась к рассмотрению и принятию второстепенных законопроектов по частным вопросам, которые хотя и были необходимы, но не решали проблему принципиально.

Таким образом, послереволюционный период в религиозном законодательстве прогрессивные изменения осуществлялись крайне медленно и болезненно, исходя из принципа “шаг вперед, два шага назад”. Внесенный правительством осенью 1907 г. в Думу целый пакет законопроектов о свободе совести явились “высшим достижением российской бюрократии” и содержали, очевидно, максимум возможных уступок со стороны властей,⁶ вследствие чего провозглашенная “свобода совести” не вышла за пределы элементарной веротерпимости. Поэтому, думается, что сам термин **веротерпимость** применительно к дореволюционной России наиболее корректен, поскольку ни одно из необходимых для свободы совести условий в дофевральский период не соблюдалось: православие по-прежнему сохраняло официальный статус господствующей религии; судьба отпадавших от православия по “временным правилам” всецело зависела от доброй воли местной администрации, а свобода проповеди ограничивалась тесными рамками Уголовного Уложения 1903 г.

Ни один из определявших судьбу российских мусульман религиозных законопроектов, обсуждавшихся в Думе, так и не стал законом. Поэтому, все надежды и чаяния мусульманского населения, связанные с деятельностью парламента в этой области, оказались тщетны.

Разочарование ожидало мусульман и в вопросе о введении элементов религиозного самоуправления. Давно назревшие и тщательно проработанные мусульманской общественностью проекты реформы органов религиозного управления (ОДС и пр.) не были осуществлены вследствие упорного противодействия или же молчаливого саботирования этих вопросов властью.

В итоге, пропасть между провозглашением религиозной свободы и проведением ее в жизнь оказалась так и не преодоленной, а знаменитые апрельский указ “*Об укреплении начал веротерпимости*”

и Манифест 17 октября 1905 г. оставались самыми значительными законодательными актами в истории России начала XX века.

Примечания.

1. Миллот, 1914, № 3, 27 февраля, с. 4.
2. Позднее В.А.Маклаков отмечал, что “не только 2-я Дума, но 3-я и 4-я до самой революции не успели рассмотреть всего, что было **заготовлено** именно в первое междудумье”. Цит. по: *Маклаков В.А. Вторая Государственная Дума...*, с. 28.
3. *Мельгунов С.П. Церковь и государство в России...*, с. 215.
4. *Власть и реформы...*, с. 608–609.
5. Цит. по: *Мельгунов С.П. Церковь и государство в России...*, с. 218.
6. *Власть и реформы...*, с. 611.

Таблица № 2. Члены мусульманской фракции I–IV Государственной Думы

Фамилия, имя, отчество	Государственная Дума (I–IV)	Избирательный округ (губерния)	Национальность	Год рождения	Образование	Социальное происхождение	Род занятий и должность до избрания в Государственную Думу
1. Алжарский Закария бек Шарифбекович	+	Кавказ, Карская область	азербайджанец?	1870 – ?	?	потомственный дворянин	землевладелец
2. Акбердеев (Ахвердов) Габрахим бек	+	Кавказ, Елисаветпольская губерния	азербайджанец	1870 – ?	среднее: реальное училище, был вольнослушателем на восточном факультете СПб. ун-та	потомственный дворянин	член Шушинской городской управы
3. Алиев Тагим Махмет (Галиев Мухаммед-Тахир)	+	Кавказ, г. Баку	азербайджанец	1858 – ?	высшее: Петровская сельскохозяйственная академия (Москва)	?	служил в Министерстве Финансов (1883–1888), впоследствии – предпринимательская деятельность (коммерсант)
4. Алкин Саид-Гирей Шагиахметович	+	Казанская губерния	татарин	13.07.1867 – 1919	высшее: юридический факультет Казанского ун-та	потомственный дворянин	земле- и домовладелец; присяжный поверенный (1902–1917); редактор-издатель газеты “Казан мөхбире” (1905–1908)
5. Аллаберганов Валиулла (Алла-Бергнев Тлеули)	+	Туркестан, Сырдарьинская область	казак	1868? – ?	низшее	?	купец

6. Агласов Хадимифтахутдинович	+	Самарская губерния	татарин	1876 – 15.02.1938	низшее?	крестьянин	мулла
7. Ахтямов Абусугуд Абдулхоликович	+	Уфимская губерния	татарин	1843 – после 1916 ?	высшее: юридический факультет Казанского ун-та (1871)	из семьи ахула	секретарь Оренбургского Духовного Собрания (90-е гг.); присяжный поверенный (с 1902 г.)
8. Ахтямов Ибниямин Абусугудович	+	Уфимская губерния	татарин	6.11.1877 – ?	высшее: естественный (1907) и юридический факультет (1910) СПб. ун-та	сын чиновника	помощник присяжного поверенного в Казани, позднее в Уфе
9. Бадашши Гариф Сиразетдинович	+	Казанская губерния	татарин	1865 – 1939	низшее	крестьянин	торговля
10. Байбуриин Зитангир Нургалиевич	+	Оренбургская губерния	балкир	20.03.1859 – ?	среднее: 4 курса медицинского факультета Казанского ун-та	крестьянин	частная врачебная практика (лекарский помощник); секретарь Мус. Благотв. Общества
11. Байтерьяков Габдул-Латиф Хабибуллович	+	Уфимская губерния	татарин	29.03.1873 – ?	низшее	крестьянин	мелкий землевладелец; волостной старшина (1904–1907), гласный Белебеевского уездного земского собрания, заведующий по воинско-конной повинности (с 1908) и счетовод волостного управления

12. Биглов Мухаммед-Акрам Мухамеджанович	+	-	Уфимская губерния, г. Белобей	татарин	1871 – ?	среднее: окончил курс в военном училище	потомственный дворянин	землевладелец; военный послужащий; земский начальник; председатель Белобеевской уездной земской Управы
13. Беремжанов Ахмед Куртамбекович	+	-	Степной край, Тургайская область	казах	7.12.1871 – ?	высшее: юридический факультет (1896) Казанского ун-та	из аристократической семьи (сын чиновника?)	судебный следователь, потомственный мировой судья
14. Букейханов Алихан Нурмухамедович	+	-	Семирчинская область	казах	1870 (1866) – 27.09.1937	высшее: сельскохозяйственный институт	из аристократической семьи (ханской)	статистик, публицист
15. Габдулхалилов Ташпулат (Ташпулат)	+	-	Туркестан, г. Самарканд (и область)	азербайджанец?	1863 (1864?) – ?	низшее?	?	купец, общественный деятель
16. Гайдаров (Хайдаров) Ибрагимбек Исабекович	-	+	Кавказ, Дагестанская область и Закавказский округ	лезгин	1879 – ?	высшее: Институт инженеров путей сообщения	дворянин (бек)	инженер путей сообщения
17. Далгат Магомед (Мамед) Магомедович	-	+	Кавказ, Дагестан	даргинец	1849 – ?	высшее: медицинский факультет Московского ун-та (1869–1873) и ун-та в Германии (1873–1876)	дворянин?	Доктор медицины (1877); практикующий врач; гласный Владикавказской городской Думы (с 1896) и почетный мировой судья Владикавказского округа (с 1908/09)

18. Джафаров Мамед-Юсуф	-	+	Бакинская, Елизаветпольская, Эриванская губернии	азербайджанец	1885 – ?	высшее: юридический факультет Московского ун-та (1912)	?	помощник присяжного поверенного (с 1912), домовладелец в г. Баку
19. Джангирин Селим-Гирей Сеидханович	+	-	Уфимская губерния	татарин	1864 – 14.05.1926	высшее: магистерский факультет Московского ун-та (1889)	потомственный дворянин (мурза)	мировой судья (1891–94), земский начальник; член губернского присутствия, гласный Бирского уездного и Уфимского губернского земского собрания; общественный деятель
20. Еникеев Гайса Хамидуллович	-	+	Казанская губерния (II); Оренбургская губерния, г. Оренбург (III)	татарин	2.07.1864 – 1931	среднее: Оренбургская инородческая учительская семинария	потомственный дворянин (мурза)	преподаватель; заведующий русско-татарского училища (1890–1895); служащий Гос. Банка (1895–1903); с 1903 – директор суконной фабрики и главный распорядитель учебно-воспитательских и благотворительных учреждений им. А. Хусайнова
21. Ереванский (Эриванский) Агахан	+	-	Кавказ, г. Ереван	?	?	высшее?	из знатной семьи (сын хапа)	чиновник особых поручений при наместнике царя на Кавказе
22. Зиадханов Исмагил-хан Абдулфат-хан Оглы	+	-	Кавказ, г. Елисаветополь	?	?	высшее	дворянин	крупный землевладелец; товарищ прокурора Тифлисского окружного суда (до 1907 г.); присяжный поверенный

23. Зейналов Зейнал Зейналович	-	+	-	Кавказ, Бакинская губерния	азербайджанец	1877 – ?	?	?	работник на нефтяных промыслах (рабочий, машинист, заведующий промыслом)
24. Кальматьев Алпысбай Кальменович	+	-	-	Уральская область	казах	1858? – ?	высшее (?)	?	член совета по управлению Орлоу
25. Каратаев Султан-Вахид (Бахит-Джан) Бисалиевич	-	+	-	Уральская область	казах	1967? – ?	высшее: юридический факультет	дворянин	присяжный поверенный
26. Кардашов Арсланбек Али-ага-оглы	-	+	-	Кавказ, Дагестан	азербайджанец (?)	1875? – ?	низшее: медресе	?	преподаватель в мусульманской школе
27. Кариев Габдрауф (Абду-Вахид Кари Абду-Рауф)	-	+	-	Туркестан, г. Ташкент	узбек	1858? – ?	низшее: медресе	?	мулла (учитель)
28. Копецгулов Шахимардан (Шаймардан)	+	-	-	Степной край, Ак-молинская область	казах	1869 – ?	низшее: медресе	?	Мулла
29. Кульбаков Шарафутдин Абдулгалимович	-	+	-	Уфимская губерния	башкир	1849 – ?	среднее: Оренбургский Кадетский корпус	сын чиновника	мелкий землевладелец; председатель волостного суда

30. Кулманов Бахтыррей Ахмедович	-	+	-	Астраханская губерния, Внутренняя Киргизская (Буковская) Орда	казах	1858 – ?	высшее: восточное отделение СПб. ун-та	чиновник	на государственной службе; полковник, Титулярный Советник
31. Максудов Садретдин Низамутдинович (Садри Максуди)	-	+	-	Казанская губерния	татарин	23.07.1878 – 20.02.1957	высшее: юридический факультет (Сорбонна, Франция)	из крестьян	помощник присяжного поверенного; общественный деятель
32. Максудов (Максотов) Сахибзаде Давлештин-нович	+	-	-	Уфимская губерния	татарин	1874 – ?	низшее: медресе и казанская 4-х классная русско-татарская школа	крестьянин	купец, землевладелец; уездный гласный (с 1902)
33. Максотов Сафиулла Тазетдинович	-	+	-	Казанская губерния	татарин	1858 – ?	низшее: медресе	крестьянин	Мулла
34. Масагутов Хабибрахман Ситдикович	-	+	-	Вятская губерния	татарин	1862 – ?	низшее: медресе	крестьянин	Мулла (ахун) и купец
35. Медиев (Махмудиев) Габдрахман (Рашид) Медий-оглы	-	+	-	Крым, Таврическая губерния	крымский татарин	1880? – 1912	низшее	крестьянин	член городской Управы, редактор крымско-татарской газеты “Ватан халиме”
36. Махмудов Мустафа-Халджи Муса-оглы	-	+	-	Кавказ, Бакинская губерния	азербайджанец	1878 – ?	среднее: учительская семинария (окончил в 1899)	крестьянин	заведующий 1-й русско-татарской школы г. Баку

37. Махмудов Шарафутдин Зиялетдинович	-	-	-	Уфимская губерния	татарин (леп-тяр)	1859 (1853?) – ?	низпес: Уфимская татарская учительская школа	?	учитель русского класса при медресе
38. Минлибаев (Миндубаев) Файзел-Кулдус Миндубасвич	+	-	-	Казанская губерния	татарин	1896 – ?	низпес?: медресе	крестьянин	мулла; землевладелец
39. Миннигалеев Мингазетдин Галиаскарович	-	-	+	Самарская губерния	татарин	1857 – ?	низпес?: медресе	крестьянин	мелкий землевладелец; уездный гласный (с 1897), председатель волостного суда (с 1898); заведующий военно-конским участком (с 1905)
40. Мурадханов Асалулла-Бек	+	-	-	Кавказ, Бакинская губерния	азербайджанец	1866 – ?	среднее: Закавказская учительская школа	дворянин	учитель в мусульманской школе, впоследствии на государственной службе: переводчик в канцелярии мирового посредника
41. Мусин Гумер Мусич	-	+	-	Казанская губерния	татарин	1854 – ?	низпес: медресе	крестьянин	мелкий землевладелец
42. Мутинов (Магинов) Шахшариф Мидхат-галиевич	+	-	-	Оренбургская губерния	башкир	1856 – ?	низпес: медресе	?	мулла (ахун)

43. Муфтий-Заде Измаил Мурза	-	-	+	Крым, Таурическая губерния	крамский татарин	1841 – ?	среднее	дворянин	землевладелец; отставной полковник, Председатель мусульманского благотворительного Общ-ва Крыма; гласный губернской и уездной земств
44. Мухамеджанов Сахиджан (Салихджан?) Алемджанович	-	+	-	Туркестан, г. Фергана	узбек	1868? – ?	низпес (среднее?)	?	купец
45. Нежметдинов Абдулла (Габдулла) Аймалетдинович	-	+	-	Симбирская губерния	татарин	1869 – ?	низпес?: медресе	крестьянин	мелкий землевладелец; земледелие и торговля; мулла (с 1890)
46. Наракунов Тимергали Тютиевич	-	+	-	Степной край, Семиналатинская область	казах	1861 (1858?) – ?	низпес?	?	купец (скотовод?)
47. Нурбидиханов (Нурберды-Ханов) Махдум	-	+	-	Туркестан, г. Апхабал; Закаспийская область	текинец	1853? – ?	низпес?	из знатной семьи (внук хана)	подполковник царской армии
48. Рамиев Мухаммед-Закир Мухаммед-Садикович	+	-	-	Оренбургская губерния	татарин	23.11.1859 – 9.10.1921	домашнее?	из купеческой семьи	промышленник; поэт
49. Сейфетдинов Шахбал Сахаутдинович	-	+	-	Оренбургская губерния	башкир	1874? – ?	домашнее	потомственный почтовый гражданин	земледелие и скотоводство

50. Султанов Бахалдек (Бахалдек)	+	-	-	Кавказ, Дагестанская область и Закавказский округ	?	1875/76 – ?	высшее: медицинский факультет	дворянин?	практикующий врач
51. Сыртланов Галаскар (Гали-Оскар) Шахидарович	-	+	-	Уфимская губерния	татарин (по матери; по отцу башкыр)	1875 – 1912	высшее: военно-юридическая академия	потомственный дворянин	землевладелец; отставной подполковник; присяжный поверенный (с 1905 г.)
52. Сыртланов Шах-Айдар (Хайдар) Шахгарданович	+	-	-	Уфимская губерния	башкыр	1846/47 – ?	среднее: Оренбургский кадетский корпус	дворянин	крупный землевладелец; предводитель Белебеевского уездного земства, гласный губернского земского собрания и почетный мировой судья
53. Таинов Мулла	+	-	-	Семиреченская область	?	?	низшее?: медресе	?	мулла
54. Тагев Исмаил Зейналович	-	+	-	Кавказ, г. Баку	азербайджанец	1865 – ?	среднее: Бакинское реальное училище	?	коммерсант, специалист по нефти
55. Тевкелев Кулуг-Мухаммед Батыргиресвич	+	+	+	Уфимская губерния	татарин	4.08.1850 – ?	среднее: Пажеский корпус	потомственный дворянин	землевладелец; Белебеевский уездный предводитель дворянства; почетный мировой судья

56. Топчубашев Али-Мартанбек	+	-	-	Бакинская губерния, г. Баку	азербайджанец	4.05.1862 – 8.11.1934	высшее: юридический факультет СПб. ун-та (1888)	потомственный дворянин	присяжный поверенный; гласный Бакинской городской; публицист, редактор газет “Каспий” и “Хаят”; общественный деятель
57. Лукаев Мухаммед-Шакир Мухаммед-Харисович	-	+	-	Уфимская губерния	татарин (башкыр?)	1862 – 1934	низшее: учит. школа	крестьянин	мулла (ахун)
58. Тынышаев Мухамеджан Тынышаевич	+	-	-	Семиреченская область	казак	1879 – ?	высшее: Институт инженеров путей сообщения	?	инженер путей сообщения
59. Усманов Хайрулла Абдрахманович	-	+	-	Оренбургская губерния, г. Оренбург	татарин	1866 – ?	низшее?: медресе	сын муллы	мулла (в Сейтовском посаде)
60. Хасанов Калимулла Гумерович	-	+	-	Уфимская губерния	татарин	1881 – ?	среднее: Казанская татарская учительская школа (1904)	крестьянин	учитель (до 1908); издатель-редактор газеты “Дума” (1907); агент Русского Стрелкового общества (с 1915)
61. Хасанов Мухаммед-Сабир Мухаммеджанович	-	+	-	Уфимская губерния, г. Уфа	татарин	1866 – ?	низшее?: медресе	крестьянин	мулла
62. Хас-Мамедов (Хас-Мухаммедов) Халилбек Гаджи Баба Оглы	-	+	-	Бакинская, Елисаветпольская, Эриванская губернии	азербайджанец	1875 – ?	высшее: юридический факультет Московского ун-та	дворянин	присяжный поверенный, помощник прокурора

63. Хурамшин (Курамшин) Джамалетдин Хурамшин-нович	+	-	Уфимская губерния	тагари	1877 – ?	низшее	крестьянин	мулла
64. Хусанов Шамсетдин Хусанович	+	-	Вятская губерния	тагари	1878 – ?	среднее?	крестьянин	мулла
65. Хойский (Хан-Хойский) Фатых-Галихан (Фатали Хан Искандер Олы)	-	+	Кавказ, Елизаветпольская губерния	азербайджанец	7.12.1875–19.06.1920	высшее: юридический факультет Московского ун-та (1901)	из семьи полковника	товарищ (зам.) прокурора Екатеринбургского окружного суда
66. Шахтагинский Мамед-ага-Тали (Мухаммед) Султанович	-	+	Кавказ, Эриванская губерния	азербайджанец	1851 – ?	высшее: Лейпцигский ун-т	?	учитель гимназии, издатель-редактор газеты “Шаркый Рус” (1903–1904), публицист
67. Эльдарханов (Ильдарханов) Таштимер (Таштемир) Эльжуркаевич	+	-	Кавказ, Терская область	чеченец	1870 – ?	среднее: Тифлиссский учительский институт	?	преподаватель (1893 – дек. 1903 г.)

Таблица № 3. Заявитель депутатом-мусульман I Государственной Думы в комиссиях и фракциях

Фамилия, имя депутата	Работа в комиссиях	Членство во фракциях	Выборское Воззвание
1. Аджарский Закария	•	мусульманская группа; внепартийный	-
2. Акбердеев Габдрахим	•	мусульманская группа; внепартийный	-
3. Алиев Мухаммед-Тахир	•аграрная	мусульманская группа; внепартийный	-
4. Алкин Саид-Гирей	•аграрная	мусульманская группа (член бюро); фракция партии народной свободы (к.-д.)	подписал
5. Ахьямов Абусулуд	•	мусульманская группа (член бюро); фракция партии народной свободы (к.-д.)	подписал
6. Бадамшин Гариф	•	мусульманская группа; фракция партии народной свободы (к.-д.)	отсутствовал в Петербурге
7. Беремжанов Ахмед	•	мусульманская группа; внепартийный	
8. Букейханов Галихан	нет	нет	подписал
9. Джангторин Селим-Гирей	•аграрная	мусульманская группа (секретарь); фракция партии народной свободы (к.-д.); член бюро группы автономистов	подписал
10. Ерванский Агахан	•	-	-
11. Зиадханов Исмагилян	•	мусульманская группа (член бюро); внепартийный	подписал
12. Ильдарханов Таштимер	•	мусульманская группа; фракция партии народной свободы (к.-д.)	-
13. Кальметьев Алшесбай	•	внепартийный	-
14. Коцетулов Шахимардан	•	мусульманская группа	-
15. Курамшин Джамалетдин	•	мусульманская группа; фракция партии народной свободы (к.-д.)	нс
16. Макудов Сахитгаде	•	мусульманская группа; фракция партии народной свободы (к.-д.)	подписал
17. Минлибаев Файзел-Кутдус	•	мусульманская группа; фракция партии народной свободы (к.-д.)	-

18. Муралханов Асадулла	• мусульманская группа; внепартийный	• мусульманская группа; внепартийный	-
19. Мутинов Шахшариф	• мусульманская группа; фракция партии народной свободы (к.-д.)	• мусульманская группа; фракция партии народной свободы (к.-д.)	-
20. Рамиев Мухаммед-Шакир	• мусульманская группа (казначей); фракция партии народной свободы (к.-д.)	• мусульманская группа (казначей); фракция партии народной свободы (к.-д.)	-
21. Сыртланов Шах-Айдар	• для составления ответственной речи	• мусульманская группа (член бюро); фракция партии народной свободы (к.-д.)	-
22. Таинов Мулла	•	-	-
23. Тевкелев Кутлуг-Мухаммед	•	• мусульманская группа; фракция партии народной свободы (к.-д.)	отсутствовал в Петербурге
24. Топчибаев Али-Мардан	•	• фракция партии народной свободы (к.-д.); организатор и председатель мусульманской группы	подписал
25. Хусайнов Шамсетдин	•	• мусульманская группа; фракция партии народной свободы (к.-д.)	-

Таблица № 4. Занятость депутатов-мусульман III Государственной Думы в комиссиях и фракциях

Фамилия, имя депутата	Членство в комиссиях	Членство во фракциях
1. Аллаберганов Валиулла	• нет	• мусульманская фракция
2. Атласов Хали	• нет	• мусульманская трудовая группа
3. Бадамшин Гариф	• бюджетная;	• мусульманская трудовая группа
4. Беремжанов Ахмед	• о преобразовании местного суда;	• мусульманская фракция
	• об отмене ... военно-полевых судов;	
5. Биглов Мухаммед-Акрам	• бюджетная;	• председатель мусульманской фракции
6. Габдулхалилов Тапбулат	• аграрная;	• мусульманская фракция
7. Зейналов Зейнал	• аграрная;	• мусульманская трудовая группа
	• по рабочему законодательству;	
8. Карагаев Султан-Вахид	• аграрная;	• мусульманская фракция
	• свободы совести;	
	• для рассмотрения запросов;	
	• по разбору корреспонденции;	
9. Кардашов Арсланбек	• нет?	• мусульманская фракция
10. Кариев Габдрауф	• нет	• мусульманская фракция
11. Коцегулов Шахимардан	• нет	• мусульманской фракция
12. Кулманов Бахтыгирей	• нет	• мусульманская фракция (прибыл в СПб. после 15 мая)
13. Кульбаков Шарафутдин	• нет	• мусульманская фракция
14. Макулов Садретдин	• Товарищ (заместитель) Секретаря Гос. Думы;	• мусульманская фракция
	• финансовая;	
	• свободы совести;	
15. Максютов Сафиулла	• нет	• мусульманская фракция
16. Масагутов Хабибрахман	• нет	• член мусульманской фракции и мусульманской трудовой группы

17. Махмудов Мустафа-Халджи	<ul style="list-style-type: none"> по народному образованию; по вопросу о помощи безработным 	мусульманская фракция
18. Медиев Рашид	<ul style="list-style-type: none"> о неприкосновенности личности; по народному образованию; по рабочему законодательству; о преобразовании местного суда; нет нет нет нет 	секретарь мусульманской фракции
19. Мусин Гумер	<ul style="list-style-type: none"> нет 	мусульманская фракция
20. Мухамеджанов Салихджан	<ul style="list-style-type: none"> нет 	?
21. Нажметдинов Габдулла	<ul style="list-style-type: none"> нет 	мусульманская трудовая группа
22. Наракунов Тимуртали	<ul style="list-style-type: none"> нет 	?
23. Нуройдиханов Махдум	<ul style="list-style-type: none"> нет 	?
24. Сайфетдинов Шахбал	<ul style="list-style-type: none"> аграрная; 	мусульманская фракция
25. Султанов Бахбалдек	<ul style="list-style-type: none"> нет 	мусульманская фракция
26. Сыртланов Шах-Айдар	<ul style="list-style-type: none"> гос. росписи доходов и расходов; нет 	мусульманская фракция не присягал в СПб.
27. Тагиев Исмагил	<ul style="list-style-type: none"> нет 	мусульманская фракция
28. Тевкелев Кутлуг-Мухаммед	<ul style="list-style-type: none"> по рабочему законодательству; продовольственная; 	мусульманская фракция
29. Тукаев Мухаммед-Шакир	<ul style="list-style-type: none"> свободы совести; 	мусульманская фракция
30. Тыныпшаев Мухамеджан	<ul style="list-style-type: none"> аграрная 	мусульманская фракция (прибыл в СПб. после 15 мая)
31. Усманов Хайрулла	<ul style="list-style-type: none"> нет 	секретарь мусульманской фракции
32. Хан-Хойский Фатых	<ul style="list-style-type: none"> финансовая; о неприкосновенности личности; 55 членов ... Думы (секретарь комиссии) 	мусульманская фракция
33. Хас-Мамедов Халил-Бек	<ul style="list-style-type: none"> гос. росписи доходов и расходов; по местному управлению и самоуправлению; для рассмотрения запросов; 	мусульманская фракция

34. Хасанов Калимулла	<ul style="list-style-type: none"> продовольственная; 	мусульманская трудовая группа
35. Хасанов Мухаммед-Шакир	<ul style="list-style-type: none"> нет 	мусульманская фракция
36. Шахтагинский Мухаммед-ага	<ul style="list-style-type: none"> продовольственная; аграрная; 	первоначально член мусульманской фракции, позднее отошел к правым
37. Эльдарханов Таштимер	<ul style="list-style-type: none"> аграрная; по местному управлению и самоуправлению; для разработки наказа; 	мусульманская фракция

Таблица № 5. Занятость депутатов-мусульман III Государственной Думы в комиссиях и фракциях

Фамилия, имя депутата	Работа в комиссиях	Членство во фракциях
1. Байбурин Зигангир	<ul style="list-style-type: none"> • бюджетная (1-2 сессии); • земельная (1-5 сес.) 	мусульманская фракция
2. Гайдаров Ибрагим-бек	<ul style="list-style-type: none"> • земельная(1 сес.); • по рабочему вопросу (1-3 сес.); • по вопросам путей сообщения (1-5 сес.); • бюджетная (3-5 сес.); • по рыболовству (4-5 сес.) 	фракция социал-демократов (1-2 сес.); мусульманская фракция (3-5 сес.)
3. Еникеев Гайса	<ul style="list-style-type: none"> • по вопросам народного образования (1-5 сес.) 	мусульманская фракция
4. Макулов Садретдин	<ul style="list-style-type: none"> • по законодательным предложениям (1-5 сес.); • о неприкосновенности личности (1-2 сес.); • финансовая(3-5 сес.); 	секретарь мусульманской фракции
5. Махмудов Шарафутдин	<ul style="list-style-type: none"> • гос. росписи доходов и расходов(1-2 сес.); • по народному образованию (1-5 сес.); • по рабочему вопросу (4-5 сес.); • о хлебной торговле (5 сес.) 	мусульманская фракция
6. Муфтий-Заде Исмагил	<ul style="list-style-type: none"> • переселенческая (1-2 сес.); • по вероисповедным делам (1-5 сес.); • гос. росписи доходов и расходов (2 сес.); • родовольственная (5 сес.); 	фракция октябристов
7. Сыртланов Гали-Оскар	<ul style="list-style-type: none"> • по гос. обороне (1-5 сес., товарищ секретаря комиссии); • о неприкосновенности личности (1 сес.); • переселенческая (1-2 сес.) 	мусульманская фракция

8. Тевкелев Кутлуг-Мухаммед	<ul style="list-style-type: none"> • переселенческая (1-5 сес.); • местного самоуправления (2-5 сес.); • о гимназиях и подготовительных училищах (4 - 5 сес.); 	председатель мусульманской фракции
9. Тукаев Мухаммед-Шакир	<ul style="list-style-type: none"> • земельная (1-5 сес.); • по вероисповедным делам (1-5 сес.); • крестьянских повинностей (1-2 сес.); 	мусульманская фракция
10. Хас-Мамедов Халил-бек	<ul style="list-style-type: none"> • по выработке проекта ... адреса (1 сес.); • по запросам (1-5 сес.); • переселенческая (1-2 сес.); • судебным реформам (1-2 сес.); • городским делам (2-3 сес.); • неприкосновенности личности (3-5 сес.); 	мусульманская фракция

Таблица № 6. Занятость депутатов-мусульман IV Государственной Думы в комиссиях и фракциях (1–2 сессии)

Фамилия, имя депутата	Членство в комиссиях	Членство во фракциях
1. Ахтямов Ибниямин	<ul style="list-style-type: none"> • по судебным реформам (1-2 сес.); • по печати (1-2 сес.); • по запросам (1 сес.); 	Членство во фракциях секретаря мусульманской фракции
2. Байтеряков Габдул-Лагиф	<ul style="list-style-type: none"> • земельная (1-2 сес.); 	мусульманская фракция
3. Далгаг Магомед	<ul style="list-style-type: none"> • торговля и промышленности (1-2 сес.); • по направлению законодательных предложений (1-2 сес.); • переселенческая (2 сес.) 	Прогрессивный блок
4. Джафаров Мамед-Юсуф	<ul style="list-style-type: none"> • бюджетная (1-2 сес.); • переселенческая (1-2 сес.); • по запросам (2 сес.); 	мусульманская фракция
5. Еникеев Гайса	<ul style="list-style-type: none"> • по народному образованию (1-2 сес.); • по вероисповедным делам (1-2 сес.); 	Товарищ Секретаря Государственной Думы; член мусульманской фракции
6. Миннигалеев Мингазетдин	<ul style="list-style-type: none"> • нет 	мусульманская фракция
7. Тевкелев Кутлуг-Мухаммед	<ul style="list-style-type: none"> • местного самоуправления (1-2 сес.); • военных и морских дел (1-2 сес.); • продовольственная (1-2 сес.). 	председатель мусульманской фракции

ПОЛНОЕ НАЗВАНИЕ КОМИССИЙ, В РАБОТЕ КОТОРЫХ ПРИНИМАЛИ УЧАСТИЕ ДЕПУТАТЫ-МУСУЛЬМАНЕ

II Дума:

1. Бюджетная комиссия.
 2. Финансовая комиссия.
 3. Комиссия по исполнению государственной росписи доходов и расходов.
 4. Аграрная комиссия.
 5. Комиссия для рассмотрения законопроектов о неприкосновенности личности, жилища и тайны корреспонденции и др.
 6. Комиссия для рассмотрения законопроектов, направленных к осуществлению свободы совести.
 7. Комиссия для рассмотрения законопроекта о преобразовании местного суда.
 8. Комиссия для выработки законопроекта об отмене действия Высочайше утвержденного 19 августа 1906 г. положения Совета Министров об образовании военно-полевых судов.
 9. Комиссия по народному образованию.
 10. Комиссия для рассмотрения законопроектов по местному управлению и самоуправлению.
 11. Комиссия для рассмотрения законопроектов о нормальном отдыхе служащих в торговых и ремесленных заведениях (по рабочему законодательству).
 12. Продовольственная комиссия.
 13. Комиссия по вопросу о помощи безработным.
 14. Комиссия для разработки Наказа.
 15. Комиссия для рассмотрения запросов.
 16. Комиссия для рассмотрения представления Министра Юстиции о привлечении к следствию 55 Членов Государственной Думы.
 17. Комиссия по разбору корреспонденции.
- (Всего в 17-ти из 23 комиссий)

III Дума:

1. Комиссия по выработке проекта всеподданнейшего адреса Государю Императору.
2. Бюджетная комиссия.
3. Финансовая комиссия.
4. Комиссия по исполнению государственной росписи доходов и расходов.
5. Комиссия по государственной обороне.
6. Комиссия по судебным реформам.

7. Комиссия по вероисповедным вопросам.
 8. Комиссия по народному образованию.
 9. Земельная комиссия.
 10. Продовольственная комиссия.
 11. Комиссия по переселенческому делу.
 12. Комиссия по рабочему вопросу.
 13. Комиссия о путях сообщения.
 14. Комиссия по рыболовству.
 15. Комиссия по направлению законодательных предположений.
 16. Комиссия для рассмотрения законопроекта о неприкосновенности личности.
 17. Комиссия по выработке законопроекта об изменении некоторых статей действующего законодательства о крестьянах в отношении взимания и отправления натуральных и денежных повинностей.
 18. Комиссия по запросам.
 19. Комиссия по местному самоуправлению (образована во 2 сессию).
 20. Комиссия по городским делам (образована во 2 сессию).
 21. Комиссия о гимназиях и подготовительных училищах (образована в 4 сессию).
 22. Комиссия для рассмотрения законодательного предположения об упорядочении вывозной хлебной торговли за границу (образована в 5 сессию).
- (Всего в 22-ти из 45 комиссий).

IV Дума:

1. Комиссия по военным и морским делам.
 2. Комиссия по вероисповедным вопросам.
 3. Земельная комиссия.
 4. Комиссия по местному самоуправлению.
 5. Переселенческая комиссия.
 6. Комиссия по народному образованию.
 7. Комиссия по судебным реформам.
 8. Комиссия по направлению законодательных предположений.
 9. Комиссия о торговле и промышленности.
 10. Продовольственная комиссия.
 11. Комиссия для выработки законопроекта о печати.
 12. Комиссия по запросам.
- (Всего в 12-ти из 37 комиссий).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Архивные дела:

- Центральный Государственный исторический архив Российской Федерации (ЦГИА РФ, г. Санкт-Петербург):
- Ф. 776.** Главное управление по делам печати (ГУП).
Оп. 8 (Д. №№ 1989; 2198).
Оп. 10 (Д. № 1148).
Оп. 21, ч. II (1912 г., Д. № 250; 1916 г., Д. № 123, части I и II).
- Ф. 1278.** Государственная Дума 4-х созывов.
Оп. 1 (Д. №№ 19, 25, 37, 226, 259, 260, 269, 284, 295, 385, 415, 425, 449, 464, 465).
Оп. 5 (Д. № 1338).
Оп. 9 (Д. №№ 36, 41, 42, 223, 261, 262, 472, 493, 773, 782, 783).
- Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ):
- Ф. 1.** Канцелярия губернатора:
оп. 4 (Д. №№ 2673, 5051, 6146), оп. 6 (Д. № 1299).
- Ф. 199.** Фонд Казанского Губернского Жандармского Управления:
оп. 1. (Д. № 950), оп. 2 (Д. № 1479).
- Ф. 977.** Фонд Казанского Императорского Университета:
оп. л/д. (Д. № 31305, 32110, 34055, 38327).

II. Периодическая печать на татарском и русском языках:

1. Казан мөхбире, 1906–1911 гг.
2. Нур, 1906–1914 гг.
3. Йолдыз, 1906, 1915 гг.
4. Бәянешхак, 1906–1911 гг.
5. Дума, 1907 г.
6. Кояш, 1915 г.
7. Милләт, 1913–1915 гг.
8. Мәгълумат, 1910, 1916 гг.
9. Мәгълумат жәдиди, 1911–1912 гг.

10. Икътисад, 1908–1913 гг.
11. Хокук вә хаят, 1913–1914 гг.
12. Вестник Европы, 1906–1914 гг.
13. Ежегодник газеты Речь за 1912 – 1915 гг.
14. Право, 1906, 1914–1916 гг.
15. Русская мысль, 1906–1916 гг.

III. Литература на русском языке:

1. Авилов Б.В. О Государственной думе. СПб., 1906, 32 с.
2. Аврех А.Я. Царизм накануне свержения, М., 1989.
3. Аврех А.Я. Выборгское воззвание / СИЭ, т. 3.
4. Аврех А.Я. Распад третьиюнской системы. М., 1985.
5. Аврех А.Я. Столыпин и Третья дума. М., 1968.
6. Аврех А.Я. Царизм и 4-я Дума. 1912–1914, М., 1981.
7. Алексеев В.П. Первый русский парламент. М., 1906, 44 с.
8. Алисов Г. Мусульманский вопрос в России // Русская мысль, 1909, № 7, с. 28–61.
9. Алферьев П.П. Первый дебют русского парламента. М., 1907, 26 с.
10. Анохина З.Н. Уральские депутаты-мусульмане в I и II Государственных думах / Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч.1. Челябинск, 1995, с. 153–155.
11. Арсеньев К.К. Свобода совести и веротерпимость. Сб. ст. СПб., 1905, 292 с.
12. Бартольд В. Восток и русская наука // Русская мысль, 1915, №8. С. 1–13. (Собр. соч., М., 1976, т. IX, С. 534–545).
13. Боиович М.М. Члены Государственной Думы. Портреты и биографии. Созыв 1–4, М., 1906–1913.
14. Бородин Н.А. Государственная дума в цифрах. СПб., 1906.
15. Брусянин В.В. Указатель книг и статей о Государственной Думе, М., 1913, 48 с.
16. Брянчанинов А.Н. Междудумье. Вып. I. Сборник материалов для характеристики политического положения перед созывом второй Думы. СПб., 1907, 358 с.
17. В.Н. Десятилетие Гос. думы // Право, 1916, № 17, с. 1012–1018.
18. Важнейшие законодательные акты (1908–1912 гг.) с алфавитным, предметным и хронологическим указателями. / Составил М.С.Иоффе под ред. проф. И.Гессена, СПб., 1913, 1028 с.
19. Варшавский С.И. Жизнь и труды первой Гос. Думы. М., 1907.

20. Вергежский А. Третья Дума // Русская мысль, 1908, № 1, с. 176–183; № 3, с. 199–206.
21. Вильямс Г. (рец. на книгу): Турецкий сборник. К событиям на Ближнем Востоке. Под ред. И.М.Бикермана. (СПб., 1909, 263 с.) // Русская мысль, 1910, № 1, январь, с. 17–19.
22. Винавер М.Н. История Выборгского возвания. Воспоминания. Пг., 1917, 48 с.
23. Винавер М.Н. Конфликты в первой Думе. СПб., 1907, 184 с. (Рец. Г.Штильмана в журн.: Русская мысль, 1908, № 1, Библиографический отдел, с. 9–11.)
24. Винавер М.Н. Недавнее (Воспоминания и характеристики). Пг., 1917, 300 с.
25. Витенберг Б.М. Государственная Дума / Исторический энциклопедический словарь. М., 1996, т.1.
26. Власть и реформы: От самодержавной к советской России. Под ред. Б.Ананьича. СПб., 1996, 800 с.
27. Водовозов В.В. Как производятся выборы в Государственную Думу по закону 3 июня 1907 г. СПб., 1907, 33 с.
28. Выборгский процесс. СПб., 1908, 262 с.
29. Герасимов П. Личный состав Государственной Думы. // Ежегодник газеты Речь на 1912 год. СПб., 1912, с. 118–131.
30. Герье В.И. Вторая Государственная Дума. М., 1907, 379 с.
31. Герье В.И. Первая русская государственная Дума. Политические воззрения и тактика ее членов. М., 1906, 119 с. 2-е изд.
32. Герье В.И. Первые шаги бывшей государственной думы. М., 1907, 124 с.
33. Голубев В.С. Вторая Государственной Дума, СПб., 1907, 32 с.
34. Государственная Дума I призыва. Портреты, краткие биографии и характеристика депутатов. М., Возрождение, части I–II. 1906, 110 с.
35. Государственная Дума и политические партии России 1906–1917 гг.: Каталог выставки / (Составители: Е.М.Золотухина, В.И.-Зорина). М., Гос. общественно-политическая библиотека. 1994.
36. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессии I–V. СПб., 1908–1912. (Сессия I, 1908 г., 222 с.; сессия II, 1909 г., 319 с.; сессия III, 1910 г., 376 с.; сессия IV, 1911 г., 480 с.; сессия V, 1912 г., 498 с.).

37. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Четвертый созыв. Сессии I–II. СПб.-Пг., 1913–1914.
38. Государственная Дума. Справочник. Под редакцией В.Н.Карташевского. СПб., 1909–1914 гг. (7 выпусков).
39. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв I–4, СПб., 1906–1917.
40. Государственная Дума. Узаконения 6 августа 1905 г. СПб., 1905, 71с.
41. Гредескул Н. Россия прежде и теперь. М.-Л., 1926, 256 с.
42. Гредескул Н. Четвертая Государственная Дума как этап в политическом развитии России. Екатеринослав, 1914, 2 с. (конспект лекции)
43. Давлетшин Т. Советский Татарстан. Теория и практика Ленинской национальной политики. Лондон, 1974.
44. Деев А.С. Указатель книг и брошюр о Государственной Думе. Опыт библиографии (с 1905 по 1 июля 1912 г.). СПб., 1913.
45. Дело о Выборгском воззвании. Стенографический отчет о заседании Особого присутствия Санкт-Петербургской судебной палаты 12–18 декабря 1907 г. СПб., 1908.
46. Демин В.А. Государственная дума России (1906–1917): Механизм функционирования. М., 1996, 216 с.
47. Денисова Е.В. Раскол среди священников-депутатов в I и II Государственных Думах (1906–1907 гг.) / Русское православие и атеизм в отечественной истории. Л., 1988, с. 19–33.
48. Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос. Пер. с польского. СПб., 1909. (2-е изд. – Пг., 1914–1915, 292 с.)
49. Дякин В.С. Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906–1914 гг.) / Вспомогательные исторические дисциплины. Выпуск VII. М., 1976, с. 240–271.
50. Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьиюньской системы, Л., 1988.
51. Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы 1 мировой войны (1914–1917). Л., 1967.
52. Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911, Л., 1978, 246 с.
53. Евлогий (Митрополит) Путь моей жизни. Париж, 1947, 677 с.
54. Евреинов Г.А. Национальные вопросы на инородческих окраинах России. СПб., 1908, 130 с. (рец. Л.Шифа в журн. “Русская мысль”, 1909, № 9, сентябрь, с. 217–220).
55. Езерский Н.А. Государственная дума первого созыва. Пенза, 1907.
56. Езерский Н.А. Религия и политика. // Русская мысль, 1907, № 1, с.106–126.
57. Жижиленко А. Закон 14 марта 1906 г. о введении в действие нового уголовного уложения для преступлений религиозных // Право, 1906, № 15, с. 1341–1345, № 16, с.1435–1442.
58. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг., СПб., 1909, 1018 с.
59. Законодательные проекты и предположения партии народной свободы 1905–1907 гг. / Астров Н., Кокошкин Ф., Муромцев С., Новгородцев П. и Шаховский Д. (ред.) СПб., 1907, 386 с.
60. Изгоев А.С. “Ликвидация” // Русская мысль, 1908, № 1, с. 119–142.
61. Изгоев А.С. “Разбитое корыто” // Русская мысль, 1907, № 7, с. 159–171.
62. Изгоев А.С. Национальные и религиозные вопросы в современной России // Русская мысль, 1908, № 5, с. 122–137.
63. Изгоев А.С. Общественное движение в России // Русская мысль, 1907, № 3, с. 167–184.
64. Изгоев А.С. Русское общество и революция. М., 1910, 273 с.
65. Имперский строй России в региональном измерении (XIX–начало XX века). Сборник научных статей. Отв. редактор – проф. П.И.Савельев. М., 1997, 238 с.
66. Ислам в татарском мире: история и современность. (Материалы международного симпозиума. Казань 29 апреля – 1 мая 1996 г.). Казань, 1997, 380 с.
67. Исаков Д.М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. Казань, 1997, 80 с.
68. Исаков С.М. Общероссийская партия мусульман / История национальных политических партий России: Материалы конференции. М., 1997, с. 214–239.
69. Каменский П.В. Вероисповедные и церковные вопросы в Государственной Думе третьего созыва и отношение к ним “Союза 17 Октября”. М., 1909, 106 с.

70. Каминка А., Набоков В.Д. Вторая Государственная Дума. СПб., 1907.
71. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 1996, 380 с.
72. Каталог газет, журналов и периодических изданий, получаемых Библиотекой Гос. Думы. СПб., 1911, 68 с. (2-й вып. – 1912, 41 с.; 3-й вып. – 1913, 44 с.; 4-й вып. – 1914, 46 с.).
73. Каталог книг Библиотеки Гос. Думы. Том 1–2. СПб.-Пг., 1914–1915 гг.
74. Кенжетасов Б.А. Казанские учебные заведения и процесс формирования казахской интеллигенции в середине XIX- начале XX вв. Казань, 1998, 88 с.
75. Кетриц Б.Э. Первая Государственная дума. СПб., 1907.
76. Кизеветтер А.А. Вторая Дума // Русская мысль, 1907, № 7, с. 146–158.
77. Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий (Воспоминания 1881–1914). Прага, 1929. (Republished by Oriental Research Partners, 1974)
78. Кизеветтер А.А. Письма из Таврического дворца. // Русская мысль, 1907, № 3, с. 158–166; № 4, с. 190–199.
79. Кизеветтер А.А. Сергей Андреевич Муромцев – председатель Первой Государственной Думы. М., 1918, 15 с. (2-е изд.)
80. Ковалевский М.М. Национальный вопрос и равенство поданных перед законом. Варшава, 1906, 15 с.
81. Ковалевский М.М. Русская конституция. Изд. 2-е, СПб., 1906, ч. 1–4.
82. Ковалевский П.И. Кавказ. Том I. Народы Кавказа, СПб., 1914, 344 с.; том II. История завоевания Кавказа, Пг., 1915, 272 с.
83. Ковалевский П.И. Психология русской нации. Пг., 1915, 60 с.
84. Козбаненко В.А. Партийные фракции в I и II Государственных думах России: 1906–1907. М., 1996, 240 с.
85. Кони А.Ф. Веротерпимость / Новый энциклопедический словарь, т. 12, с. 198–202.
86. Кони А.Ф. О переходе из одного исповедания веры в другое. (Выступления в Государственном Совете на заседаниях 4, 9, 11 и 16 ноября 1911 г.) / На жизненном пути. Т. II, СПб., 1913, с.559–582.
87. Кузьмин С. Народ и власть. СПб., 1907, 103 с.
88. Кульчицкий Л. Автономия и федерация в современных конституционных государствах. М., 1907, 214 с.
89. Кульчицкий Л. Политические партии в Польше. Ростов/Дону, 1906, 80 с.
90. Лазаревский Н.И. Автономия // Право, 1906, № 2, с. 73–90.
91. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995, 550 с.
92. Липранди А.П. Возможен ли в России парламентаризм? Харьков, 1910, 68 с.
93. Липранди А.П. Нужен ли России парламентаризм? Харьков, 1910, 72 с.
94. Локоть Т.В. Первая Дума. М., 1906. (книга была запрещена цензурой)
95. Локоть Т.В. Политические партии и группы в Государственной Думе. Характер и причины политического бессилия Первой Думы. Возможный характер и задачи Второй Думы. М., 1907, 317 с.
96. Маклаков В.А. Вторая Государственная Дума. (Воспоминания современника). Париж, 1948.
97. Мельгунов С.П. Защита свободы совести. // Вестник Европы, 1909, № 1, с. 83–98.
98. Мельгунов С.П. Старообрядцы и свобода совести. М., 1917, изд. 2-е.
99. Мельгунов С.П. Церковь и государство в России (к вопросу о свободе совести). Сб. ст., 2 тома. СПб., 1907–1909.
100. Милица О мусульманском движении. // Вестник Европы, 1912, № 8, с. 356–371.
101. Миллоков П.Н. Вторая Дума. Публицистическая хроника 1907 г. СПб., 1908, 302 с.
102. Миллоков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб., 1907, 550 с.
103. Миллоков П.Н. Национальный вопрос: происхождение национальностей и национальный вопрос в России. Прага, 1925, 192 с.
104. Миллоков П.Н. Политические партии в Государственной Думе за пять лет // Ежегодник газеты Речь на 1912 год. СПб., 1912, с. 77–96.
105. Могиланский М. Первая Государственная дума. СПб., 1907, 200 с. (Рец. Л.Шифа в журн. “Русская мысль”, 1908, № 1, Библиографический отдел, с. 37)

106. Мокринский С. Применимость 129 ст. угол. уложения к составлению выборгского воззвания. // *Право*, 1906, № 40, 8 октября, с. 3071–3076.

107. Мускатблит Ф.Г. Первый русский парламент (избирательная компания и ее итоги). Одесса, 1906.

108. Мухарямов М.К. О пересмотре оценки роли партии “Итти-фак” и мусульманской фракции Государственной Думы / *Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции в 3-х томах. Июнь 9–13, 1992, г. Казань. М., 1997, том 3, с. 69–71.*

109. Наблюдателъ. Националистические и национальные течения в третьей Думе // *Русская мысль*, 1912, № 8, с. 11–17.

110. Набоков В.Д. Десятилетие Гос. Думы // *Право*, 1916, с. 1011–1018.

111. Набоков В.Д. Законопроекты партии народной свободы и их критика // *Право*, 1906, № 47, 48, 49, 50.

112. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. / Ответственные редакторы С.Г. Агаджанов, В.В.Трепавлов. М., 1998, 416 с.

113. Неманов Л. Итоги деятельности третьей Г. Думы / *Ежегодник газеты Речь на 1912 год.* СПб., 1912, с. 97–117.

114. Неманов Л. Эволюция партийных отношений в третьей Государственной Думе. // *Русская мысль*, 1910, № 8, с. 153–178.

115. Никаноров И. Церковные и вероисповедные вопросы в третьей Государственной Думе. СПб., 1912, 56 с.

116. Новгородцев П.И. Проф. В.И. Герье о первой Государственной Думе // *Русская мысль*, 1907, № 1, с. 19–25.

117. Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. 1907–1912 гг. Часть первая. Общие сведения; Часть вторая. Законодательная деятельность. 3 тома, СПб., 1912.

118. Обнинский В. Девяносто дней в одиночном заключении. Из тюремных заметок. // *Вестник Европы*, 1909, № 8, с. 639–670.

119. Обнинский В. Члены Гос. Думы первого, второго и третьего созыва. // Приложение к *Энциклопедическому словарю Граната*, т. 17, 12-е изд., с. 1–73.

120. Общий список членов Государственной Думы I, II, III, IV созывов. // *Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон.* Репринтное переиздание. Биографии. В 12 томах: т. 6: Клейрак-Лукьянов /

Отв. ред В.М.Карев, М.Н.Хитров. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. – 863 с. с ил., Приложение № 3, с. 821–862.

121. Ольшанский Н.Н. (ред.) Четвертая Государственная Дума. Портреты и биографии. СПб., 1913, 240 с.

122. Основные законы // *Право*, 1906, № 17, с.1533–1538.

123. Памятная книжка Первой государственная дума. Вып. 1–3, СПб., 1906. 3 т.

124. Первая Государственная Дума. Алфавитный список и подробные биографии и характеристики членов Государственной думы. М., 1906, 158 с.

125. Первая Российская Государственная Дума. Литературно-художественное издание под ред. Н.Пружанского. СПб., 1906, 156 с.

126. Познышев С.В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. К реформе нашего законодательства о религиозных преступлениях. М., 1906, 313 с.

127. Проекты законов, одобренные Государственной Думой. Четвертый созыв. Сессия первая. 1912–1913 гг. СПб., 1913, 787 с.

128. Проекты законов, принятые Государственною Думою. Третий созыв. Сессия первая. 1907–1908 гг. СПб., 1908, 546 с.

129. Рейснер М.А. Государство и верующая личность. Сб. ст., СПб., 1905, 423 с.

130. Религия в современном обществе: история, проблемы, тенденции. Тезисы и доклады международной, научно-практической конференции 2–3 октября 1997 г. Казань, 1998, 216 с.

131. Российская Государственная дума. Созыв 2-й. Обзор деятельности комиссий и отделов. СПб., 1907, 613 с.

132. Руффини Ф. Религиозная свобода. История идеи. Вып. I. Спб., 1914.

133. Сборник действующих постановлений, изданных в порядке статьи 87 Основных Государственных Законов. Составлен Государственной Канцелярией. СПб., Гос. Типография, 1913, 91 с.

134. Сборник действующих постановлений... Второе дополнение к Сборнику, изданному в 1913 г. Пг., 1915, 217 с.

135. Сборник действующих постановлений... Дополнение к Сборнику, изданному в 1913 г. Пг., 1915, 328 с.

136. Сборник действующих постановлений... Третье дополнение к Сборнику, изданному в 1913 г. Пг., 1916.

137. Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврической и Оренбургских округах и о магометанских учебных заведениях. Издание неофиц. Казань, 1898, 61 с.
138. Сборник речей гг. депутатов Государственной Думы I. и II. созыва. СПб., 1908, 576 с.
139. Свиетоховский Т. Русский Азербайджан. 1905–1920. // Хазар, 1990, № 1–3.
140. Селунская Н.Б., Бородкин Л.И., Григорьева Ю.Г., Петров А.Н. Становление Российского парламентаризма начала XX века. М., 1996, 284 с.
141. Сидельников С.М. Образование и деятельность I Государственной Думы. М., 1962.
142. Сидоренко Н.С. Указ о введении начал веротерпимости и общественно-политическое движение на Урале (1905–1907 гг.) / Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч.1. Челябинск, 1995, с. 165–168.
143. Слонимский Л.З. Книга о национальном вопросе // Вестник Европы, 1910, № 9, с. 312–323.
144. Слонимский Л.З. Накануне новой Думы // Вестник Европы, 1907, № 1, с. 334–345.
145. Слонимский Л.З. Национальная идея и ее новейшие извращения. // Вестник Европы, 1909, № 1, с. 297–311.
146. Слонимский Л.З. Наша конституция и ее особенности // Вестник Европы, 1908, № 7, 145–157.
147. Состав трудовой группы в I и II Государственных думах. Сводная таблица членов фракции. М., 1988. 124 с.
148. Султанбеков Б.Ф. История в лицах. Казань, 1997, 128 с.
149. Тарновский Е. Четыре свободы. СПб., 1908, 76 с.
150. Тверской П.А. К историческим материалам о покойном П.А.Столыпине // Вестник Европы, 1912, № 4, с. 183–201.
151. Тимашев Н.С. Основания наказуемости религиозных преступлений // Право, 1915, № 26, с. 1814–1819.
152. Тимашев Н.С. Религиозные преступления по действующему русскому праву. Пг., 1916, 104 с.
153. Тихомиров Л. К реформам обновленной России. Статьи 1909, 1910, 1911 гг. М., 1912, 343 с.

154. Третья Государственная Дума. Сессия 3-я. Фракция народной свободы в период 10 октября 1909 – 5 июня 1910 г. Отчет и речи депутатов. СПб., 1910, 90 + 182 с.
155. Троицкий П.С. Церковь и государство в России. (Отношение государства к церкви по воззрениям наиболее видных наших писателей и общественных деятелей). М., 1909, 199 с.
156. Тукаев М.-Ш.Х. Отчет члена комиссии по вероисповедным делам во второй и третьей Государственных Думах. Оренбург, 1912, 16 с.
157. Усманова Д.М. Деятельность мусульманских фракций I–IV Государственных Дум / “Интеллигенция Татарстана в период реформ и революций первой трети XX в.”. Материалы Республиканской научной конференции, посвященной 100-летию Галимджана Шарафа. 3–4 декабря 1996 г. Казань, 1997, с. 30–31.
158. Усманова Д.М. Из рода Алкиных // Татарстан, 1993, № 12, с. 35–42.
159. Усманова Д.М. Неродное дитя империи // Татарстан, 1997, № 1, с. 73–80.
160. Усманова Д.М. Состав мусульманской фракции I–IV Государственной Думы / II Республиканская научная конференция молодых ученых и специалистов. Тезисы докладов. Книга VI. Казань, 1996, с. 18.
161. Усманова Д.М. Февраль 17-го в телеграммах от мусульманского населения // Гасырлар авазы-Эхо веков, 1997, № 1/2, с. 164–170.
162. Фалькович С. Проблемы католической церкви и католической веры в Государственной Думе после революции 1905–1907 гг. в России / Католицизм в России и Православие в Польше (XI–XX), Wydawca: Urowszechnianie Nauki – Oswiata “UN-O”, 1997, с. 277–285.
163. Фахрутдинов Р.Р. Программные документы “Иттифак эл-муслимин” и мусульманские фракции в Государственной думе / Материалы и документы по истории общественно-политического движения среди татар (1905–1917 гг.). Казань, 1992, с. 3–12.
164. Фахрутдинов Р.Р. Этапы татарского национального движения нач. XX в. (1905–1917) / Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конфе-

ренции в 3-х томах. Июнь 9–13, 1992, г. Казань. М., 1997, том 3, с. 79–82.

165. Формы национального движения в современных государствах России, Австро-Венгрии и Германии. М., 1910, 821 с.

166. Хабутдинов А.Ю. Деятельность мусульманской фракции по защите татарской культуры в 3-ей и 4-ой Российской Государственных Думах. / Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции в 3-х томах. Июнь 9–13, 1992, г. Казань. М., 1997, том 3, с. 89–91.

167. Цаликов Ах. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. М., 1913, 189 с.

168. Цитрон А. 103 дня Второй Думы. СПб., 1907, 188 с. (арест снят в 1910 г.)

169. Цитрон А. 72 дня первого русского парламента. СПб., 1906, 167 с.

170. Четвертая Государственная Дума. Сессия 2-я. Фракция народной свободы в период 15 октября 1913 по 14 июня 1914 г. Отчет и речи депутатов. Ч. 1. СПб., 1914, 256 с.

171. Четвертый созыв Государственной Думы. Портреты. Биографии. 1912–1917. Альбом. Изд. Н. Ольшанского, СПб., 1913.

172. Члены 2-й Государственной думы. СПб., 1907, 124 с.

173. Шевырин В.М. Выборгское воззвание / Исторический энциклопедический словарь. М., 1996, т.1.

174. Шингарев А. Законодательная инициатива членов Гос. Думы и Гос. Совета // Русская мысль, 1912, № 9, с. 1–25; № 10, с. 93–122.

175. Шингарев А. Новая Дума и старые думы // Русская мысль, 1908, № 2, с. 134–154.

176. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918, 592с.

177. Ширяев В. Свобода совести / Энциклопедический словарь Граната. Изд. 7 (12), т. 37, с. 505–515, 1933 г. изд. (по матрицам 1917 г.).

178. Штильман Г. Внепарламентское законодательство в конституционной России (ст. 87 основн. госуд. зак.) 1908, 31 с. (Рец. на книгу В.Линда в журнале “Русская мысль”, 1907, № 12, Библиографический отдел, с. 245–247.)

179. Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе России: Сб. статей / Под ред. А.Б.Юнусовой, А.В.Малашенко. М., 1988, 124 с.

180. Ямаева Л.А. Вопросы свободы вероисповедания в постановке мусульманской фракции Государственной думы (1906–1917 гг.) / Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч.1. Челябинск, 1995, с. 150–153.

IV. Литература на татарском и казахском языках:

1. Акчура Йосыф, Дин моназарларында иркенчелек хакында. Казан, 1906, 18б.

2. Ахмедов Галым, Русия Думасындагы казакъ депутаттар. // “Жулдуз”, 1994, № 171, 169–173 бб.

3. Гаффарова Ф.Ю. “Мин милләтнең баласымын”. Олуг милләт-пәрвәребез Садри Максудиның сәяси-ижтимагый эшчәнлеге. Казан, 1997, 124 б.

4. Ибраһимов Рәшид казый, Автономия яки идарәи мохтария. Казан, 1905.

5. Исхакый Гаяз, Солых һәйәте әгъзасы Фуад бәк Туктар вафат / Яна милли юл, февраль-март 1939, № 2 (129), 6–16 бб., № 3 (131), 16–25 бб.

6. Максуди Әхмәд-Һади, Дәүләт думасы һәм аның өчен членлар сайлауның низамнамәләре. 1905 сәнә 6-нчы августа булган олуг Манифест вә фарманлар буенча. Казан, 1906, 32 б.

7. Русия мөселманлары иттифакы. Троицк, 1906, 19 б.

8. Русия мөселманлары иттифакның низамнамәсе. СПб., 1906, 16 б.

9. Султанбәк Булат, Патша һәм Сталин корбаны // Татарстан, 1997, № 9, 31–38 бб.

10. Тукаев М.-Ш. Икенче вә өченче Государственный Думада дин комиссиянең члены Уфа вәкиле Мөхәммәдшакир Тукаев тарафындан дин комиссиянең отчеты. Оренбург, 1912, 28 б.

11. Усал М.-Ф. Беренче, икенче вә өченче Думада мөселман депутатлар һәм аларның кылган эшләре. Казан, 1909, 240 б.

V. Литература на английском и немецком языках:

1. Alfred Janus G., The Polish Kolo, the Russian Duma and the question of polish autonomy. The Ohio State University, Ph. Dr., 1971.

2. Altstadt Audrey L., *The Azerbaijani Turks. Power and Identity under Russian Rule*. Hoover Institutions Press. Stanford, California. 1992, 331 p.
3. Bennigsen Alexandre, Lemercier-Quelquejay Chantal, *Islam in the Soviet Union*. Pall Mall Press. London, 1987–88. (First published 1967).
4. Chmielewski Edward, *The Polish question in the Russian State Duma*. The University of Tennessee Press: Knoxville. 1970, 188 p.
5. Fisher Alan W., *The Crimean Tatars*. Stanford: Hoover Institution Press, 1987.
6. Hagen Manfred, *Das Nationalitätenproblem Russlands in den Verhandlungen der III. Duma 1907 bis 1911 (vom Zusammentritt der Duma bis zum Tode Stolypins)*. Diss., Goettingen, 1962.
7. Kappeler Andreas, *Russland als Vielvölkerreich. Entstehung. Geschichte. Zerfall*. München, 1993.
8. Kendirbay Gulnar, *The national liberation movement of the Kazakh intelligentsia at the beginning of the 20th century // Central Asian Survey (1997), 16 (4), pp.487–515*.
9. Landau Jacob M., *Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation*. Hurst & Company, London, 1995 (first published 1981), 275 p.
10. Levin Alfred, *The Third Duma: Election and Profile*, Archon Books, 1973.
11. Olcott Martha Brill, *The Kazakhs*. Hoover Institution Press, Stanford, California, 338 p.
12. *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917*. / Daniel R. Brower and Edward J. Lazzerini (ed.). Indiana University Press. 1997, 339 p.
13. *Religious and secular forces in late tsarist Russia. Essays in honor of Donald W. Treadgold*. Edited by Charles E. Timberlake. University of Washington Press. Seattle and London. 1992, 366 s.
14. Rorlich Azade-Ayse, *The Volga Tatars. A Profile in National Resilience*. Stanford. 1986.
15. Salzmann Rainer, *Die Schulpolitischen Vorstellungen der Parteien in der dritten Reichsduma*. Bonn, 1972.
16. Schlesinger Martin Ludwig, *Russland im XX. Jahrhundert*. Berlin, 1908.
17. Smith, C.J., *The Russian Third State Duma: an Analytical Profile // The Russian Review, Vol. 17, No 3 (1958), s. 201–210*.
18. Spuler Bertold, *Idel-Ural Völker und Staaten zwischen Wolga und Ural*. 1942.
19. Szeftel Marc, *The Russian Constitution of April 23, 1906. Political institutions of the Duma Monarchy*. Bruxelles, 1976, 517 p.
20. Usmanova Diljara, *Die Tatarische Presse 1905–1918: Quellen, Entwicklungsetappen und Quantitative Analyse / Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Islamkundliche Untersuchungen. Band 200*. Klaus Schwarz Verlag. Berlin. 1996. S. 239–278.
21. Usmanova D., *The activity of the Muslim faction of the State Duma and its significance in the formation of a political culture among the muslim peoples of Russia (1906–1917) / Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Vol.2: Inter-Regional and Inter-Ethnic Relations*. Edited by Anke von Kuegelgen, Michael Kemper, Allen J. Frank. Islamkundliche Untersuchungen. Band 216. Klaus Schwarz Verlag. Berlin. 1998. p. 417–455.
22. Usmanova D., *L'Assemblée Spirituelle musulmane au début du XX-e siècle. Les projets de réforme face au pouvoir politique russe. / L'Islam de Russie. Conscience communautaire et autonomie politique chez les Tatars de la Volga et de l'Oural, depuis le XVIII-e siècle. Actes du colloque international de Qazan, 29 avril – 1-er mai 1996*. Edite sous la direction de Stefane A. Dudoignon, Damir Is'haqov et Rafiq Mohammatshin. – Paris: Maisonneuve et Larose, 1997, p. 175–191.
23. Waldron Peter, *Religious Toleration in Late Imperial Russia / Civil Rights in Imperial Russia*. Olga Crisp and Linda Edmonson (ed.). Oxford: Clarendon Press, 1989, p. 103–119.
24. Walsh W.B., *The Composition of the Dumas // Russian Review, Vol. 8, No 2, (1949), p. 111–116*.
25. Wolters Margarete, *Aussenpolitische Fragen vor der vierten Duma*. Hamburg, 1969, 248 S.

Ответственный за выпуск – Хайрутдинов Р.Р.
Редактор – Салихов Р.Р.
Техн. редактор – Хайрутдинова Л.Ф.
Корректор – Дудичева Г.П.
Компьютерная верстка – Абзалилов Д.Ф.
Художественное оформление – Насыров Ш., Порсев В.

Лицензия № 189 от 28.05.97 г.

Сдано в набор 00.00.99. Подписано к печати 00.00.99
Печать RISO. Бумага офсет № 1. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$
Усл. печ. л. 10,25. Тираж 500.

Издательство “Мастер Лайн”, г.Казань, ул.Б.Красная, 55 ком. 003
Отпечатано на полиграфическом участке издательства